

КОНАН

КОНАН
И ЧЕРНОЕ
СОЛНЦЕ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СПЛОНИ 1	КОНАН И БОГИ ТЫМЫ 2	КОНАН И МЕН КОМАУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОСЛАНИЕ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНИ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕВЗНОМЫ СЕКРЕТА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕВ 8	КОНАН ПРИБЛИЖАЕТ БОИ 9
КОНАН И КАРУСЛИ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КАНИКЛИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙКОМЫ 13	КОНАН И ВЕРНОЕ ПРЕДУШЕ 14	КОНАН И ВРЕМЯ КАЛЕНДЯ СТРА 15	КОНАН И ПОЛ БОГОВ НЕ ИЗДАНО! 16	КОНАН И ТАКИМАН ЗА НЕ ИЗДАНО! 17	КОНАН И БЫЧ НЕПТАА 18
КОНАН И ГОРОДА ПАЛЕННЫХ АУШ 19	КОНАН И ИСТОРИИ СУДЕВ 20	КОНАН И СЕРАЧЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАТРОС ОНО 22	КОНАН И ПЕРВЫЕ ПРОШЛОЕ 23	КОНАН И ВОИШЕСТВО ИРАА 24	КОНАН ВАРЬАК ИЗ КИРИБИКИ 25	КОНАН И РЫБЧИЙ ИСТРЕВ 26	КОНАН И ПАД-ВЕРИ ВЕЗАНА 27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ ПРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАШНОЕ ЛАВИЧИНТ 31	КОНАН И РАССОСЫ НАСА 32	КОНАН И ЧАША БЕССЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАК 34	КОНАН И ТРОСОВЫ ГРЕЗАНИ 35	КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36
КОНАН И БИТВА БЕССЕРТИЯК 37	КОНАН И ПОКИНУТАЯ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАЛТАК 39	КОНАН И ОКОМЫ ВЕЗМОУВЕРИЯ 40	КОНАН И ВЛАДЫЧЕВ НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОС 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЫМЫ 45
КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ГОЛОСНОЕ ОГОНЬ 49	КОНАН И РЕПЕР ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КАЕЛМО ЗМЕЛ 51	КОНАН И ЛЮДИ ОКЕАНА 52	КОНАН И ВОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54
КОНАН И СТЫЖУЕ ЗАО 55	КОНАН И ЗОВУМ ШАДУВАРА 56	КОНАН И ОЛЕП ХАССА 57	КОНАН И ЛЕПЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СЕРДЦЕ ТРИКОВ 59	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МОАНИ 60	КОНАН И ТИПЫ ДАЙВОРИ 61	КОНАН И ВОЛАННИ БУРИ 62	КОНАН И СЛА ИСПОМИНА 63

КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва • Санкт-Петербург • 2005

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
К64

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать 21.01.05. Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Палатино».
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 10.000 экз. Заказ № 162.

Конан и черное солнце : [сб.] / Д. Брайан, О. Локенит,
К64 К. Монро. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2005. —
425, [7] с. — (Конан).

ISBN 5-17-029022-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-257-2 («Северо-Запад Пресс»)

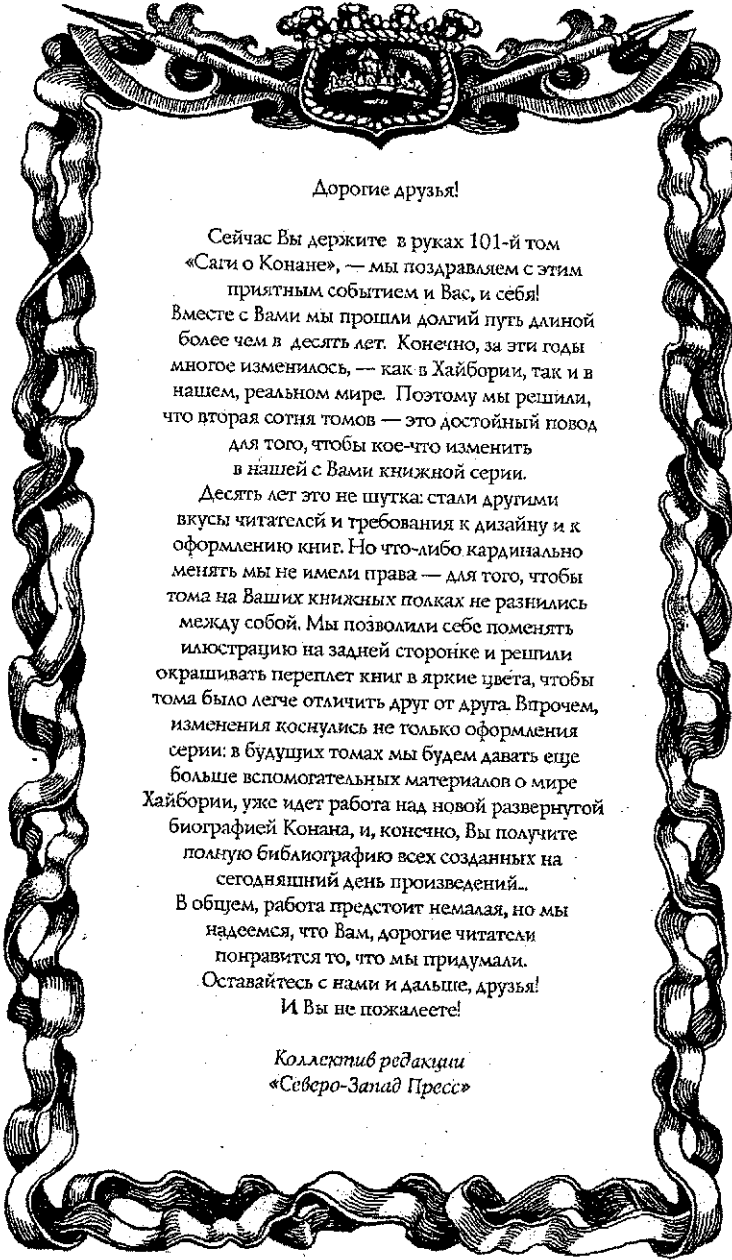
Величайший из героев Хайборийского мира, неистовый Конан-кimmerец, даже став королем могущественной Аквилонии, не утрачивает тяги к приключениям. Трон и держава в опасности — и на сей раз угроза приходит с неожиданной стороны. Жрецы Черного Солнца сеют в стране раскол и безумие, доводя Аквилонию до междоусобной войны.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский,
серийное оформление, 1999
© С. Шинкин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2004

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

Дорогие друзья!

Сейчас Вы держите в руках 101-й том «Саги о Конане», — мы поздравляем с этим приятным событием и Вас, и себя! Вместе с Вами мы прошли долгий путь длиной более чем в десять лет. Конечно, за эти годы многое изменилось, — как в Хайбории, так и в нашем, реальном мире. Поэтому мы решили, что вторая сотня томов — это достойный повод для того, чтобы кое-что изменить в нашей с Вами книжной серии.

Десять лет это не шутка: стали другими вкусы читателей и требования к дизайну и к оформлению книг. Но что-либо кардинально менять мы не имели права — для того, чтобы тома на Ваших книжных полках не разнились между собой. Мы позволили себе поменять иллюстрацию на задней стороне и решили окрашивать переплет книг в яркие цвета, чтобы тома было легче отличить друг от друга. Впрочем, изменения коснулись не только оформления серии: в будущих томах мы будем давать еще больше вспомогательных материалов о мире Хайбории, уже идет работа над новой развернутой биографией Конана, и, конечно, Вы получите полную библиографию всех созданных на сегодняшний день произведений. В общем, работа предстоит немалая, но мы надеемся, что Вам, дорогие читатели понравится то, что мы придумали. Оставайтесь с нами и дальше, друзья! И Вы не пожалеете!

Коллектив редакции
«Северо-Запад Пресс»

Предисловие авторов

Иногда случается так, что большие романы рождаются из ничего. Из пустоты. Вот об этой странной пустоте мы сегодня кратко поговорим.

Олаф Локнит и Керк Монро хотят извиниться перед читателем за то, что в дальнейшем мы станем писать о себе в третьем лице — нам показалось, что так будет удобнее. По крайней мере нам не придется срываться на монологи и объяснять, кто именно из нас говорит и почему затронута именно эта тема, а не какая либо другая.

Итак...

История романа «Тени Ахерона» началась задолго до того, как его первые страницы выползли из принтеров почтенных соавторов. Более того, означенные соавторы не подозревали о рождении большого романа вплоть до того момента, как была закончена первая часть. Именно поэтому предисловие дается ко второй части — только теперь Олафу и Керку стало ясно, что намечается нечто весьма серьезное, по крайней мере не уступающее по объему и охвату событий «Полуночной Грозе» или «Алой Печати». Даже сейчас, когда второй том готов к изданию, мы не знаем, сколько тонн бумаги будет израсходовано типографией на тираж последующих книг данного романа. Но ясно одно — третий том последним не будет, слиш-

ком уж серьезно все закрутилось. И отнюдь не по нашей вине — как и всегда, мы только записываем то, что вытворяют живущие вполне самостоятельной жизнью герои.

Вернемся, однако, к самому началу, а именно — в начало весны по календарю Южного полушария и Новой Зеландии, в солнечные и теплые деньки октября 2001 года. Мистер Локнит тогда был занят сочинением истории о кладе Нифлунгов, который, стараниями небезызвестного Халька Юсдаля и волшебника Тотланта, внезапно «нашел сам себя». Надобно непременно заметить, что к означенному времени барон Юсдаль получил повышение — за выдающиеся заслуги в деле вспомоществования королю Конану Канах в поисках разнообразных неприятностей, Хальку была дарована монаршая милость: звание тайного советника короны. Жалование тоже повысили — аж на целых девять золотых аквилонских кесариев. Если приравнять золотую монету Аквилонии к французскому ливру 1350-1400 годов по Рождеству и пересчитать в соответствии с современными ценами за унцию золота, то получается, что эта сумма примерно равна 185 долларам США. Примерно столько сейчас зарабатывает за неделю неквалифицированный разнорабочий в гавани Окленда.

Олаф ничуть не удивился тому, что его любимый герой тут же вступил в ряды кладоискателей — тайный советник, это же почти министр, а министрам никак не пристало закладывать честно заработанные ордена ростовщикам, чтобы свести концы с концами! «Клад» был придуман, и события начали развиваться непредсказуемо... Впрочем, здесь нет смысла переска-

зывать сюжет книги, постоянные читатели «Саги о Конане» наверняка уже включили ее в свою коллекцию. Необходимо сказать лишь одно: мистеру Локниту потребовался человек, который сможет предупредить короля Конана и Халька о пакостных свойствах якобы «придуманного» сокровища.

Такой человек немедленно нашелся. Звали его Малвером Ройлом, он носил высокий титул графа марки (почти то же самое, что и великий герцог, только еще значительнее...), являлся завзятым коллекционером и собирателем древностей. В первом томе «Сокровищ Нифлунгов» маркграф Ройл случайно обмолвился, будто обнаружил развалины Стобашенного Пифона (того самого!) и начал раскопки на месте бывшей столицы Кхарийской империи.

Вроде бы эта случайная ремарка Олафа Локнита ни к чему не обязывала. История с кладом ну каким боком не касалась очень и очень древних руин Пифона. Однако, литературный коллега Олафа, уже успевший заявить о себе в «Саге» Керк Монро, отбил в Окленд электронное письмо с вопросом: «Мистер Локнит, а что было дальше? Я имею в виду Пифон? Если маркграф Ройл там «копался» всерьез, то он наверняка мог найти нечто очень интересное!»

Сейчас можно дать небольшое лирическое отступление. Спросим себя: что мы знаем о Кхарийской империи? Отец-основатель «Саги», Роберт Ирвин Говард, приводит лишь отрывочные сведения, которые можно уместить в одно предложение: Ахерон являлся государством темных магов, захватившими власть едва ли не над всем континентом, затем империя оказалась уничтожена хайборийскими варварами. И всё!

Никаких подробностей, деталей, мелочей! Никто не знает о Кхарии ничего, кроме названий двух-трех городов, имен нескольких тогдашних богов (спасибо стигийцам, сохранили память о предках!) и мутных историй о стра-ашных черных колдунах и неперенных человеческих жертвоприношениях в лучших традициях Р. Говарда и его ближайших последователей. В остальном — полный вакуум и крошечная пустота!

Но, как известно, природа пустоты не терпит. Если уж авторы «Саги» не могут писать непосредственно о Кхарии, то можно хотя бы поработать лопатой на развалинах ее столицы.

Олафу остается только поблагодарить Керка за идею. Причем, первоначально идея состояла только в том, чтобы Конан съездил в гости к маркграфу Ройду и поглядел на его достижения в области археологии. Так была написана первая глава «Теней Ахерона». И отложена на время — у мистера Локнита были другие дела.

Керк настаивал и бомбардировал письмами: так что же было дальше? Что они там нашли? Наверняка в развалинах сохранилась целая куча любопытных артефактов! Какие?

«Надоело!» — решил Олаф, открыл старый файл и начал думать о том, что может произойти после прибытия короля Конана, его супруги (он два года назад женился на Зенобии) и неотвязного Халька, сующего свой длинный нос куда следует и не следует.

Как написали бы авторы дамских романов, в тот запоминающийся миг перед внутренним взором Олафа возник туманный и таинственный образ... В дамском романе это непременно был бы образ какой-ни-

будь прекрасной графини-маркизы, но мистер Локнит является стопроцентным прагматиком, лишенным романтического образа мыслей. А посему он заказал телефонный разговор с Квебеком (Канада) и когда сигнал прошел через Тихий океан и весь североамериканский континент, потребовал к телефону мистера Монро.

Мистер Монро ответил и немедленно был поставлен перед выбором: или вы никогда не узнаете, что было найдено в Пифоне, или вы будете помогать в сочинении романа. А точнее, участвовать в написании истории про маркграфа Ройла и его увлечении археологией на равных правах соавтора, которые будут указаны в договоре с издателями. В конце концов, вы сами виноваты — нечего было занудствовать...

И Керк согласился. Сразу. На свою беду.

* * *

Если вы думаете, что работать в соавторстве просто, то глубоко ошибаетесь. Это трудно хотя бы потому, что значительная часть литературных героев Керка и Олафа списана с реальных людей — внешность, характер и привычки принадлежат прототипам. Ну например «граф Кертис» в настоящей жизни является сотрудником уголовной полиции, а «Гвайнард из Гандерланда» работает в одной из спецслужб. Вопрос только в том, что данные прототипы живут в тысячах миль друг от друга и Олаф Локнит ни разу в жизни не видел «Гвайнарда», а Керк Монро «графа Кертиса». Как прикажете их описывать? А ведь соавторы приняли решение ввести в роман большинство

старых героев из прежних романов Локнита и цикла Керка Монро «Ночная Охота».

Было решено пойти по пути наименьшего сопротивления. Активно действовать будут только самые любимые персонажи обоих авторов или вообще «люди со стороны», в предыдущих романах мелькавшие на заднем плане или вообще доселе не существовавшие. С другой стороны, такие известные персонажи как герцог Морадин Эрде или маг Тотлант отойдут в сторону и будут лишь «создавать фон». Олаф и Керк уговорились, что они будут писать по очереди по одной главе, которая затем будет отправлена второму соавтору для редактирования и внесения надлежащих дополнений.

Засим, было решено разделить роман на три сюжетных линии, которые были предварительно поименованы «магической», «военной» и «политической». Во-вторых, строй текста остался традиционным — монологи героев, рассказывающих о событиях от первого лица. И в-третьих было принято решение взять за основу совершенно новый и никогда прежде не использовавшийся сюжет, о котором следует сказать подробнее.

Давайте перенесемся из Хайборийского мира в наш Универсум и вспомним, каковы были причины большинства крупных конфликтов в средневековой Европе, «отражением» которой являются государства Закатного материка, расположенные к западу от Кезанкийских гор. Правильно: все до единого крестовые походы, войны в Лангедоке или Италии, экспедиции европейцев в Африку и Египет и так далее и так далее были обусловлены религиозными мотивами.

Мы знаем, что Хайбория по определению веротерпима: в нашем распоряжении имеется справочный файл, в котором описано почти три сотни разнообразных божеств, «обитающих» в Мире Конана, причем большинство из них вовсе не злые, а «нейтральные». Нордхеймцы верят в Вотана-Одина, киммерийцы в Крома, обитатели Заморы — в Бела Обманщика. Веруй в кого угодно, только будь хорошим человеком... Просмотрев большинство произведений «Саги» соавторы пришли к выводу, что серьезных религиозных конфликтов в истории Заката никогда не было.

Основную мысль соавторов можно озвучить примерно следующим образом: а что произойдет, если в Хайбории появится новое, доселе неизвестное верование, крайне привлекательное внешне, и, одновременно отрицающее прочие верования и не считающее обычную для стран Заката веротерпимость обязательной добродетелью? В истории нашего мира такой пример был — учение катаров, альбигойская ересь, процветавшая на юге Франции в XI-XIII столетиях. Католической церкви и французской короне пришлось приложить немало усилий и принести большие жертвы ради того, чтобы уничтожить еретиков, смутивших умы многих тысяч обитателей Прованса и Лангедока своими проповедями.

Но описывать обычный религиозный конфликт было бы неинтересно. В конце концов, в Хайбории огромное значение имеет магия и все, что с ней связано. Политическая ситуация после Немедийской войны, случившейся совсем недавно, крайне нестабильна, особенно в пределах Трона Дракона — Немедия еще не успела оправиться от связанных с мятежом

принца Тараска потрясений двухлетней давности. Если у соавторов получится перемешать на страни своего романа все три линии — появление нового крайне реакционного вероучения, магию и политику — то может получиться нечто оригинальное.

Так, из пустоты, начал рождаться роман «Т Ахерона», вторую часть которого вам представляю. Читайте, оценивайте, критикуйте. И ждите вскорости третий том.

Искренне желаем нашим читателям всего самого наилучшего.

Олаф Бьорн Локнит, Керк Мон
(Окленд — Квеб.
Ноябрь 2003 г.)

Посвящаем нашему общему другу Раймону-Роже
с благодарностью за аутентичные источники...

Олаф и Керк

1. Первый рассказ Халька О колдунах и камердинерах

Тарантия, Замок Короны,
12 день второй осенней луны 1296 г.
по основанию Аквилонии.

Рянусь; моя жизнь просто невыносима... В качестве дополнения ко всем свалившимся неприятностям, в те дни у меня жутко разболелись зубы. Кажется, я серьезно застудился, когда верхом ездил в библиотеку Обители Мудрости — ветер был очень холодный, пронизывающий, не спасал даже толстый шерстяной плащ с глубоким капюшоном. Результат: на следующий день у меня начался жар, а половину физиономии разнесло так, что даже заплыл правый глаз. Верхняя десна воспалилась настолько, что кушать какую либо твердую пищу стало совершенно невозможно — очень больно.

Пришлось звать дворцового лекаря — месьора Монтеля, который посмотрев на раздувшуюся рожу месьора тайного советника и королевского летописца, только покачал головой, горько вздыхал, и сразу предложил вырвать два зуба, чтобы выпустить гной. Но я, как на скверно себя чувствовал, немедленно восстал против лекарского произвола — зубы мне еще пригодятся, да и здоровы они вроде бы... Нет ли каких-нибудь других способов избавиться от проклятущей немощи?

Монтель снова вздохнул, развел руками, посоветовал полоскания травяным отваром да холодные примочки и с тем отбыл, не забыв, однако, напомнить, что если я все-таки надумаю избавиться от верхнего правого клыка, железные клещи у нашего изощренного целителя всегда найдутся под рукой. При мысли о клещах, мурашки побежали у меня по хребту от шеи к копчику, и я предпочел о месьоре Монтеле немедленно забыть.

Мой новый камердинер, Джигг, безотлагательно отправился на малую дворцовую кухню, располагавшуюся как раз под моими комнатами на первом этаже — заваривать зелье, а я с самым печальным видом устроился в любимом кресле со старинной книгой в руках — ныне ничто меня так не интересовало, как история Кхари.

Ближе к вечеру заглянули король и королева, провести скорбящего тяжким недугом библиотекаря. Конан с Зенобией выглядели до отворачивания свежо и даже немного весело, хотя, как я уже сказал, в свете навалившихся на нас за по-

следние седмицы печальных известий, радоваться вроде бы было совершенно нечему.

Монаршая чета пробыла в гостях недолго, киммериец спустя квадранс ушел, сославшись на занятость — теперь ему приходилось все прилежнее заниматься пресловутыми «важными государственными делами». Разворачивающиеся в Полу-денных областях королевства события требовали пристального внимания короля и оставлять дела только на совесть вице-короля Просперо Пуантенского, канцлера Публио и незаменимого барона Гленнора Конан более не мог. Слишком серьезной казалась ситуация, да и Просперо срочно уехал в Гайард, столицу своего герцогства, разбираться с делами на месте.

— Ваши полоскания, господин барон, — от мрачных дум меня отвлекла вкрадчивая речь камердинера. Джигг стоял на пороге комнаты с серебряным подносом в руках. На подносе дымилась фарфоровая плошка с горячим и, как выяснилось, отвратительнейшим по вкусу варевом. Уж не знаю, каких таких «целебных травок» намешал туда этот чернокнижник Монтель, но при одной мысли об отваре меня начинало тошнить. Полагаю, что даже самые смертельные яды гораздо вкуснее.

— Поставьте на стол, Джигг, — слабо прошепелявил я, поскольку из-за боли в десне разговаривать было трудно. — И не смотрите на меня волком, я обязательно выполняю предписания господина лекаря, а не вылью эту отраву за окно...

— Очень надеюсь, что ваша милость прислу-

шается к мнению месьора Монтеля, — сказал Джигг, взгромождая поднос с мерзкой жижей передо мной. — Насколько я сумел выяснить, он считается весьма знающим лекарем, в Тарантийской гильдии целителей о нем самые лучшие отзывы.

— Еще бы они были скверными! — я попытался поморщиться. — Дурака и шарлатана никто не возьмет на должность королевского костоправа...

— Распоряжения насчет ужина, господин барон? — невозмутимо осведомился камердинер. — Сегодня к вечерней трапезе готовят великолепную дичь в зингарской подливке. Любимое блюдо его величества.

Я воздел на Джигга страдальческий взгляд. Он что, издевается? Какая, к демонам, трапеза? Тем более — мясо... Я даже рта раскрыть нормально не могу!

— В таком, случае, я, как и вчера, приготовлю вам на ужин кашу с растертыми фруктами, и размоченными в молоке пшеничными лепешками, — Джигг моментально понял, что я готов сорваться и начать орать. — Я уже упоминал, господин барон, что это простое блюдо очень вкусно, питательно и не доставит вам... э... лишних страданий.

— Хорошо, Джигг, можете приготовить кашу... Обязательно остудите, от горячей пищи только большее становится.

— Как будет угодно господину барону. Никаких других распоряжений не последует?

— Нет. После полудня не было новых писем?

— Никаких, господин барон. Только...

Камердинер многозначительно замолчал.

— Что — «только»? — насторожился я. У Джигга потрясающая способность оберегать своего хозяина от самых малейших неприятностей и скверных известий, но иногда он перехватывает через край. — Вы опять «забыли» доложить мне о какой-нибудь очередной гадости, потрясшей наше несчастное королевство?

— Что вы, господин барон. Просто сегодня в замок прибыли двое весьма экстравагантных чужестранцев, которые настойчиво добивались встречи с вами. Я сообщил этом достойным месьорами, что вы серьезно больны и не принимаете никого, кроме монаршей четы по самым неотложным делам. Надеюсь, я не позволил себе ничего лишнего, господин барон?

С Джиггом всегда так. Он никогда не позволяет себе отступить от строжайших правил этикета, но обязательно предпочитает в мягких и необидных выражениях выразить передо мною свое отношение к тому или иному человеку или событию. В переводе с джигговского языка на нормальный, слова «несколько экстравагантные чужестранцы» означают примерно следующее: «Хальк, к тебе явились два крайне подозрительных типа, которых я выпроводил за порог, ибо, как идеальный слуга, я полагаю, что благородный дворянин и тайный советник короны не должен общаться с подобными отбросами».

Я только подъял очи горе и осведомился:

— Джигг, почему вы называли этих месьоров

«экстравагантными»? Они что, нарушали правила приличия, носили на голове нижнее белье или плевались в тронной зале?

— Нет-нет, упомянутые господа ничего подобного себе не позволяли, господин барон. Просто один из них, судя по облачению и внешности, является магом Черного Круга Стигии, а второй, вероятно, его слугой из простецов. Крайне невоспитанный молодой человек, позволю себе заметить.

«Что за чепуха? — подумал я. — Откуда у нас в Тарантии, да еще в Замке Короны, колдун Черного Круга? Или Конан наконец-то помирился с Тот-Амоном и пригласил его в Тарантию погостить? А знаменитый маг решил встретиться со мной, повспоминать наши авантюры времен Полуденной Грозы? Бред какой-то...»

— Они хоть представились? Этот самый маг и его невоспитанный слуга?

— Разумеется, господин барон. Некие Тотлант Луксурский и Веллан, сын Арта из Пограничного королевства.

— Однажды я вас рассчитаю Джигг, и выставлю взащей с должности камердинера! — взвыл я и тут же схватился за больную щеку. — Вы с ума сошли! Приезда этих людей я жду почти целую луну!

— Прошу простить за досадную промашку, господин барон, — столь же невозмутимо поклонился камердинер. — Но я не был извещен, ибо в противном случае...

— Митра Всеблагой! — продолжал разоряться

я. — Где они, Джигг? Надеюсь, вы не отправили моих гостей ночевать на постоялый двор?

— Разве я мог себе такое позволить, господин барон? По личному приказу короля упомянутых месьюров разместили в гостевых комнатах, Полуденное крыло замка. Видимо, они знакомы с его величеством...

— Даже лучше, чем вы думаете, — хмуро проворчал я. — Немедленно отыщите обоих и препроводите в мои комнаты! Слышите, Джигг, тотчас же!

— Как будет угодно господину барону, — сдержанно ответил камердинер. — Осмелюсь напомнить, что ваш отвар для полоскания остывает...

Джигг ненавязчиво подвинул поднос ближе ко мне, развернулся и словно растворился в пустоте — среди многообразных достоинств моего слуги есть потрясающее умение появляться и исчезать совершенно незаметно для других людей, а его тихой поступи может позавидовать любая кошка.

...Я поразмыслил, встал, забрал плошку с вонючей жидкостью и все-таки вылил ее за окно, в плещущиеся под стеной замка холодные воды Хорота. Надеюсь рыба в реке кверху брюхом не всплывет, хотя есть серьезные подозрения, что это будет именно так. Я содрогаюсь от одной мысли, что мне еще несколько дней придется брать в рот этот кошмарный субстрат, порожденный воспаленным воображением дворцового лекаря и руками Джигга.

Итак, Тотлант приехал, как и обещал. Ничего

удивительного — сейчас вся гильдия магов Равновесия, в которой состоит стигиец, стоит на ушах: слишком уж серьезная интрига закрутилась на Закате... Когда нам с Конаном стало окончательно ясно, что без помощи знающего волшебника не обойтись, мне в голову пришла мысль немедленно вызвать Тотланта из Вольфгарда, где он живет последние одиннадцать лет. В конце концов, Тотлант помогал нам в самых серьезных делах, начиная от уничтожения Небесной горы в 1288 году, и заканчивая историей с Алым Камнем и Великой войной за престол в Немедии.

Нет, разумеется, у нас есть свой придворный волшебник — ни один королевский двор Заката не может обойтись без мага, Аквилония тут исключением не является. Одна беда — Озимандия Темрийский очень и очень стар, Конан содержит его во дворце только в качестве эдакого живого артефакта, да и сам Озимандия полагает свою должность более почетной, нежели ответственной — киммериец предпочитает разбираться с делами безо всякой магии. Конан не слишком доверяет колдовству, что Черному, что Белому, что разноцветному.

Но Тотлант — другое дело. Ему недавно перевалило за тридцать пять лет, однако энергии и живости в стигийце хватит на десятилетия семнадцатилетних. Кроме того, он грамотный волшебник и наш старинный друг — настоящий друг, сомневаться в верности которого невозможно.

То, что вместе с Тотлантом в Тарантию навя-

зался Веллан, с одной стороны плохо, а с другой хорошо. Лишние руки и голова нам сейчас решительно не помешают, но в то же время Веллан обладает невероятным даром наводить во всех делах такие сумятицу и беспорядок, что разгребать последствия его действий приходится потом долгие седмицы, если не годы...

Что ж, посмотрим, чем сможет нам помочь эта неразлучная парочка! Благо помощь, особенно магическая, требуется ныне довольно остро.

* * *

— Сет Великий! — именно этим возгласом поприветствовал меня с порога Тотлант. — Хальк, что с тобой? Ужасно выглядишь, нельзя же так себя не любить!

Я повернул к волшебнику свою опухшую вдвое против обычного физиономию и развел руками:

— Вот, болеем... Безумно рад тебя видеть, старина!

За плечом Тотланта белело осуждающе-озабоченное лицо Джигга. Нутром чуял, что я использовал спасительное зелье отнюдь не по прямому назначению. Конечно, серебряная полоскательница-то пуста.

Я отлично понял, почему мой камердинер поименовал Тотланта «магом Черного Круга». Сколько лет прошло, а стигиец въевшимся раз и навсегда привычкам не изменяет, облачается точно в традиции давно покинутой родины. Алые гиль-

дейские плащи магов-равновесников Тотлант одевает только во время конклавов своего Ордена или на торжественные приемы. Обычно он носит угольно-черную хламиду с вышитыми золотой нитью на груди песочными часами и змеей, свернувшейся в круг и держащей в зубах свой хвост — символы Вечности и Равновесия. Незнающий человек может запросто принять змейку за изображение Сета.

Я не понимаю, как Тотланта доселе не убили на дороге, поскольку таких типов в Аквилонии очень не любят. С него можно рисовать картинку с подписью: «настоящий стигиец» — черные с золотом одеяния, бритая голова, очень смуглая кожа и темно-карие глаза, умные и хитрющие. Словом, натуральнейший черный маг, который приносит жертвы Сету трехдневными младенцами и использует кровь невинных девиц для составления колдовских декоктов...

— Веллан попозже зайдет, отправился в термы, отмываться с дороги, и застрял там на половину дня, — ответил Тотлант на мой немой вопрос о том, почему не пришел наш приятель-оборотень. — Ты, Хальк, сиди, не вставай. Сейчас посмотрим, что можно сделать с твоим не в меру раздутым лицом...

— Только не это! — простонал я, понимая, что волшебник сейчас устроит надо мной некую малоприятную экзекуцию. — Тотлант, оно само пройдет!

Проклятый колдунишка меня и слушать не стал. Протянул руку к больной щеке, сверкнула

алмазным глазком змейка на стальном магическом кольце, украшавшем средний палец его правой руки. Я на всякий случай зажмурился.

Кожу кольнуло искоркой и в воздухе запахло грозой и морозом. Половина лица моментально онемела, словно приложили лед. Тотлант неразборчиво бормотал заклинания на стигийском языке, чем в очередной раз вызвал неодобрение Джигга, явно раздумывавшего, не следует ли броситься на помощь хозяину, над которым ставит эксперименты заезжий колдун.

— Вот и все. Можно открыть глаза, — послышался мягкий голос Тотланта и волшебник повернулся к моему камердинеру: — Любезнейший, подайте месьюру Хальку серебряное зеркальце. Пусть барон Юсдаль оценит результаты работы.

Невероятно, но десна больше не болела. То есть, вообще не болела — теперь я преспокойно мог улыбаться, разговаривать и пережевывать твердую пищу. Доставленное Джиггом серебряное зеркало подтвердило, что опухоль полностью исчезла.

— Уж и не знаю, как благодарить, — выдавил я, все еще не веря своим глазам и ошупывая щеку. — Тотлант, это просто невероятно!

— То же самое ты говорил, когда три года назад я избавил тебя от жутчайшего похмелья, — рассмеялся волшебник, непринужденно усаживаясь в кресло напротив. — Помнишь прошлый мой приезд в Тарантию?

Еще бы не помнить... Именно тогда мы с Тотлантом «выдумали» злосчастный клад Нифлун-

гов — сколько неприятностей принесла эта авантюра я даже вспоминать не хочу. Наше счастье, что мы выпутались из той истории с относительно небольшими потерями.

— Полагаю, господин барон сочтет нужным отменить свое распоряжение относительно каши с молоком и тертыми фруктами? — напомнил о себе Джигг.

Взгляд камердинера потеплел: после моего чудесного исцеления он, видимо, начал относиться к Тотланту со сдержанной симпатией.

— Разумеется, Джигг! Тащите все самое лучшее, что найдете на кухне! Прикажите виночерпию выдать вам два кувшина «Пурпурного Либнума» урожая 1288 года.

— К фазану в соусе гораздо лучше подойдет белое аргосское вино, господин барон...

— Да? Хорошо, оставляю этот вопрос на ваше усмотрение.

Камердинер исчез, словно его в моем кабинете никогда и не было. Я остался наедине с Тотлантом.

— Полагаю, настало время обмена новостями, — усмехнулся маг. — У вас в Аквилонии новости сплошь дурные, потому, чтобы не портить настроение, я выслушаю их потом.

— Рассказывай, что творится у вас в Пограничье, — сказал я, попутно доставая припасенную бутылочку красного пуантенского. Пока Джигг принесет ужин и вино, с голоду помрешь... — В письмах ты не слишком подробен.

Тотлант приложился губами к хрустальному кубку, оценил букет и начал свою повесть. В об-

щем-то, у наших самых верных и преданных союзников на Полуночи материка все было просто отлично. Торговля процветала, войн и баронских бунтов не предвиделось, патриархальное Пограничное королевство жило своей тихой жизнью, вызывая зависть у соседей растущим богатством и редкой для Хайбории стабильностью. Торговля с Подгорными владениями гномов Граскааля, крепко сдружившихся с королем Эрхардом после Полуночной Грозы, приносила отличный доход, да еще добавим сюда пошлины за провоз товаров из Гипербореи и Нордхейма на Полдень и обратно, да вывоз леса и меха пушных зверей, да собственные серебряные копи...

Неплохо для маленькой страны, всего десять лет тому считавшейся самым захудалым королевством Заката.

Все старые знакомцы живы-здоровы, Эрхард, хоть и самую чуточку постарел, по-прежнему крепок и деятелен, Эртель помогает дядюшке в управлении страной и почти остепенился — собирается жениться будущей весной. Гном Фрам, Темвик, Стеварт Сольскель (между прочим родной батюшка аквилонской королевы!), Стефан Король Историй и прочие общие друзья передавали приветы и обязательно приглашали заезжать в гости как Халька Юсдаля, так и короля Конана вместе с Зенобией, Просперо и всеми остальными.

Что еще? По прошествии нескольких лет, гномы Граскааля, подрядившиеся построить в столице новый королевский замок наконец-то за-

кончили работу и резиденция Эрхарда теперь может поспорить в красоте и величественности с обиталищами аквилонского и немедийского королей. Бородатые карлики-дверги, великие искусники, возвели на месте прежнего замка (который иначе как «сараем» с старые времена и не величали) истинный шедевр архитектуры и фортификации, так что теперь Вольфгарду не страшны никакие чужеземные вторжения.

Подгорный король Дьюрин VIII заверил Эрхарда, что взять главную крепость Пограничья штурмом не в человеческих силах, к тому же, если сделать надлежащие припасы, там можно в случае чего отсиживаться хоть до Конца Мира и Битвы Богов. А коли стряется нечто совсем непредвиденное, можно запросто уйти из замка через огромный подземный тоннель напрямик в горы, к союзникам-гномам. Одна беда — содержание новой крепости обходится слишком дорого.

Больше никаких особенных новостей нет, а знать, кто у кого увел очередную подружку, тебе, Хальк, будет неинтересно.

— Хотелось бы услышать, а где твоя очаровательная супруга? — закончив рассказ поинтересовался Тотлант и указал взглядом на портрет баронессы Цинции Целлиг-Юсдаль, висевший над моим столом. — Разве малютка Цици не в городе?

— Цинция постоянно кашляет, у нее слабая грудь, — огорченно поведал я. — Зачем ей осенью находиться в Тарантии, со здешними туманами-вампирами и людьми-безумцами? Я отправил жену в Зингару, климат там гораздо лучше,

да и королева Чабела была очень рада принять Цици у себя во дворце, они подружились во время войны Алого Камня... Путь Цинция проживет в Кордаве, пока наши дела не придут в относительную норму и не наступит зима.

— Понятно, — кивнул Тотлант. — Ужасно жаль, что Цици болеет. Если будет нужна помощь, я готов...

— Спасибо, постараюсь учесть. Впрочем, лекари у Чабелы куда надежнее наших аквилонских коновалов. Цинция пишет, что стала чувствовать себя гораздо лучше. Надеюсь, обойдемся без вмешательства магии.

— Как знаешь... Ага, кажется подоспело время подкрепиться!

Явился Джигг, сообщил, что в трапезной комнате накрыт стол на двоих и если благороднейшие месьоры соблагоизволят покинуть кабинет, то они смогут закончить беседу за ужином.

Из приоткрытой двери потянуло столь соблазнительными запахами, что я едва не захлебнулся слюной. И это после долгого воздержания! Не спорю, фруктовые каши Джигга тоже недурны, но ведь невозможно питаться ими почти пять дней!

Едва мы с Тотлантом заняли свои места и успели насладиться сияющим начищенным серебром столовым прибором, как со стороны дверей в коридор послышался ледяной голос Джигга:

— Нет, сударь, господа трапезничают... Это абсолютно невозможно, сударь... Повторяю: это исключено!

— Да пошел ты! — громыхнул подозрительно знакомый мне баритон. — Пусти, кому говорят!

Камердинер появился в трапезной с таким выражением на лице, что мне показалось, будто он обнаружил у себя в сапоге одновременно гадюку, скорпиона и ядовитую жабу.

— Месьор Веллан, сын Арта, желает видеть вас, господин барон, — в речи Джигга звенели стальные нотки. — Я пытался решительно настоять на том, что вас нельзя отвлекать во время ужина, однако этот юноша...

Помянутый юноша отодвинул надувшегося Джигга в сторону и явился пред наши светлые очи.

Н-да, Веллан практически не изменился со времени нашей последней встречи на свадьбе Конана и Зенобии в 1293 году. Кажется, этот охладом вообще не становится старше, сколько бы лет не проходило. Надо думать, играет свою роль отличительная черта народа Карающей Длани — оборотни очень медленно стареют да и живут значительно дольше человека.

Джигг не совсем прав: «юношей» назвать Веллана сложно. Вполне взрослый сформировавшийся мужчина в возрасте около двадцати пяти лет, с широкой костью, впечатляющими плечами, и пробивающейся светлой щетиной на щеках и подбородке — не будет бриться, заростет бородищей от уха до уха. Шикарная копна соломенных волос, сильные руки, а легендарный взгляд обманчиво невинных и наивных голубых глаз Веллана сразил уже не один легион романтических красоток...

Ну надо же! Наш оборотень одет не в кожу и шкуры, как положено варвару из далекого и диковского Пограничья, а во вполне приличное дворянское облачение — темно-зеленая котта с гербом Полуночного королевства: геральдический щит разделен горизонтально на две части, в верхней половине на червленом поле изображена золотая королевская корона; в нижней, в серебряном поле — зеленеют три дубовых листа, которые держит в зубах черная волчья голова. Неудурно...

— Слушай, Хальк, что за хмырей ты набрал себе в прислугу? — громогласно возмутился Веллан, даже не соизволив поздороваться. — Этот напыщенный холуй не пускает нас к тебе полный день, отговариваясь всякой ерундой! То ты болен, то занят, то ужинаешь! Я рассчитывал на совершенно другой прием в твоей пропахшей пергаментом и чернилами вотчине...

После «напыщенного холуя» выражение лица Джигга почти не изменилось — он лишь чуть-чуть приподнял правую бровь, что означало крайнее волнение и возмущение. А увидев, как развязный оборотень приблизился к столу, нахально оторвал ножку от жареного фазана и отобрал у Тотланта серебряную тарелку, прежде предназначенную для десерта (фрукты в сиропе и булочки с растопленным маслом и медом), камердинер развернулся и молча ушел в свою комнату — страдать.

Отлично понимаю его чувства — Джигг просто помешан на этикете и приличиях, в понятия

«этикет» и «Веллан» столь же совместимы, как огонь и вода.

— Ладно, наглец, садись... — едва сдерживая смех сказал я, указывая Веллану на место справа от меня. — И впредь запомни, что ты находишься с коронным замке Великой Аквилонии, а не у себя в хлеву!

— Кому и хлев — коронный замок, — не остался в долгу оборотень. — А вообще, рад встрече Хальк. Как поживаешь?

Я понял, что с прибытием Веллана разговор затянется до полуночи, если не до утра.

* * *

Первые смутные признаки надвигающейся угрозы появились еще около полутора лет назад, но тогда никто не обратил ни малейшего внимания на появившуюся в Немедии секту последователей древнего иранистанского пророка Мэниха — обитатели королевств Заката веротерпимы, в одной только Аквилонии насчитывается почти полторы сотни самых разнообразных культов, от вполне пристойных и признанных государством (митрианство и близкий к нему культ Иштар), до самых экзотических, вроде нордхеймского вота-низма или редкого у нас вендийского «созерцательного учения».

Святой Эпимитриус тысячу триста лет назад сам призывал к терпимости, однако завещал своим потомкам — аквилонским королям — быть осмотрительными и внимательными, поскольку

Первородное Зло Черной бездны тоже не дремлет и всегда будет пытаться запустить свои скользкие щупальца в мир людей. Вполне естественно, что во всех до единого королевствах к Закату от Кезанкийского хребта поклонение темным богам открыто не одобряется властью или вообще запрещено — как, например, у нас в Аквилонии. Последователей Сета или Затха могут запросто выслать из страны, а то и вообще предать казни через очищающее пламя за всякие гадости наподобие человеческих жертвоприношений или использование черной магии.

Еще со времен Первых Королей «государственной религией» в пределах Трона Льва признано митрианство — аквилонский престол и его владетель вкупе со всеми добрыми подданными находятся под защитой Солнечного Бога. Однако, не противоречащие постулатам учения Митры и Эпимитриуса культы отнюдь не подвергаются преследованиям и право людей верить в того бога, какой им больше нравится, сомнению не подлежит. Между прочим у нас в Тарантии самыми крупными святилищами являются храмы Иштар, Бела, Нергала Справедливейшего, как олицетворения беспристрастности, и Эрлика-Воителя, покровителя военного дела.

Все довольны, никто не обижается, хотя митрианские храмы и монастыри и считаются самыми богатыми и пользующимися благоволением короля и двора. Но увы, одной из причин начавшейся на Закате духовной смуты являлось то, что митрианство в борьбе за души издавна зани-

мало главенствующую позицию и высшие жрецы начали беззастенчиво пользоваться своим влиянием и богатством — тут даже король Конан и его соратники, проводившие за последние восемь лет весьма основательные реформы, были бессильны что-либо изменить. Жреческое сословие оказалось слишком косно и независимо для того, чтобы прислушаться к голосу разума и начать хоть какие-то преобразования.

И, разумеется, зажавшиеся митрианские жрецы проглядели реальную опасность.

Насколько я могу судить по собственным наблюдениям и докладам Латераны, нашей секретной службы (у меня, как у советника короны, есть возможность заглядывать в закрытые для широкой публики бумаги), недовольство политической храмовых конклавов в народе и у дворян постепенно росло — обители имели право скупать земли, с которых в казну шел минимальный налог (это в Немедии и протекторатах Трона Дракона. В Аквилонии Конан запретил монастырям владеть своими ленами), щедрые жертвования верующих превратили некоторых высших жрецов в весьма богатых людей, которые не гнушались даже торговлей, напрямую запрещенной Эпимитриусом в своих «Заветах», на монастыри работали тысячи кметов и ремесленников...

Словом, некогда скромные и созерцательные митрианские обители переродились в роскошные дворцы, жречество и монахи, позабыв о стяжании благ духовных обратились к благам материальным, изначальные постулаты о чистой и без-

грешной жизни позабылись, вместо того, чтобы помогать бедным и утешать страждущих, жрецы превратились в совершеннейших торгашей. К сожалению, эта болезнь поразила абсолютное большинство крупных митрианских общин на Закате.

И вот тут как-то очень вовремя появились последователи Мэниха, которых еще называли «фатаренами» — название шло от иранистанского слова «очищенные, чистые душой». На первый взгляд их проповедь являлась совершенно безобидной, но позже, когда сектанты набрали нешуточную мощь и орду последователей, государи Заката поняли, что столкнулись с очень серьезной проблемой, с силой, способной пошатнуть тысячелетние устои нашей цивилизации.

Если пересказать учение пророка Мэниха кратко, то получается вот что: в самом начале времен, когда создавался наш мир, боги разделились на два враждующих меж собой лагеря — богов Тьмы и Первородного Зла, и богов Истинного Света. Последние создали мир бестелесный, наполненный светом и добром, где обитали бесплотные души, купавшиеся в лучах Изначального Неугасимого Пламени. Но Темные боги восстали и в насмешку над своими добрыми собратьями создали мир материальный, телесный, сиречь тот, который нас окружает. Чистые души были заключены в плоть, как в тюрьму, материя стала верховенствовать над бессмертным духом.

Таким образом, получается, что человеку надо избавиться от всего тварного, отречься от плотского зла, чтобы обрести бестелесный мир Света.

Это означает отречение от стяжания богатства и от плотской любви, ведущей к появлению новой материи, а следовательно, зла. До нас доходили сведения, что самые первые проповедники фатаренов действительно являлись людьми если не святыми, то по меньшей мере фанатичными подвижниками. Они отказались от употребления мяса (вдруг в теле убитого животного заключена чистая человеческая душа? Это уже людоедство получается...), жили нищенством и подаениями, носили самые простые рубища и неустанно проповедовали отречение от плоти и пользу Бесмертного и Плененного Телом Духа.

Немудрено, что новое (точнее, слишком хорошо позабытое старое) учение обрело большую популярность в Немедии, серьезно ослабленной и разоренной войной Алого Камня. Особенно неприглядно на фоне «очистившихся» бессеребренников выглядело митрианское жречество — монастыри продолжали богатеть, собирать подати и пожертвования, а сами монахи вели разгульную жизнь, которую уж никак нельзя было назвать благочестивой.

Далее события начали нарастать как снежный ком. Весьма неожиданно учение фатаренов приобрело новую форму — некие неизвестные философы весьма творчески взглянули на постулаты пророка Мэниха и переработали их по своему. Если плоть грешна, следовательно все слабости и грехи человека можно списать на козни богов Черной Бездны, создавших материю. Душа не может быть изначально злой, но ею руководит

плоть. То есть, если ты убивал, грабил, прелюбодействовал — Душа не виновата, освободившись от тела она уйдет в Царство Света, а тело, как мерзкое порождение Бездны, сгниет в земле за свои прегрешения.

Надеюсь, общий принцип этого весьма оригинального учения вам ясен? По большому счету это — проповедь вседозволенности. Не нужно соблюдать законы, поскольку они продиктованы интересами плоти. Верши любые злодеяния — ты не виновен, это все делается по велению созданной Злом материи. Избавляйся от имущества, если хочешь приблизиться к «очищению», причем таковое имущество лучше всего передать в пользу высшего конклава секты, он найдет способ как им распорядится «во имя добра». Если ты занимаешься темной магией — тоже ничего страшного, это лишь голос плоти, которая тебя заставляет обращаться к забытым кхарийским культам или религии Сета Змеепога. Человеческие жертвоприношения? Тоже не возбраняется! Тем более, что таковое приношение является добрым делом — душа убиенного освобождается от грешной плоти и уходит в счастливый мир духов.

В общем, жутковатая философия, согласитесь...

Через маркиграфа Ройла, тесно связанного с магическим Орденом Алого Пламени Равновесия и сотрудничающего со знаменитой гильдией Ночной Стражи нам удалось достоверно выяснить, что верховный конклав секты фатаренов (руководители еретиков якобы называли себя «Братья-

ми Черного Солнца») успел за последнее время приобрести весьма серьезное влияние в Полуденной Немедии и Коринфии, зараза постепенно распространялась и в Аквилонии — в великом герцогстве Шамар и в Пуантене. А когда мы в общих чертах поняли глубинный замысел фатаренов, даже обычно невозмутимого Конана прорвало.

К Черному Солнцу стекаются жертвоприношения фатаренов — избавляться от грешных золота и серебра есть добродетель, этим ты хоть частично очищаешься. Захват земель, покупка дворянских ленов? Тоже добродетель — бывшие владельцы теперь не обременены нечистыми материальными благами. Если все будет продолжаться так, как и сейчас, то довольно скоро предводители Черного солнца станут настолько могущественны, что смогут непосредственно влиять на жизнь и политику некоторых государств Заката.

Маркграф Ройл предположил, что сектанты отлично знают, чего хотят — контроль над торговлей, собственное обогащение, возможность влиять на ход исторических событий. Ройлом было высказано мнение, что идея создать Черное Солнце и использовать прочно забытые в наши времена мысли Мэниха появилась в изощренных умах купцов и влиятельных торговцев, а отнюдь не среди черных магов. Маги и колдуны, скорее всего, являются просто мальчишками на побегушках у влиятельных и очень богатых персон из верховного конклава Черного Солнца.

Между прочим, судя по попавшим в руки конфиденентов Латераны секретным отчетам ка-

значейства Трона Дракона за прошлый год, доходы виднейших купцов Немедийского королевства возросли почти в два раза, что не может не настораживать. Слишком подозрительный скачок...

Мы достоверно выяснили, что Черное Солнце вовсю использует в своих целях темную магию, что вполне объяснимо — и рядовых адептов секты проще держать в повиновении, и противников припугнуть можно. Сторонники фатаренов начали активные изыскания в древних заброшенных городах и склепах времен Кхарии — искали мощные артефакты, и это тоже давало повод к невеселым мыслям...

А вот что сказал по поводу Черного Солнца на королевском совете почтеннейший барон Данкварт Гленнор, бессменный глава тайного департамента Аквилонии:

«— Учение фатаренов привлекло к себе, во-первых, нечистых на руку личностей, желающих обогатиться — этим скотам плевать на философию и прочие умствования. Их бог — золото. Такие встречались всегда и во все времена. Во-вторых, к фатаренам, будто тараканы на кухню, начали сбегаться черные маги всех мастей — им понравился постулат о том, что душа безгрешна, и только по велению тела можно творить все, что восблагорассудится. Упомянутые дельцы, моментально поняли выгоды сотрудничества с колдунами — магия расширяет их возможности вытягивать золото из подданных Закатных стран. И последняя, третья сила — высшие дворяне, недополучившие свою долю власти и влияния. Им тоже малоинтересны бредовые выкладки о духе и плоти, тьме и све-

те, но использовать учение Мэниха в своих интересах они не брезгают. Таким образом получается, что «торгаши» не могут существовать и проворачивать свои делишки без помощи «политиков», те и другие нуждаются в магии, как средстве запугивания и дополнительной силе, а «колдуны» не способны развернуться во всей красе без золота первых и поддержки вторых. Как уже сказано — перед нами три крысы с совершенно различными интересами и чаяниями, но до поры, до времени они вынуждены трудиться вместе...

Черное Солнце — прямая угроза государству, всему тысячелетнему укладу жизни. Они уже не могут остановиться, перешли грань, лавина сорвалась. Первые почувствовали вкус к огромным деньгам, другие могут сравнительно безнаказанно использовать запретное колдовство, третьим явился призрак власти.»

К моему ужасу, тогда я понял, что Гленнор может оказаться безупречно прав. Глава Латераны вообще редко ошибается.

Вот в такой ситуации оказались мы с Конаном к осени 1296 года по основании Аквилонской монархии. И эту проблему следовало решить как можно быстрее — слишком явственной и серьезной была опасность, грозившая перерасти в прямое столкновение между королевской властью и резко усилившейся сектой еретиков.

* * *

Пока я рассказывал все вышеизложенное Тотланту, Веллан молча сидел на диванчике у дальней стены и изучал обнаруженный на моем столе

фолиант с пышным заголовком: «Определение нрава, всей прошлой и будущей судьбы особ женского пола согласно форме и размеру их грудей. Сочинение Абея Любека, лекаря из Гайарда Пуантенского. В изводе со старонемедийского на аквилонский, в лето 1258-е, с сорока шестью рисованными картинами».

Оборотень пролистал книжку, просмотрел все сорок шесть рисованных картин. Некоторыми остался доволен. Только когда я закончил описывать Тотланту все постигшие нас несчастья, Веллан искоса взглянул на меня и осведомился:

— Слушай, а почему вы их всех попросту не перебили? Зная решительность Конана и его открытую нелюбовь к черной магии, которой эти самые фатарены вовсю промышляют...

— Ты как был туповатым капитаном гвардии из дремучего Пограничья, так им навсегда и останешься, — огрызнулся я. — Нельзя использовать прямое насилие, по крайней мере пока. Секта немедленно превратится в «гонимую» и завоюет еще большие симпатии, кроме того ей симпатизируют некоторые влиятельные аквилонские и немедийские дворяне из Полуденных провинций, а король не хочет с ними ссориться.

— Согласен с тобой, — отозвался Тотлант. — И тем не менее, в охваченных ересью областях Трона Дракона закрываются митрианские монастыри, их собственность захватывается, монахи изгоняются... У вас тоже очень скоро начнется нечто подобное.

— Уже началось, — мрачно ответил я. — Ду-

маешь, почему Просперо Пуантенский срочно уехал в Гайард? В некоторых городах Пуантена народ возмущен богатством монастырей, вышвырнул за ворота жрецов, фатаренов открыто поддержал граф Раймон Фуа вкупе со своими многочисленными родственниками... Едва получив письма от жрецов Мирты о событиях в Пуантене, Просперо отправился на родину с миссией умиротворения — мы надеемся, что он сможет пресечь смуту в зародыше. И из герцогства Шамарского, с немедийской границы, приходят похожие новости. Черное Солнце всерьез взялось за Аквилонию — наша страна слишком богата и стабильна, такой лакомый кусок!

— Это заговор, — уверенно сказал Веллан. — Причем крайне оригинальный. Никогда ни о чем подобном не слышал. Религиозных смут на Закате спокон веку не бывало...

— Веллан правильно говорит, — кивнул Тотлант. — Подданные Закатных королевств со времен Эпимитриуса были удивительно терпимы практически к любым верованиям. Не понимаю, как такое могло случиться!

— Завтра очередной совет у короля, — сообщил я волшебнику. — Конан тебя обязательно пригласит, ты теперь у нас снова будешь коронным советником по вопросам магии. Без помощи Ордена Равновесия нам с этой духовной отравой не справиться...

— Вот с утра и будем думать, — устало сказал Тотлант. — Веллан, пойдем отдыхать. Надеюсь, в наших комнатах уже приготовили постели. А ты,

Хальк, не расстраивайся. Если мы пережили такие невероятные ужасы, как Полночная Гроза или война Алого Камня, то и с вашими еретиками разберемся. Спокойной ночи.

Ему легко говорить — «не расстраивайся»! Я же отчетливо ощущаю, как фундамент на котором стоит здание Аквилонии начал раскачиваться и трескаться — слишком уж давно я вращаюсь в сферах высокой политики, чутье меня еще ни разу не подводило...

Боюсь, нас ожидает очень недобрая зима.

* * *

Поскольку это был первый вечер за пять дней, когда меня не донимала воспалившаяся десна (спасибо незаменимому Тотланту и его спасительной магии!), я решил лечь попозже — следовало разгрести дела, накопившиеся за время болезни.

Я отослал Джигта отдыхать (на самом деле он отправился в комнаты для прислуги на нижний этаж замка, поиграть со своими коллегами в тарок), а сам занял позицию за рабочим столом в кабинете и принялся отвечать на письма. Одна депеша пришла из Бельверуса, от товарища Тотланта по Ордену Равновесия, волшебника Валента Мессантийского и Гвайнарда из Гандерланда — старинного приятеля короля Конана, состоявшего в гильдии Ночных Стражей, которых чаще именуют охотниками на монстров.

К моему вящему сожалению, этой лихой па-

рочке пока ничего не удалось разузнать насчет руководителей Черного Солнца, но Валент меня обнадеживал — мол, некоторые нити уже у него в руках и остается только распутать клубок. Маг сетовал на то, что помощи от знаменитого Пятого департамента (визави Латераны в Немедии) пока нет никакой, и о чем думает начальник тайной службы Трона Дракона — неизвестно... Да, увы, герцог Мораддин после гибели своих детей во время мятежа принца Тараска, начал терять былую хватку. Надо будет завтра попросить барона Гленнора, чтобы наши конфидененты в Немедии начали оказывать Валенту, Гвайнарду и Хранителям Ночной Стражи посильное содействие.

Два письма прибыли из Кордавы, от возлюбленной супруги. Цинция сообщала, что у нее все хорошо, она благополучно отдыхает на побережье и вращается в высших кругах Зингарского дворянства — это означало, что Цици вовсю порхает по балам да приемам и развлекается как может. Пускай уж развеется, жизнь в Тарантии куда более скучна, чем может показаться.

Следующий пакет был доставлен из замка маркграфа Ройла. Его светлость сообщал, что продолжает раскопки на развалинах Пифона Стобашенного, но пока, к сожалению (а может, и к счастью...) ничего стоящего обнаружить не удалось. Ройл будет держать Конана и меня в курсе событий.

На прочие послания я ответил сравнительно быстро — все они касались моих библиотечных дел и доставки в королевское книгохранилище

копий редких книг, которые я заказал в Офире и Туране.

Куранты на донжоне королевского замка начали отбивать последний колокол перед полуночью и я решил отправиться на боковую. Поскольку мои апартаменты рядом с библиотекой были перестроены и полностью отремонтированы после пожара трехлетней давности, я спланировал собственное обиталище самостоятельно, а дворцовому архитектору и мастерским оставалось лишь претворить в жизнь мой план.

Все устроено очень удобно. Из гостиной комнаты можно попасть через разные двери и в кабинет, и в спальную, оттуда же есть прямой выход в коронную библиотеку — грандиозное книгохранилище, занимающее почти весь третий этаж весьма немаленького Закатного крыла королевского дворца.

Я убедился, что Джигг еще не пришел из гостей и комната камердинера пуста, отправился в спальню, обнаружил что предусмотрительный слуга давно разобрал мою постель и даже положил под одеяло нагретые возле камина камни — чтобы хозяин не ложился на холодные простыни.

...Думаете, мне позволили мирно заснуть? Да ничего подобного!

Признаться, за долгие восемь лет службы у короля Конана Канах я привык к любому бесовству, навидался всякого — от исторгающих знаменитое Зеленое Пламя подземных монстров, порожденных ныне уничтоженной Небесной Горой, до кошмарных с виду, но добрых внутри вампи-

ров-каттаканов (с одним из представителей этого племени я раззнакомился совсем недавно, в замке маркграфа Ройла). Но мрачные чудеса никогда еще не настигали барона Юсдаля прямиком в его собственной спальне, посреди ночи.

Разумеется, я испугался. А вы бы не испугались, когда стена справа от кровати, вдобавок украшенная пушистым туранским ковром, на котором красовалась моя скромная коллекция холодного оружия, внезапно заместились некоей аморфной шевелящейся массой, более напоминающей неудавшееся фруктовое желе?

Рука машинально потянулась к кинжалу, валявшемуся рядом, на ночном столике. Я, подавляя острое желание заорать в голос, соскочил с постели и отошел в дальний угол — там была дверь, выводившая в комнату Джигга, откуда я сразу смог бы выскочить в коридор, к лестнице на которой есть пост внутренней стражи дворца. Пока ничего особенно страшного не происходило, если не считать острого запаха грозы и того, что изо рта у меня повалил пар, будто на морозе.

Почему — «будто»? Действительно, в спальне стало очень холодно! Колдовство, вот что это такое! Причем довольно мощное колдовство... Если я не ошибаюсь, магический поток возник не непосредственно в моей комнате, а приходит откуда-то извне. Выход один — сматываться отсюда поскорее!

«Один момент, — сказал я самому себе, — если бы некие недоброжелатели собирались меня убить, то от Халька Юсдаля давно осталась бы

лишь кучка пепла, слишком сильное волшебство, это даже я чувствую... Посмотреть что будет дальше? Или, все-таки, не рисковать?»

Вспучивающаяся черными пузырями стена вдруг окуталась тучей холодных сине-белых искорок и в спальне стало светло как днем. Очертания неведомого порождения чужого волшебства стали приобретать более ясную форму — широкий овал, высотой от пола до довольно высокого потолка.

Это не портал, сразу ясно — уж на что, а на различные порталы, выстроенные Тотлантом, Озимандией, Пелиасом и даже незабвенным Тот-Амоном я насмотрелся вдоволь. Передо мной некая неизвестная магия — появились слишком яркие огни необычной формы, будто огромные цветы распускаются.

Запах стал особенно резким — пахнет уже не так, как после разряда молнии, ударившей совсем неподалеку. Похоже на запах расплавленной стали и горящего древесного угля. Теплее, однако, не становится.

Все кончилось неожиданно — режущий глаза свет моргнул и погас. Я протер глаза.

— Добрый вечер, господин барон. Полагаю, я не ошибся и вы действительно являетесь Хальком, бароном Юсдалем, тайным советником аквилонской короны и личным библиотекарем его величества Конана Канах?

Он стоял там, где только что переливались всеми цветами радуги призрачные пятна холодного пламени.

Высок, но все-таки пониже вымахавшего почти до четырех локтей киммерийца. Одет, если верить неверному свету свечей, в темно-синий плащ с обычной вышивкой по краю — меандр, принятый в Аргосе, Офире и прочих странах к Полуденному Восходу от Аквилонии. Лицо скрывает маска. Оружия на поясе нет.

— Вы кто такой? — выдавил я. — И какого зеленого демона, простите, вам тут нужно?

— То, что вы видите перед собой — лишь бесплотная тень, хотя она и кажется материальной, — донесся голос из-под маски. — Это магическое отображение моей личности. Сам я нахожусь в тысячах лиг от Тарантии, но в то же время могу говорить с вами, месьор Юсдаль, а вы не испытываете никаких неудобств, поскольку видите перед собой собеседника. Клянусь, это гораздо лучше, чем разговаривать с неведомо как появившимся из пустоты незнакомым голосом... Вина можете не предлагать, все равно я не смогу его выпить.

— Кто вы такой? — едва не срываясь на крик, повторил я. — Терпеть не могу незваных гостей!

— Сейчас я все расскажу, — спокойно ответил призрак на хорошем аквилонском языке. Впрочем, некий невнятный акцент все же прослеживался, скорее всего, полуденный — или офирский, или коринфский. — Я не причиню вам никакого вреда.

— Вы... Точнее, ваша изначальная сущность, с отражением которой я разговариваю — человек?

— Да. Человек. И дворянин, обладающий древ-

ним и славным титулом. Может быть вы, барон, присядете?

Вот тебе и гости посреди ночи! Ну что ж, если меня приглашают к беседе, отчего бы и не поговорить? От разговоров еще никто никогда не умирал...

2. Первый рассказ Гвайнарда

Птичка, как символ угрозы

*21 день второй осенней луны 1296 г.
Бельверус, столица Немедии*

Ветлейший герцог примет вас, месьор Гвайнард, через два квадранса. Можете подождать здесь. Я послушно уселся на жестковатое кресло в приемной, проводил взглядом секретаря его светлости Морадаина Эрде, а затем попросту уставился в окно, поскольку делать больше было нечего.

Не скажу, что новое здание Вертрауэна, выстроенное взамен сгоревшего во время мятежа принца Тараска, потрясло меня своей таинственностью или неким скрытым величием. Обыкновенный трехэтажный домина, протянувшийся почти на половину квартала на одной из центральных улиц Бельверуса. Только охраны много да решетки на окнах. А так знаменитый Пятый департамент личной канцелярии его королевского вели-

чества Нимеда II выглядит обычнейшим присутственным местом, скучным, пропахшим сургучом, чернилами, сапогами и пергаментом.

Я, разумеется, вполне сознаю, что за многочисленными дверьми Вертрауэна скрываются нешуточные тайны, в которые посвящен лишь весьма узкий круг сотрудников герцога Морадаина, что в подвалах этого мрачноватого дома коричневого кирпича отыщутся как уютные казематы, так и не менее хорошо обустроенные пыточные, что некоторые господа из прочих тайных служб без колебаний отдадут половину жизни за хранящиеся здесь бумаги, но... Я не привык совать нос в чужие дела. Поскольку своих хватает с избытком.

Зачем мне нужны чужие (и совершенно неинтересные) секреты? Я пришел в Вертрауэн по делу.

Кстати, визиту в святая святых немедийской закулисной политики я обязан как ни странно Конану Канах, тому самому великовозрастному балбесу, который одиннадцать лет назад ходил под моим началом в отряде Ночной Стражи. Ничего не скажу, Конан был неплохим охотником, мы крепко сдружились и я знал, что на киммерийца можно положиться в самых тяжелых ситуациях. Однако, осенью 1295 года Конан предпочел покинуть мою ватагу и отправился в Пограничье, где с размаху влип в историю с мятежом Бешеных Оборотней. Потом его вроде бы видели в Пайрогии — киммериец участвовал в перевороте Альбиорикса, тогда еще вовсе не короля, а командира королевской гвардии, возжелавшего на-

пялить на себя корону Бритунии. Затем варвар уехал в Аквилонию вплоть до 1288 года я ничего о нем не знал.

Представляете мое удивление, когда аквилонские купцы посетившие захоластное герцогство Райдор, где промышлял мой отряд, сообщили о том, что владыки Пуантена свергли Нумедидеса и усадили на Трон Льва некоего странного типа с подозрительно знакомым мне именем — Конан Канах?

Я немедленно отправил Рэльгонна (каттакана из Рудны, моего старого приятеля и помощника в делах ремесла) в Тарантию — проверить. Поскольку рудненский упырь владеет бесценным даром мгновенного перемещения в пространстве, он успел все разнюхать меньше, чем за половину ночи и принес на хвосте потрясающую весть: Аквилонией теперь правит наш общий друг.

(Отлично помню как в прежние времена мы с Конаном смеялись над однажды данным ему предсказанием. И вот сюрприз — варвар действительно ухитрился залезть на Трон Льва, и что самое невероятное, сумел на нем удержаться... И вроде бы даже показал себя неплохим государем, сумевшим набрать толковых помощников, принявшихся вытаскивать Аквилонию из трясины, куда загнали страну Нумедидес и его присные.)

Я был почти уверен в том, что мне уже никогда не придется свидеться с Конаном. Слишком разные у нас интересы и ремесла — король и охотник на монстров. Судьба, однако, распорядилась иначе.

В начале этой осени, по приказу Хранителей гильдии Ночной Стражи, я отправился в Аквилонию, а именно в маркграфство Ройл. Его светлость маркграф, прежде оказывавший гильдии посильную помощь и состоявший в высшем конклаве Хранителей в качестве советника по древней истории, отыскал на обнаруженных им развалинах Пурпурнобашенного Пифона некий могучий артефакт, принадлежавший кхарийцам и решил передать его на хранение нашей гильдии — слишком уж много загребуших рук могло начать охотиться за этим порождением древней магии, от стигийцев, до предводителей новой и весьма опасной секты фатаренов.

Я благополучно добрался до города Шамар, однако в дороге чувствовал на себе почти неусыпное внимание неких таинственных преследователей — за мной ненавязчиво, но упорно следили. А в Шамаре неизвестные подонки устроили мне веселенькое приключение, едва не закончившееся крайне плачевно. Видимо, они подкупили чиновников из управы городской стражи. Меня арестовали, предъявили насквозь бредовые обвинения в черном колдовстве и запросто приговорили к смерти — несколько лет назад киммериец ввел в Аквилонии очень суровые наказания за темную магию.

Судьба — штука хитрая. Я уже успел попрощаться с жизнью и взошел на эшафот, как вдруг было объявлено королевское помилование. Конан, в тот день проезжавший через Шамар, сумел меня узнать и остановил казнь.

О наших приключениях в маркграфстве Ройл рассказывать нет смысла — господин Хальк Юсдадь клятвенно пообещал мне, что опишет их в своей «Незаконной хронике». Могу лишь сказать, что я забрал у Ройла артефакт, оказавшийся «Книгой Душ», позволявшей кхарийцам открывать проходы между миром людей и различными областями Черной Бездны и доставил его в Бельверус — Хранителям. Для пущей надежности и безопасности маркграф дал мне в попутчики волшебника Валента из Мессантии, магистра Ордена Алого Пламени Равновесия. Мы без особых приключений добрались до немедийской столицы (хотя за нами вновь следили, недоброжелатели не осмелились напасть на профессионального охотника за монстрами и сильного мага. Такое, знаете ли, может быть весьма чревато), отдали книгу Хранителям и собрались было разъехаться по домам — я к себе в Бритунию, а Валент обратно в маркграфство Ройл, где он жил последние годы, помогая его светлости в раскопках Пифона.

Но не тут то было. Все наши планы пошли прахом из-за письма, доставленного из Тарантии через так называемый «почтовый портал» — это когда в воздухе перед тобой на каткий миг открывается окруженное огненным кольцом магическое окно, а прямоком тебе в физиономию летит запечатанный пергаментный пакет.

Письмо было подписано королем Конаном, бароном Юсдалем и незнакомым мне волшебником по имени Тотлант Луксурский...

* * *

— Прошу вас пройти, месьор, — секретарь герцога Эрде появился бесшумно. — Хочу напомнить, что по нашим правилам все гости его светлости обязаны сдать оружие...

Я только пожал плечами, снял с пояса кинжал и ножны с клинком, отдал их выросшему будто из-под земли ликтору и направился вслед за секретарем к тяжелым дверям черного дуба, ведущим в обиталище человека, которого иначе как «тенью короля» и не именовали.

Впрочем, я отлично сознавал, что в нынешние времена герцог Мораддин потерял значительную часть власти и могущества — по крайней мере во времена почившего Нимеда I возглавляемый его светлостью департамент являлся чуть ли не аналогом королевской канцелярии, следил за всеми государственными делами и управлял страной. Однако, последовавшая за переворотом Тараска война Алого Камня, долгая смута в Немедии и сопряженное с этими неприятными обстоятельствами безвластие сделали свое дело — значительная часть верных соратников Мораддина была перебита мятежниками, оказались потерянными лучшие кадры и, как поговаривают знающие люди, Вертрауэн уступил сомнительный титул «лучшей тайной службы Заката» аквилонской Латеране руководимой хитроумным бароном Гленнором.

— Так это ты Гвайнард из Гандерланда? — едва переступив порог я услышал бодрый баритон

хозяина почти необъятного кабинета. — Присаживайся... Месьор Лайом, принесите вина для меня и для гостя!

— Слушаюсь, ваша светлость, — прошелестел за моей спиной голос секретаря и двери затворились.

Признаться, я ожидал увидеть здесь совершенно другого человека. Конан рассказывал, что Мораддин, хоть и остался главой Вертрауэна после воцарения Нимеда II, вроде бы стал нелюдим, угрюм и холоден — еще бы, потерять всю семью! Сын и дочь герцога погибли, жена вроде бы сошла с ума и была отправлена к родственникам куда-то в Зингару. Я бы ничуть не удивился, узрев перед собой хмурого и строгого старика, весь смысл жизни которого сводится только к интригам, шпионским забавам и конструированию самых зловещих заговоров.

Ничего похожего! Меня встретил невысокий, но весьма широкий в плечах месьор, возраст которого определить было довольно сложно. Вроде бы Мораддин относительно молод, сиречь еще не переступил пятидесятилетний рубеж, но, с другой стороны, было в его взгляде нечто такое, что заставило меня увериться — внешность обманчива и герцог гораздо старше, чем выглядит. За это говорили и седые пряди в его короткой окладистой бороде.

Никакой лишней угрюмости в месьоре Эрде я не заметил — деловит, в глазах горят хитрые искорки, движения легки и преувеличенно спокойны: так двигаются только полностью уверенные

в себе люди. Одет начальник Вертрауэна богато, но без пошлой роскоши — темно-коричневый с золотой нитью колет, на груди справа посверкивает крошечными бриллиантами миниатюрная копия коронного ордена Венца Нумы, сиречь высшей награды Немедии, получение которой означает, что удостоившийся этой великой чести дворянин автоматически пожалован и всеми прочими орденами Трона Дракона. На дворянском поясе сверкают самоцветами ножны церемониального кинжала, неперемennого атрибута любого высокопоставленного немедийского чиновника.

— Ваша светлость, — вспомнив правила куртуазии я снял шапку и скупно поклонился — все-таки дворянин, а не простец! Тот факт, что Гвайнард из Гандерланда всего лишь третий наследный сын барона Кетта, чьи владения расположены в жутчайшем захолустье, едва ли не на границе с Киммерией, никого не должно волновать. — Имею сообщить, что во исполнение поручения короля Аквилонии Конана Канах...

— Умоляю, месьор Гвайнард, не нужно такой кошмарной напыщенности! — с деланным ужасом воскликнул герцог. — Насчет поручения Конана мы поговорим после, хорошо? Ты же состоишь в гильдии Ночной Стражи, верно? Я знаком кое с кем из Хранителей, о тебе у них самые лучшие отзывы... Мне срочно требуется консультация знающего человека!

— Но... — заикнулся я, однако Мораддин схватил меня за рукав и потащил к выходу из кабинета. В этот же самый момент на пороге образо-

вался секретарь, державший в руках поднос с изрядной бутылкой вина и двумя бокалами синего стекла. Герцог обогнул своего помощника, увлекая меня в коридор и крикнул ему вслед: — Лайом, поставьте вино на стол! Мы ненадолго прогуляемся в шестой внутренний двор! Хочу показать месьюру Гвайнардю птичек!

Я едва слюной не поперхнулся. Какие, к демонам, «птички»? Может быть, у Мораддина Эрде, как и у его несчастной супруги, помутился разум?

Безмолвные караулы пропускали нас беспрепятственно — блюстители только провожали меня суровыми взглядами, которые жгли спину. Поворот направо, вверх по лестнице, еще раз направо... Мы миновали двойной пост стражи (герцог зыркнул на капитана, проворчал «он со мной» и медведеподобные молодые люди в коричневой форме мигом посторонились), затем вошли в совершенно пустую комнату без мебели и Мораддин вывел меня на балкончик, смотревший на квадратный двор, больше напоминавший каменный колодец.

— Вот, попрошу взглянуть, — герцог указал вниз. — Что на это скажет опытный охотник за монстрами?

Я послушно взглянул. И едва не съехал по стене на пол.

Да, во дворе действительно находились две птички. Каждая птичка была прикована ко вбитым в камень огромным чугунным кольцам цепью, другой конец которой оканчивался охватившем птичкину лапу браслетом диаметром в три

ладони. Рядом с птичками валялся окровавленный остов быка или вола. Запах, конечно, соответствующий.

Сказать, что у меня отвисла челюсть — значит ничего не сказать. Раньше я видел нечто подобное только на картинках!

— Итак? — вкрадчиво напомнил о своем существовании Мораддин. — Что же это такое, потвоему?

— Метаципленарий, — выдавил я, попутно наблюдая, как птичка поменьше, отрывала от бычьего скелета остатки мяса. — Самый натуралистичнейший, живой метаципленарий! Боги милостивые, ваша светлость, где вы их раздобыли?

— Расскажу позже. Сначала хочу услышать все, что тебе известно об этих прелестных существах.

Одно из прелестных существ заслышав человеческие голоса устремило свой взгляд на нас, каркнуло по-вороньи, и попыталось подпрыгнуть. Звякнула короткая цепь и огромный клюв металлически шелкнул в двух локтях от балкона. Мороз по коже, честное слово!

Видели когда-нибудь дарфарских страусов? Так вот, метаципленарий выглядел приблизительно так, как и страус, только был раз в десять крупнее. Украшенная могучим черным клювом голова находилась на высоте трех человеческих ростов. Поддерживаемое толстыми грязно-розовыми лапами туловище приближалось по размерам к очень упитанной корове. Лапищи заканчиваются тремя когтями, каждый длиной с акви-

лонский пехотный меч, дополнительный четвертый коготь (покороче и потолще) растет из пятки и почему-то направлен вверх. Перья короткие, очень жесткие, кирпично-седого цвета. Крылышки до смешного маленькие, почти как у обыкновенного лебедя или орла — следовательно, летать это чудище не может, однако способно и на земле натворить немалых бед. Особенно если учитывать тяжеленный клюв, похожий на клюв титанического попугая, и весьма впечатляющие коготки.

Мораддин выжидательно смотрел на меня, а я не мог отвести взгляд от удивительных птиц. Только когда глава Пятого департамента ненавязчиво кашлянул, я, припомнив книги некоторых путешественников, ответил:

— Метаципленирии — живые существа. Ничего волшебного или демонического, это обычные... кхм... птички, только очень большие. Обитают на Огненных островах — Полуденный океан, к полуденному восходу от побережья Кхитая и Пагана. Очень далеко... Они являются хищниками, причем весьма опасными. Охотятся стаями, способны убить любое крупное животное, кроме пожалуй, слона или гиппотавра. Некоторые источники утверждают, что дикари Огненных островов способны метаципленириев приручать и использовать в междоусобных войнах в качестве своеобразной кавалерии. Точных данных нет.

— Что еще известно? — продолжал настаивать Мораддин.

— Практически ничего. Примерно семьдесят

лет назад королевские корсары Зингары привезли в подарок тогдашнему государю Жайме IV птенца метаципленирии. Оказалось, что птица действительно приручается и, конечно, если хорошо ее кормить, для хозяина-человека опасности не представляет. Живет метаципленирий довольно долго, не менее полустолетия. Как прирожденных хищник, питается исключительно мясом. Скелет птицы подаренной королю Жайме до сих пор находится в Кордаве, в коллекции редкостей графа Эспиносы Алиеде. Оставившие воспоминания морские путешественники утверждают, что в нашем климате эти твари выжить не могут — привыкли к теплу.

— Правда? — саркастично вздернул брови герцог Эрде. — Если ты не заметил, на дворе середина осени. В Бельверусе в это время начинаются серьезные заморозки, только вчера снежок шел. А этим скотинам — хоть бы хны! Раз в три дня приходится целого быка скармливать — разорение! При том, что Пятому департаменту отпускаются из казны весьма неплохие средства...

— На Закате подобных существ доселе не видывали, — уверенно сказал я. — Случай с подаренным зингарскому монарху птенцом не в счет, это, скорее, казус. Ваша светлость, и все-таки, где вы раздобыли аж целых двух взрослых птиц?

— Долгая история, — поморщился Мораддин. — Насмотрелся? Тогда пойдем обратно, в мой кабинет, пить вино. Кроме того, скоро будут бить полдень, должна зайти моя супруга, тоже заинтересованная в твоём рассказе.

— Какая супруга? — не удержался я от вопроса. — Ваша светлость изводили жениться во второй раз?

Мораддин посмотрел на меня недоумевающе, но потом хлопнул себя ладонью по лбу и тихо рассмеялся:

— Ах да, конечно же... Конан наверняка успел тебе разболтать. Впрочем, давай я вас познакомлю, и ты убедишься, что многочисленные слухи не имеют под собой оснований. По крайней мере сейчас.

* * *

Она уже ждала нас. Весьма юная темноволосая особа, непринужденно развалившись в обширном кресле, перелистывала взятую из шкафа книгу с золотым обрезом и одновременно попивала вино из серебряного стаканчика. Я сразу подумал, что эта девушка никак не может быть женой его светлости — слишком молода, по виду ей дашь не более восемнадцати-двадцати лет.

Однако, меня насторожило другое. Когда мы с Мораджином переступили порог кабинета, амулет Ночной Стражи недвусмысленно стукнул меня в грудь и на мгновение стал холодным. В сущности, такое поведение со стороны безмозглого ступака охранной магии, заключенного в выплавленный из серебра оберег, еще ничего не означало — амулет призван чувствовать опасность и предупреждать своего хозяина о возможных неприятностях. Только когда рядом находится са-

мая настоящая нечисть, он начинает постоянно вздрагивать и леденеет, а если находящаяся рядом злая сила превосходит в мощи магию оберега, он может и расплавиться — такое уже случилось, например когда мы с Конаном охотились на монстров в мире Аурус, что за Вратами...

Сейчас амулет меня предупредил: держи ухо востро! Восседающая перед тобой дамочка может быть опасной. И опасность представляет заключенное в этой молодой женщине волшебство. Неужели супруга его светлости — магичка?

— Прошу, знакомьтесь, — обходительно сказал Мораддин, прежде целомудренно поцеловав красавицу в щечку. — Ее светлость Ринга, герцогиня Эрде, баронесса Энден. А это — Гвайнард Гандерландский, из гильдии Ночной Стражи. Дорогая, я уже говорил, что он привез послание от Конана.

— Очень рада, — герцогиня милостиво улыбнулась не разжимая губ и в упор взглянула на меня. Взгляд больших желто-карих кошачьих глаз на миг встретился с моим и я понял, что амулет не лгал — в зрачках женщины плескалась некая неизвестная мне сила, причем было невозможно понять, собственная она или заемная.

Госпожа Ринга, заметив мое замешательство, усмехнулась и сказала лукаво:

— Надеюсь, месьор Гвайнард не устроит охоту на вампиров прямоком в кабинете моего мужа?

Я непонимающе посмотрел на Мораджина, и, как показалось, тот слегка покраснел, а затем смущенно произнес:

— Я полагал, что если ты являешься близким другом Конана, то киммериец мог рассказать некоторые подробности... Ринга происходит родом из Рабиров. Именно там она... гм... отдыхала со времени войны Алого Камня и смогла вернуться в Бельверус совсем недавно.

— ...И если бы не великое искусство Астэлла-ра, осталась бы в Рабирийских горах навсегда, — совсем уж непонятно продолжила герцогиня. — Что же мы стоим? Рассаживайтесь, досточтимые месьоры. Гвайнард, не надо пожирать меня взглядом. С Конаном из Киммерии мы познакомились в 1273 году, двадцать три года назад, а он доселе жив и здоров... Прижившиеся среди людей рабирийские гули не представляют опасности. Если конечно, с ними не случается ничего скверного, как это однажды произошло со мной.

Митра Лучезарный! Мало мне метаципленариев, так еще и гуль! Да не простой гуль! Ночная тварь, принявшая образ исключительно привлекательной женщины, немедийской герцогини и жены начальника тайной службы Трона Дракона! Как все-таки интересно жить — каждый день видишь и узнаешь что-нибудь новое!

* * *

Среди почти сотни разновидностей вампиров, обитающих на Закатном материке, гули стоят особняком. Почти никто из людей не знает, откуда они взялись, что представляют из себя в действительности, а не в сказках, их владения на

Восходных склонах Рабирийского кряжа доселе остаются закрытыми для людей, не смотря на тот странный факт, что пару лет назад королева Чабела Зингарская ухитрилась завязать с вождями Рабиров некое подобие дипломатических отношений — впервые за всю историю Хайбории.

У Ночной Стражи есть более точные сведения о гулях, поскольку Хранители Гильдии уже не одно столетия занимаются тем, что составляют самый подробный свод записей о всех не-человеческих существах нашего мира.

Если вкратце, то история этого древнейшего (если не самого древнего в нашем мире!) народа выглядит так: много тысячелетий назад, во времена легендарного Роты Всадника, часть бессмертного народа элентари (у нас известных под названием альбов или «Высших эльфов») сознательно перешла на сторону Повелителя Полночи, получив наименование «эллери ахе». После Великой Войны «светлые» боги свергли Роту и уничтожили его крепость Астахэнну возле Трех Вулканов, попутно утопив половину континента в Закатном Океане. Эллери ахе были прокляты — у них отобрали дар бессмертия и их сущность была извращена проклятием, возложенном на них тогдашними «светлыми богами», о которых люди ныне успели забыть.

Как народ гулей выжил на протяжении бесчисленных столетий — уму непостижимо! Гули прибегли к строжайшей самоизоляции, заперлись в своих неприступных рабирийских владениях и никогда не вмешивались в дела широкого мира.

Но мир меняется, наверняка изменились и элле-ри ахе. Про шашни королевы Чабелы с рабирийцами я уже упомянул, да и отдельные представители этого народа начали изредка появляться в странах Заката.

Не могу не признать: госпожа Ринга весьма похожа на гуля, хотя этот народ внешне почти не отличается от обычных людей. Она невысока ростом, сложения скорее хрупкого, кожа бледновата, но это можно списать на долгую болезнь, которую перенесла герцогиня. И глаза, конечно — таких замечательных янтарных глаз у человека не встретишь.

Не могу не упомянуть, что наша гильдия относится к гулям со сдержанной настороженностью. В прежние времена они не покидали Рабирийские горы и не вели внешних войн, хотя весьма успешно отбивались от зингарцев и аргосцев, в разные годы решивших прибрать к рукам обширные угодья, принадлежащие гулям. Определенную опасность представляли только единичные гули, решившие покинуть родину и жить среди людей.

Для выживания гулям требуется живая кровь. Любая. Кровь кролика, курицы, свиньи. И, возможно, человека. Если гуль начинает открыто являть пристрастие к крови людей, по Уложениям Гильдии он из «представителя иной разумной расы» моментально превращается в «монстра» и подлежит уничтожению. В долгой истории трудов Ночной Стражи известно лишь три-четыре случая, когда наши отряды охотились именно на

рабирийских гулей, решивших, что города или деревни людей являются для них идеальными охотничьими угодьями.

Между прочим, непосредственно перед войной Алого Камня, один из отрядов Гильдии искал в Бельверусе вампира, совершившего несколько потрясающих по своей жестокости убийств, но не преуспел — таинственный убийца исчез немедленно после переворота принца Тараска, скорее всего погиб во время тогдашней сумятицы или был убит тайной службой, которая тоже охотилась на этого монстра.

Что интересно: судя по оставленным на телах погибших ранам и некоторым иным обстоятельствам, командир ватаги Ночной Стражи, действовавшей в немедийской столице, сделал вывод, что в убийствах повинен именно рабириец. И скорее всего это была женщина-гуль... Между прочим тогда Пятый департамент настоятельно посоветовал Ночной Страже прекратить дознание по делу о вампире. Почему — объяснено не было.

...Словом, я бы настолько удивлен неожиданной встречей с герцогиней Рингой, что просто сжал в ладони кубок с вином и молчал, не зная что сказать. В конце концов, если госпожа утверждает, что знакома с Конаном Канах почти четверть века — значит, так оно и есть. Зачем Ринге врать? Вспомним, что киммериец всегда относился к не-людям с симпатией — взять хотя бы Рэльгонна: он тоже вампир, однако владелец замка Рудна доселе остается другом варвара и

Конан не испытывает к нему никакой неприязни. В случае с герцогиней Эрде наверняка произошло то же самое.

— Я вижу наш гость смущен, — наконец прошептала госпожа Ринга, нарушив неловкое молчание. — Чтобы не возникало неприятных недомолвок, я хочу объяснить. Полагаю, что месьор Гвайнард, как профессиональный охотник на монстров и человек, наверняка слышавший обо мне от нашего общего друга, короля Аквилонии, испытывает к моей персоне определенное недоверие. Я права?

Ринга уставилась на меня и я снова увидел в ее глазах отблеск нездешнего и страшного пламени.

— Ваша светлость, не желая подать повода... — промямлил я, подыскивая надлежащие куртуазные формулировки. В конце концов я совершенно не хотел обидеть герцогиню.

— Гвайнард, церемонии здесь не нужны, — отмахнулась Ринга. — Конан отлично знает, что со мной случилось *тогда*, он сам видел последствия и если бы не своевременная помощь киммерийца, мы бы сейчас не разговаривали. Как скоро ты свяжешься с аквилонским королем?

— Сегодня, — растерянно ответил я. — Мы с Валентом Мессантийским вечером напишем отчет обо всех недавних событиях и я хочу сообщить его величеству о результатах разговора с вами... Депеша в Тараңтию будет переслана магом Валентом незамедлительно, через почтовый портал.

— Вот и чудесно, — удовлетворенно кивнула

Ринга. — Сообщи Конану, что я... Что я выздоровела и известный ему Астэллар надеется, что сумеречное безумие ко мне не вернется — он сумел вернуть мою душу из Хаоса, Не-Света и Не-Тьмы. Все-таки он отец нашей расы... Но проклятие доселе довлеет над рабирийцами, Астэллар не в силах его снять.

— Момент! — я аж подался вперед. — Ваша светлость...

— Можно просто «Ринга».

— Да-да, Ринга... Ты сказала, что... Астэллар? Отец вашей расы?

— Боги Милостивые! Именно! Конан отлично знает, кто такой Астэллар. Да и для всех прочих людей, замешанных в эту историю его происхождения не является тайной. Он — Рота. Рота, Всадник Полночи. Тот самый... После тысячелетнего изгнания ему удалось вновь вернуться в мир живых. Но не богом, а *человеком*. Лишь человеком, пусть и наделенным изрядными магическими способностями, являющимися лишь жалкой тенью былого величия.

— Та-ак... — у меня, наверное в десятый раз за это утро, челюсть отвисла. — Дело в том, что мы с Конаном однажды видели Всадника и даже говорили с ним...

— Ах, ну да, теперь головоломка сложилась, — отозвалась герцогиня, понимая, как нелегко. — Давным-давно киммериец мне рассказывал, что однажды ухитрился пройти через Портал Эпох во времена Роты, в эру его могущества. Значит, вы тогда были вместе? Занят-

но! По крайней мере теперь ты сможешь лучше понять то, о чем я говорю. Так вот: Астэллар, или если тебе будет удобнее, Рота, доселе владеет властью над нашими душами. Ему и моему отцу, Драго, разумеется, понадобилось почти два года, чтобы вырвать меня из ловушки Сумерек, но им это удалось, как ни странно. Раньше сумеречное безумие считалось неизлечимым, пораженный Сумерками эллери ахе навсегда уходил в мир Не-Тьмы и Не-Света... Я вернулась. Вернулась исцеленная от тягостных ран прошлого. *Почти* исцеленная... Вернулась, чтобы начать жизнь заново, с чистой страницы. Вернулась к человеку, которого люблю. Больше ничего Конану не пиши — полагаю, мы с ним встретимся и я все расскажу королю сама. Договорились?

— Хорошо, ваша светл... м-м... Ринга. Договорились.

— Вот и отлично. А теперь забудем о делах личных и займемся государственными. Где письмо?

Я сунул ладонь в висевший на поясе споран, извлек из сумки пакет и передал Мораддину.

На пергаменте, выше малой королевской печати, было размашисто написано рукой барона Юсдаля:

«Его светлости Мораддину Эрде в собственные руки от Конана Канах, Халька Юсдаля и Тотланта Луксурского. Передать препоручается Гвайнарду из Гандерланда.»

— Это просто замечательно, — жарко выдохнула Ринга, привстав и взглянув на пакет. — Все прежние друзья живы и здоровы, и теперь наша

развеселая компания вновь собирается вместе... Дин, что там?

— То, что я и предполагал, — хмуро ответил глава Пятого департамента, пробежавшись глазами по строчкам. — Черное Солнце. Конана очень беспокоит невероятное распространение ереси фатаренов в полуденных областях Аквилонии. Он отлично знает, что у нас положение не лучше и предлагает действовать совместно. Киммериец взял в союзники Орден магов Алого Пламени Равновесия и Ночную Стражу. Если мы согласимся участвовать в этой необъявленной войне, то Конан хочет устроить тайную встречу в Тарантии...

— Когда? — вздернула брови Ринга. — До аквилонской столицы слишком далеко ехать, путешествие займет немало дней, а времени у нас в обрез...

— Конан написал, будто у него существует возможность собрать всех заинтересованных лиц в Тарантии менее, чем за половину ночи. Мол, у него есть друг, способный доставить кого угодно и куда угодно за одно мгновение. Маг, способный строить порталы, что ли?

Я тихонько кашлянул. Ясно! Аквилонский король собирается прибегнуть к помощи Рэльгонна, способного «прыгать через Ничто» и переносить через это самое «Ничто» людей. В общем-то, умное решение — Рэльгонн обязательно согласится помочь, если уже не согласился.

— Значит так... — Мораддин неожиданно поднялся с кресла. — Ринга, сейчас немедленно поезжай

домой, собери к вечеру у нас в замке всех начальников столов Вертрауэна. Мы с Гвайнардом отправимся к королю.

— Что? — заикнулся я.

— Государь Нимед II тоже крайне обеспокоен резким усилением Черного Солнца и не столь давно попросил меня тайно подготовить меры к противодействию секте. Кое-какие наработки у меня уже есть, но если мы начнем действовать вместе с магами Равновесия, Ночной Стражей и секретным ведомством Аквилонии, ощутимого результата добьемся куда быстрее... Я обязан показать письмо королю, чтобы Нимед одобрил наши планы. Возможно, он сам захочет встретиться с Конаном. Ты, Гвайнард, выступишь перед Нимедом в качестве официального посланника Трона Дракона.

— Не вздумай ехать во дворец верхом, — проворчала Ринга. — Это может быть небезопасно, а я не собираюсь вновь терять мужа...

— Ты стала чересчур мнительной, — улыбнулся в ответ герцог. — Хорошо, отправимся в закрытой повозке, с хорошей охраной. Гвайнард, готов?

— Да.

— Вот и замечательно. А заодно я расскажу по дороге, откуда взялись птички, которых я показывал тебе утром...

* * *

Бельверус, столица Немедийского королевства, полностью оправился от последствий недав-

ней смуты. Известно, что любой мятеж обычно сопровождается непринужденным разгулом черни, пожарами, грабежами винных лавок и буйством неуправляемой толпы. Однако, переворот принца Тараска Кофийского был меньше всего похож на обычный бунт простецов против королевской власти. Его высочество был хитер, выбрав для устранения правящей династии Эльсдорфов Немедийских наиболее подходящий момент — мятеж вспыхнул немедленно после смерти старого короля Нимеда (до сих пор неизвестно, естественной или нет), подчинявшиеся Тараску отряды наемников вырезали всех, кто мог оказать сопротивление руководителям переворота, дома принцев и некоторых высокопоставленных королевских приближенных были сожжены, погибла практически вся королевская семья, за исключением младшего сына скончавшегося короля — Ольтена.

После долгой войны, для достижения победы в которой противоборствующие стороны не стеснялись в средствах и даже использовали могучую древнюю магию (посему и родилось вошедшее в летописи название «война Алого камня»), Ольтен, которого поддержали владыки почти всех королевств Заката, а особенно Аквилонии и Зингары, все-таки занял родительский престол, при коронации приняв имя Нимеда Второго, в память об отце и старшем брате.

Прошло два года. Нимед Юный (такое прозвище получил новый король) более менее восстановил порядок в стране, последние следы мятежа в

Бельверусе были уничтожены, хотя дворцы погибших братьев короля восстанавливать не стали — эти участки теперь заняты новыми домами государственных управ и купеческих гильдий.

— Мы с Рингойтеперь живем в замке Энден, неподалеку от города, — заметил по пути Мораддин. — Наш прежний дом сторел, да и мы не хотим возвращаться к причиняющим слишком много боли воспоминаниям о минувшем. Иногда мне кажется, что вся прежняя жизнь была только лишь сном. Прекрасным и ушедшим сном...

Я хотел было выразить герцогу свое сочувствие, но понял, что сделаю только хуже. Надо думать, что Мораддин и Ринга хотят навсегда забыть о гибели детей — Вестри и Даны Эрде, и действительно жаждут начать новую жизнь, не отягченную тенями прошлого. В конце концов, по меркам рабирийцев Ринга сравнительно молодая и у нее еще могут быть дети.

Убедившись, что десяток конной стражи Пятого департамента неотступно следует за нами, Мораддин опустил шторы на окна кареты, побарабанил пальцами по колену и поднял взгляд на меня.

— Мои мечты о том, что после немедийской войны Закат вновь погрузится в обычное дремотное состояние совершенно не оправдались, — вздохнув, сказал герцог Эрде. — Сам понимаешь, что начальники тайных служб отнюдь не жаждут показывать королям свою полезность, каждодневно раскрывая заговоры, строя замысловатейшие интриги против внешних или внутренних

врагов государства или вылавливая заграничных конфидентов сотнями. Идеальная тайная служба большую часть времени должна бездействовать, а точнее — пресекать возможные неприятности в корне, прежде, чем заявят о себе их последствия. Один раз я проявил досадную близорукость, недооценив возможности принца Тараска. Результатом стали ужасная война, буйство древней магии и гибель тысяч людей, включая моих близких и многих друзей и соратников... Боюсь, Вертрауэн оказался не слишком усерден и в случае с Черным Солнцем.

— Почему же? — осторожно спросил я, не понимая, с чего вдруг герцог разоткровенничался. — Власти Аквилонии тоже не ожидали от еретиков такой прыти.

— Обязаны были ожидать, — нахмурился Мораддин. — Я понимаю, в лице фатаренов Закат столкнулся с невиданной прежде опасностью, в наших странах никогда доселе не возникало крупных заговоров на религиозной почве, да и все до единого старые вероучения не были столь агрессивны и настойчивы в области вербовки адептов. Запомни, Гвайнард — когда некая организация, будь то конклав колдунов, торговая гильдия или религиозная секта, начинает приобретать не только власть над душами своих приверженцев, но и над золотом, ничего хорошего не жди. Черное Солнце обрело вес, влияние, богатство — уже несколько крупных немедийских землевладельцев, обладающих, кстати, древними титулами, отказались от своего имущества в пользу

секты, многие дворяне сочувствуют учению Мэ-ниха... Поверь, вскоре начнутся прямые столкновения между еретиками и митрианцами, а это — новая гражданская война. Причем куда более ожесточенная, чем два года назад.

— Понимаю, — кивнул я. — Религиозный фанатизм — опасная штука, а если уж фанатики возьмут в руки клинки...

— Если бы только клинки, — криво усмехнулся герцог. — Мои конфидененты смогли проникнуть в круги, приближенные к предводителям Черного Солнца. Донесения одинаковы — в случае, если государство начнет оказывать на секту серьезное давление, они будут готовы к вооруженному выступлению. И что хуже всего, это может произойти одновременно в Немедии, в Коринфском протекторате и в Аквилонии. Коринфия и полуденные области наших королевств обуяны ересью, изгоняются митрианские жрецы, захватываются храмы и храмовые земли... А простецы, насмотревшись на зажавшихся и погрязших в роскоши митрианских монахов, поддерживают Черное Солнце — сектанты по крайней мере не требуют платить подати и совершать обязательные приношения. Пока не изменится митрианство и высшая жреческая конгрегация не начнет внутренние реформы, мы Черное Солнце не победим.

— Значит, Аквилония, Коринфия, и Немедия... — пробормотал я и представил себе карту Закатного материка. Если верить словам Мораддина, фатарены получили наибольшее влияние

на территориях, образующих протянувшийся на две тысячи лиг пояс, от Пуантена до Заморы.

И тут мне в голову пришла любопытная мысль.

— Вашей светлости не кажется, что вскоре мы можем столкнуться с полномасштабным мятежом в полуденных провинциях, который сможет привести к образованию нового государства? Государства фатаренов? Помнится, король Конан Канак, маркиграф Ройл и Валент Мессантийский говорили о том, что за фатаренами могут стоять влиятельные дворяне, недополучившие свою долю власти и влияния... Коринфия мечтает расстаться с униженным статусом протектората Трона Дракона и получить статус независимого королевства, Полдень Немедии и часть Пуантена более тяготеют к культуре полуденных стран, даже язык отличен от того, на котором говорят в Боссонии, Гандерланде или других территориях на Полуночи. Понимаю, конечно, это звучит диковато, но...

— Думал, — кивнул Мораддин. — За событиями в Коринфии мы присматриваем и у меня создается впечатление, что там существует некая иная жизнь, своего рода двойное дно. С виду все благопристойно — дворяне выказывают полную лояльность к Трону Дракона, налоги поступают исправно, и в то же время коринфийцы почти открыто поддерживают новое вероучение. Пуантен? Полагаю, у Просперо хватит сил обуздать своих чересчур вольнолюбивых вассалов.

— А если нет?

— Гвайнард, не смей меня! Все отлично знают, что за спиной Просперо Пуантенского стоит Конан, с легионами которого лучше не шутить. А вот у нас в Немедии дело обстоит куда сложнее. Страна еще не до конца оправилась от прошлой войны, королевская власть ослабла, армия уменьшилась на треть, казна полупуста... Чтобы восстановить прежнее могущество Трона Дракона нам понадобится еще как минимум пять лет спокойной жизни. А ждать спокойствия в сложившейся ситуации бессмысленно. Без помощи а́кви-лонцев Немедии с Черным Солнцем не справиться. Тем более, что сектанты уже начали готовиться к неизбежному столкновению. И делают они это с фантазией, взять хотя бы метаципленариев.

— Что-о? — я едва воздухом не поперхнулся. — При чем тут метаципленарии?

— Мы же говорили о том, что птицы с Огненных островов приручаются? И что они могут быть использованы в качестве боевых животных? Один такой монстр — ты же видел, какие они громадные! — может разорвать в мелкие клочки десяток кавалеристов вместе с лошадьми. Убить птиц довольно сложно, с мечом или арбалетом против метаципленария не попрешь, тут нужна как минимум баллиста с тяжелой стрелой. Теперь представь сотню всадников верхом на обученных бою метаципленариях и сделай выводы.

— Ничего не понимаю, — я помотал головой. — Фатарены разводят этих птиц? Где? Как?

— Мы выяснили это случайно. Первые опыты по выращиванию метаципленариев начались в

замке барона Кулда, его владения расположены на границе с Коринфским протекторатом. Сам барон — убежденный сторонник фатаренов, хотя и не передал свои владения в пользу секты и не ушел нищенствовать, как некоторые другие. Где они раздобыли яйца с живыми зародышами неизвестно, однако подручные барона Кулда за минувший год сумели вырастить как минимум двадцать метаципленариев, как самцов, так и самок способных к воспроизведению рода. Все осталось бы в тайне — баронство слишком заholустное, медвежий угол и ужасающая дыра, за которой Пятый департамент практически не приглядывает. Ну скажи, какой страшный заговор может организовать провинциальный барончик, не знающий ничего кроме охоты, попоек с соседями и утех с прекрасными селянками? Разумеется, мы снова проморгали...

— И как же все раскрылось?

— Один из птенцов сбежал — даже в весьма юном возрасте эти птицы очень сильны и хитры. Некоторое время птеник охотился на овец кметов в соседнем графстве, крестьяне подали жалобу на объявившееся в лесах чудовище, позвали Ночных Стражей. Охотники, разумеется, сообщили о необычной птице куда следует — сиречь, в Пятый департамент. Мы заинтересовались, начали дознание, следы привели в замок Кулд.

— Но ведь ни в одном законе не сказано, что скучающий дворянин не может заниматься разведением метаципленариев, — справедливо заметил я.

— Верно, не сказано. Но тайная служба короля стоит выше законов — для того, чтобы ограбить трон и подданных Немедии от возможных угроз, мы можем действовать в обход существующих уложений или вообще не обращать на них внимания. Барон Кулд — фатарен, он разводит опасных тварей... Это наводит на размышления, не так ли? Словом, один из боевых отрядов Вертрауэна быстро и без потерь захватил замок месьора барона, да вот незадача — хозяин, большая часть птичек и весь архив исчезли задолго до нашего появления. Мы смогли обнаружить только двух подросших птенцов, которых ты видел утром. Нашли осколки скорлупы множества яиц. Допрошенная прислуга замка не смогла ничего прояснить — да, у господина барона не столь давно появилось увлечение... гм... экзотическими птицами. Да, в замок частенько наведывались гости, интересовавшиеся метаципленариями, причем некоторые из них были облачены в простые холщовые хламиды, называли себя «Совершенными», не ели мяса и проводили для барона Кулда обряды, которые митрианскими ну никак не назовешь... За четыре дня до появления слуг короля, господин барон спешно покинул замок вместе со своими необычными питомцами, причем взрослыми птицами управляли его доверенные люди, прежде обучавшие метаципленариев. Следы Кулда затерялись — так начинаются горы, местность дикая и безлюдная. А я начал подумывать о том, что в Пятом департаменте появился изменник, предупредивший нашего лю-

бителя экзотики о предстоящем визите гостей из Вертрауэна.

— Ну и ну, — покачал головой я. — А что же они не прихватили птенцов, и оставили такую улику?

— Видимо очень спешили скрыться, да и птенчики были еще слабы и не выдержали бы дальней дороги. Прислуга барона спрятала обеих птиц, но мои люди, тщательно обшарив замок, отыскали укрытие и доставили их в Бельверус. По моему приказу птенцов выкормили, за прошедшее время они подросли, фактически став взрослыми птицами, но как их обучать — никто не знает.

— Барона, надо полагать, так и не нашли?

— Нет, — помрачнел Мораддин. — И меня это очень беспокоит. Где два метаципленария, там жди и двести. Растут они быстро, наша самка уже отложила четыре яйца... Я ничуть не паникер, все самое страшное в своей жизни уже видел, а поэтому в этом мире меня мало что пугает. Но при мысли о том, что Черное Солнце однажды использует метаципленариев в качестве военной силы, мне становится крайне неудобно. Добавим сюда увлечение фатаренов кхарийской боевой магией, их популярность среди способного держать в руках оружие дворянства Полудня, огромные денежные резервы, накопленные за последнее время и получим...

— Получим силу, противостоять которой будет крайне сложно, — продолжил я. — Неужели все настолько серьезно?

— Очень серьезно, — кивнул герцог. — На Закате варится зелье, которое всем нам придется долго расхлебывать. И именно поэтому мы сейчас едем к королю. Если мощь Немедии и Аквилонии, знания твоей Гильдии и конклава магов Равновесия не будут объединены против общего врага, нас ждут веселенькие времена.

Карета с гербом Вертрауэна въехала под своды арки барбикена коронного замка Бельверуса.

3. Второй рассказ Халька

Что будем делать?

23 день второй осенней луны 1296 г.
Тарантия

так, сегодня ночью состоится Большой Совет. Если быть совсем точным, то не вечером, а ночью — собрать всех приглашенных до захода солнца мы не можем по вполне объективной причине: Рэльтонн из Рудны не в состоянии действовать при свете дня, он существо сугубо ночное и испытывающее к солнечному свету стойкое отвращение. Что вполне естественно — все-таки хозяин отдаленного бритунийского замка является самым настоящим вампиром-каттаканом, героем страшных легенд и леденящих душу историй, красочно повествующих о жутких упырях, высасывающих кровушку из лебединых шеек невинных девиц или похищающих трехдневных младенцев.

Идея использовать каттакана в качестве «перевозчика» пришла в голову одновременно мне, Гвайнарду и Конану, однако, мы плохо представляли, как приглашенные в Тарантию гости отнесутся к столь экстравагантному способу передвижения. Разумеется, все участники Совета предупреждены, что за ними явится «доверенное лицо» короля Конана, которое при помощи волшебства мгновенно переместит их в Тарантию, но, простите за каламбур, лицо этого самого доверенного лица способно напугать даже самого хладнокровного человека.

Представьте каково это будет выглядеть: из пустоты выныривает человекоподобное существо с горящими желтым огнем круглыми глазами, усеянной коническими клычищами пастью и серо-белой кожей мертвеца и вежливо предлагает проследовать вместе с ним в Тарантийский Замок короны. Полагаю, вы сто раз подумаете, прежде чем согласиться, если раньше не схватитесь за оружие и не начнете звать на помощь, громко и оповещая всех окружающих, что вашу спальню посетил вампир.

Дабы избежать ненужных осложнений, мы предложили Рэльгонну на время сбора Совета надеть глухую черную маску, полностью скрывавшую его внешность, но упырь только усмехнулся и сказал, что сможет обойтись и без подобных глупостей — мол, каттаканы способны менять облик не хуже самого завязанного оборотня-доппелгангера. Сие утверждение было немедленно продемонстрировано на практике — при

помощи врожденной магии каттаканов Рэльгонн запросто придал своей устрашающей физиономии вполне человеческие черты и начал откровенно смахивать на страдающего несварением желудка и бессонницей черного мага с тенями под глазами, нездоровой кожей чахоточного больного и бескровными узкими губами, сложившимися в презрительно-брезгливую усмешку.

Киммериец немедленно заявил, что Рэльгонн сейчас похож на молодого Тот-Амона, будто на родного брата, и с тем приготовления к грядущему совещанию закончились. Упырь улетел ночевать (точнее «дневать») в Рудну, да и мы разошлись на отдых, благо за окном едва-едва начало светлеть и еще можно было вздремнуть.

Уговорились так: Рэльгонн доставит всех приглашенных напрямик в Белую гостиную, расположенную в личных покоях короля немедленно после следующей полуночи. Если учитывать способность упыря перемещаться на гигантские расстояния за единый миг, сбор гостей займет не более двух квадрансов. А затем...

Затем до самого рассвета (к счастью, по-осеннему позднего), мы будем чесать языками, пытаюсь выяснить, что же такое Черное Солнце и как с ним бороться.

* * *

— Нет-нет, даже такой облик вызовет недоверие, — поморщилась Зенобия, когда Рэльгонн следующим вечером объявился в Белой гости-

ной. — И никакие наши предупреждения не помогут. Кроме того, зеркала отражают истинную сущность, а не созданную магией иллюзию. Вот, взгляните...

Мы с Конаном, Тотлантом и заранее приехавшим во дворец бароном Гленнором послушно установились на большое, от пола до потолка, серебряное зеркало.

Ну точно, «черный маг», стоявший перед нами исчез, заместившись в отражении подлинным обликом каттакана — зубастым и остроухим. Только одежда рудненского вампира осталась неизменной — мешковатая хламида с капюшоном, украшенная медальоном в виде свернувшегося в колечко дракончика.

— Ладно, убедили, — недовольно скривился Рэльгонн и вернул себе привычный вид. — Давайте вашу маску, придется поиграть в таинственность.

Королева потянулась было к лежавшей на диванчике черной шелковой полосе с прорезями для глаз и завязочками, но ее опередил рассудительный барон Гленнор.

— Зачем усложнять дело? — недоуменно развел руками наш архишпион. — По-моему, можно поступить более просто и разумно. Насколько я понимаю, все те, кого мы сегодня ждем, лично знакомы либо с Конаном, либо с бароном Юсда-лем, так? Уважаемому господину Рэльгонну не составит труда...

— Не-ет! — яростно замотал головой киммеец. — Гленнор, ты хочешь сказать, что нам

следует сопровождать Рэльгонна? Благодарю покорно, не желаю!

— Разве прыжок через Ничто опасен? — осведомилась Зенобия.

— Совершенно безопасен, как для каттакана, так и для человека, — ухмыльнулся вампир. — Да только я еще по прежним временам наших совместных приключений в Бритунии помню, что Конана после прыжка обычно начинает тошнить.

— Неприятные ощущения, — согласился король и быстро взглянул на меня. — Хальк, я уверен, тебе понравится такое приключение!

— Гм... Не знаю, не знаю...

— Отправляйся, — решил за меня барон Гленнор. — А ты, Рэльгонн, натяни капюшон поглубже. Будем вас ждать.

Я медленно подошел к упырю и спросил:

— Нужно делать что-нибудь особенное? Заклинания?

— Никаких заклинаний и шаманских плясок вокруг костра, — улыбнулся владетель Рудны, показав все свои зубы. — Понимаешь ли, прыжки через Ничто для нашей расы, столь же естественное и привычное действие, как для тебя дыхание ли ходьба. Прежде всего — ничего не бойся, это не больно. Сначала возьми меня за руки и ни в коем случае не отпускай. Глаза закрывать необязательно... Сначала отправимся в Бельверус. Готов? Полетели? Полетели!

Рэльгонн набросил черный капюшон, я коснулся холодных пальцев каттакана, отметив, на-

сколько ухоженные у него ногти — длиннющие, чуть изогнутые и отполированные, будто у светского фата.

Полет продолжался один незаметный миг, у меня перед глазами вспыхнула россыпь ярких искр, чуть закружилась голова, я почувствовал холод, но сразу понял, что магия тут вовсе ни при чем. Просто в большой роскошной зале, в которой мы внезапно очутились, было прохладно и дул сквозняк.

— Впечатляет, — раскатился по анфиладе очень знакомый голос. — Просто невероятно!

— Разрешите пожелать вашему величеству и всем присутствующим доброго вечера, — даже после прыжков через Ничто не следует забывать об этикете, ибо я стоял посреди малой тронной залы бельверусского замка и здесь находился король сопредельной и дружественной державы Нимед Второй.

Я отпустил руки упыря и куртуазно раскланялся.

— Надеюсь, мы не опоздали?

— Как раз вовремя, — пробасил Гвайнард, стоявший рядом с удивленно помаргивающим Нимедом, разглядывающим отошедшего за мою спину Рэдьгонна. — Мы только-только собрались.

Под словом «мы» скрывались собственно король Немедии, Мораддин, Гвай, Валент из Мессантии, еще один незнакомый пожилой месьор (как потом выяснилось, это был один из Хранителей Ночной Стражи, барон Девлин) и... и... Она.

Я уже знал, что Ринга вернулась в Бельве-

рус — Гвайнард и Валент упомянули об этом в недавнем письме, но никак не предполагал, что герцогиня Эрде и наша с Конаном давняя подруга будет так хорошо выглядеть. Словно и не было долгих двух лет тяжелой душевной болезни, сделавшей из лучшего конфидента Вертрауэна сущего монстра.

— Хальк, и что ты уставился? — фыркнула Ринга наблюдая за моей вытянувшейся физиономией. — Это действительно я. Кстати, как вы здесь оказались? Я не почувствовала никакой магии, портал никто не строил... Что-то новенькое? Или хорошо забытое колдовство Кхариин, которое получает все большую популярность в наши неспокойные времена?

— По-моему, это неважно, — поморщился деловитый Мораддин. — Хальк, я рад видеть тебя и твоего... э... друга, но разговоры о личных делах мы отложим на другой раз, согласен? Как мы попадем в Тарантию?

— Ваше величество, месьоры, надо встать в круг, — со знанием дела сказал Гвай. — Возьмитесь за руки. Рэль, встань между мной и бароном Юсдаем. Ни о чем не беспокойтесь...

Щелк! Снова мелькнули радужные искорки — и пред моим взором вновь предстала Белая гостиная.

— Ф-фу, — молодой немедийский государь утер со лба проступивший пот. — Ничего себе! Мы действительно в Тарантии?

— В самой что ни на есть тарантийской Тарантии, — подтвердил киммериец, который вместе с

остальными наблюдал за нашим явлением из дальнего угла комнаты — Рэльгонн заранее предупредил, чтобы люди не толпились посреди гостиной, при «выныривании» из Ничто есть риск наткнуться на другого человека, а это может быть опасно. — Привет, Ольтен! Или прикажешь именовать тебя в соответствии с коронационным именем — Нимед? Батюшки, это же Ринга Эрде! Здравствуй, старушка, сколько лет не виделись! Хальк уже успел мне насиплетничать, что ты жива-здора!

— Кажется, сегодня гвоздем программы буду я, а не Черное Солнце, — с притворным разочарованием вздохнула герцогиня. — Все собрались?

— Нет, — покачал головой барон Гленнор. — Рэльгонн, Хальк, отправляйтесь за остальными... А вам, досточтимые господа и прекрасная дама, я осмелюсь предложить отведать великолепного шемского вина.

В сущности, Рэльгонн был прав — прыжки через пустоту не доставляют никаких особо скверных ощущений или лишних неудобств. Мне даже начало нравиться путешествовать столь необычным способом. Одно мгновение, и ты уже в Кордаве или Гайарде, еще мгновение — и снова Аквилония. Каттаканам можно только позавидовать — никаких затрат, лошадей, пыльных дорог, ночевок на дурных постоянных дворах! Надо будет посоветовать Конану нанять упря в качестве королевского гонца.

Мы и впрямь управились за два квадранса. Еще не начали звонить первый послеполуночный

час, а Большой Совет в полном составе находился в Белой гостиной королевской резиденции. Никаких осложнений не возникло, даже глава самого уважаемого митрианского монашеского ордена Вечного Солнца, отец Доменик Кордавский, отнесся к нашему внезапному появлению в келье обители будто к само собой разумеющемуся событию — будто у него каждую ночь из пустоты вываливались вампиры и тайные советники Трона Льва.

...Наконец, Конан отставил в сторону чашу с вином и попросил гостей рассаживаться. Предстояло принять исключительно важные решения, способные повлиять на ход дальнейшей истории Закатного материка.

* * *

В нашем чрезвычайном совещании приняли участие совершенно разные по облику, возрасту и статусу люди и не-люди. Два короля и королева (Конан с Нимедом-Ольтеном и Зенобия), волшебники (Валент и Тотлант) вместе с маркграфом Ройлом, представители гильдии Ночной Стражи, главы секретных ведомств двух ведущих держав Заката, герцог Просперо Пуантенский, доставленный из Гайарда, где он пытался вразумить своих баронов, предавшихся смуте, один оборотень (я неотвязного Веллана имею в виду), и два жреца Митры — уже упомянутый Доменик из Зингары и настоятель главного храма Аквилонии старик Хродомер. О своей персоне я скромно

умолчу — мне пришлось, как и всегда, вести записи.

Если с абсолютным большинством присутствующих я был знаком, то меcсьор Доменик представлял для меня сплошную загадку. Слухи об этом суровом монахе, создавшем новый орден братьев-проповедников ходили самые разные — аскет, самую чуточку фанатик, человек малопривлекательный и тяжелый в общении, однако именно благодаря Доменику Зингара доселе осталась оплотом двух «традиционных» верований Заката — митрианства в первую очередь, и иштарииства во вторую.

Едва в пределах владений ее королевского величества, государыни Моря и Суши Чабелы I Зингарской объявились фатарены со своими сомнительными проповедями, Доменик вместе с еще несколькими монахами-единомышленниками понял, какую опасность могут представлять новоявленные еретики.

Он добился приема у королевы и изложил свои предложения. Чабела, всегда отличавшаяся редкостной проницательностью, утвердила разработанный Домеником устав нового митрианского ордена, запрещавший монахам стяжание и роскошь, а так же обязывающий братьев оказывать помощь бедным. Затем, получив поддержку со стороны государства, настоятель монастыря Вечного Солнца вместе со своими братьями начал настоящую охоту на сектантов.

Доменик преуспел: за полтора года он смог полностью очистить Зингару от еретиков, где

вразумляя людей пламенными проповедями, а где — попросту уничтожая закосневших в своих гибельных заблуждениях фатаренов, очищая их души и тела огнем. Он добился от королевы издания закона, запрещающего *любым* митрианским обителям и общинам Зингары скупать земли, все пожертвования храмам теперь не накапливались в сокровищницах, а шли в пользу неимущих. Доменик основал множество больниц и странноприимных домов для нищих, жизнь вел чистую, бедную и созерцательную, а развратные монахи из «старых» монастырей либо вынуждены были признать новый уклад жизни, либо нещадно изгонялись из обителей.

Словом, Доменик заслужил репутацию почти что святого и едва ли не преемника Эпимитриуса, а самое главное — сумел быстро вернуть авторитет митрианству в своей стране. Конан посчитал, что советы отца Доменика будут для нас весьма полезны, посему он и был приглашен в Тарантию. Что характерно, этот чуть мрачноватый темноглазый и чернобородый монах в белой хламиде с черным плащом от участия в нашем тайном заседании не отказался — понимал, чем может грозить разрушение тысячелетних устоев и традиций в Аквилонии и Немедии.

— ...Они просто врут в глаза! — от размышлений меня отвлек громкий возглас Просперо. — Послушать моих баронов, так все и каждый являются благонамеренными и добрыми подданными короны, веруют в Митру Солнцезарного и исправно платят подати! А в действительности —

привечают Совершенных, отдают им в пользование некоторые замки в горах, которые превращаются в змеиные гнезда, готовят войско! Половина Пуантена, даже крупные города, охвачены этим безумием! Фатарены проповедуют прямо на улицах! В самом Гайарде по решению старшин торговых и ремесленных гильдий, управляющих магистратом города, закрыто два монастыря, братья изгнаны!

— А ты хотел чего-то другого? — невинно поднял брови Конан и тут же метнул огненный взгляд на нахохлившегося верховного жреца Хродомера, возглавлявшего митрианские общины Аквилонии. — Может быть, ваша милость соизволит сообщить, какова была сумма обязательных храмовых сборов в Пуантене за последние... допустим, пять лет? И куда они подевались?

— Жрецы не обязаны давать отчет мирским властям, — прокрипел Хродомер. — По счастью, времена Нумедидеса, узурпировавшего власть над нашим сословием и возложившим на себя непосильное бремя жреческого служения Митре давно миновали. Я полагаю, что королю не след вмешиваться в дела храмов — мы же не участвуем в жизни светской?

Я решил, что Конан сейчас взорвется и жрецу придется туго. Хродомер до невероятия обнаглел, будучи уверенным, что его могущество непоколебимо. Конечно, за ним стоят тысячи жрецов, сотни монастырей и колоссальные богатства, собранные за столетия, но если рассудить здраво, то через год-другой, фатарены окончательно вы-

теснят из умов аквилонцев митрианские постулаты и Хродомер останется гол и бос. Неужели он этого не понимает?

— Смею заметить, — встрял барон Гленнор, — что достоинство верховного жреца было возвращено королем Конаном тебе в знак того, что его величество полагает... полагал, будто митрианство и жреческое сословие останется верной опорой Трону Льва!

— А я замечу, что не случись этого, король Конан не получил бы поддержки со стороны бесчисленных прихожан наших храмов, где мы каждодневно возносили моления Светлоокому за здоровье и благополучие нового государя! — парировал Хродомер, а я похолодел. Он что, нарочно нарываемся? Конан в гневе страшен, никакой демон Черной Бездны не сравнится!

Киммериец, однако, не ответил. Только тяжело посмотрел на Хродомера (ох, какой нехороший взгляд!) и, повернувшись к остальным, произнес:

— Ну что ж, мы можем предполагать, что руководители секты, ее верховный конклав, готовят открытое выступление. И в то же время никто из нас не знает кто они, каковы основные цели Черного Солнца и чего ждать в будущем. Есть несколько ниточек, ведущих в самое сердце этого заговора, но они слишком непрочны. Вот кстати... — король дернул меня за рукав. — Хальк, ну-ка Расскажи о своем давешнем ночном приключении. Думаю, это ключик к одной из доселе запертых дверей.

— Да, конечно, — быстро кивнул я. — Месьеры, дамы, прошу вас выслушать внимательно. Особенно это будет интересно волшебникам. Кажется, со мной говорил человек, посвященный в тайны, к которым нам так хочется прикоснуться...

* * *

Известно, что в дни солнцестояний обычно случаются чудеса. Осеннее равноденствие тоже не обошлось без донельзя странного события, правда, коснувшегося только меня одного.

Дело в том, что в моей спальне среди ночи объявился призрак.

Конечно, в королевской резиденции Тарантии, как и во всяком уважающем себя замке обитали привидения — взять хотя бы тень герцога Мартена, убитого в подвале дворца лет двести назад, еще при короле Сигиберте Великом. Привидение герцога появлялось только в полнолуния, таскало в руках собственную голову и нудно призывало всех встречных-поперечных отыскать его убийцу и казнить изменника. Словом, обычный безвредный фантом, кому-то кажущийся устрашающим, а кому-то — забавным.

Однако, призрак неожиданно посетивший опочивальню барона Юсдаля к ведомству неуспокоенных и мятущихся душ никак не относился — это была созданная магией иллюзия человека, в действительности находившегося на расстоянии многих сотен лиг от аквилонской столицы. Однако, таковая иллюзия меня видела, могла со мной

разговаривать, отвечать на вопросы и даже вполне оживленно жестикулировать.

Вполне естественно, что сначала я перетрусил, поскольку прибытие призрака сопровождалось весьма красочной магической иллюминацией и устрашающими эффектами. Призрак, однако, постарался меня успокоить, сказав, что использованное им колдовство угрозы для барона Юсдаля не представляет, а если названный барон соизволит успокоиться, выпить для храбрости вина и присесть напротив, то, возможно, услышит нечто весьма любопытное.

Так я и сделал. Плеснул в свой бокал розового пантенского, поборол дрожь в коленях и на всякий случай устроился в кресле в самом дальнем от призрака углу спальни.

Передо мной стояла высокая, закутанная в синий плащ фигура — иллюзию реальности смазывала только изредка пробегавшая по фантому рябь, наподобие поднимающихся волн горячего воздуха.

— ...Итак, вы дворянин, человек и маг, — повторил я слова незнакомца. — Может быть представитесь? А то как-то неудобно — вы мое имя знаете, а я не ведаю, с кем говорю.

— Отвечу по порядку, — призрак, как мне показалось, хихикнул. — Да, я ношу старинный родовой титул, но магом не являюсь. Связаться с вами мне помогли... м-м... хорошие знакомые. Представиться, увы, я не могу — это было бы опрометчиво. Но для удобства называйте меня, допустим, месьором Лерэ.

«Лерэ» — «пустота», мгновенно перевел я знакомое немедийское слово. Ну-ну. Похоже, чувство юмора у ночного визитера напрочь отсутствует. Имечко словно сошло со страниц дурных сочинений Гая Петрониуса о каких-нибудь дворцовых интригах густо замешанных на несчастной и неразделенной любви — эти сопливые истории ныне весьма популярны у тарантийских пожилых дам и впечатлительных девиц.

— Хорошо... месьор Лерэ, — вздохнул я. — Начнем с самого главного: что привело вас в мою спальню в столь поздний час?

— Ваша неизбывная любознательность, барон, — донеслось из-под маски, скрывавшей лицо фантома. — Всему Закату барон Юсдаль известен как наипервейший собиратель сплетен и любитель чужих тайн. Не обижайтесь, я не хочу сказать ничего дурного, вы ведь не пользуетесь этими тайнами в неблагоприятных целях? Хотя, как я полагаю, многие отдали бы целое состояние за собранный вами архив.

— Вы хотите купить какие-то бумаги, хранящиеся у меня? — я нахмурился. Двусмысленные слова месьора Лерэ дают повод для настороженности. — Тогда вынужден вас огорчить — ни ведущаяся мною летопись, ни какие либо документы из архива не продаются.

— Боюсь, господин барон меня неправильно понял, — терпеливо ответил призрак. — Вовсе наоборот, я хочу чтобы в вашей хронике появилось несколько новых, весьма любопытных и значительных для потомков записей.

— А именно? — я пытался вести себя хладнокровно и не показывать, что заинтересовался.

— Я знаю о том, что король Конан и его окружение обеспокоены действиями сообщества, называющегося Черным Солнцем... Я могу кое-что рассказать.

— Месьор Лерэ, вы что, фатарен? — перебил я. — Может быть даже «Совершенный»?

— Боги милостивые! Все эти разговоры, эти пустые слова о благостном духе и греховной плоти... Как надоело! Откровенно говоря, Тьма, Свет, это все так, только детей пугать. Если вы думаете по-другому, то сильно отстали от жизни. В наши прагматичные времена историю творят не могучие заклинания, а кавалерийские клинья и полки арбалетчиков. Ну, и золото прежде всего. Признаюсь, в Черном Солнце я занимаюсь именно денежными делами. То есть имею весьма большое влияние, поскольку абсолютное большинство поступлений от легковых идиотов, внявших учению Мэниха и отказавшихся от имущества в пользу ведущей к Свету бедности, проходит через мои руки. Поверьте, это огромные суммы, сравнимые с доходами королевской казны.

— Значит, вы действительно состоите в этой организации, — полувопросительно-полуутвердительно выдавил я. — Неужели наши догадки о том, что Черное Солнце всего лишь невероятная по размаху афера, призванная обчистить карманы купившихся на ваши проповеди простаков — истинны?

— Это правда лишь отчасти, — спокойно отве-

тил месьор Лерэ. — Поймите, я не имею права объяснить все, поскольку от моих слов может зависеть жизнь и благополучие слишком многих людей. Да, лично я зарабатываю на идеях пророка Мэниха деньги и не вижу в этом ничего особо предосудительного.

— Но это же чистый обман! — воскликнул я. — Ложь и надувательство! Вы сознательно вводите людей в заблуждение, играете на их религиозных чувствах!

— Ничего подобного, — невозмутимо пожал плечами призрак. — Многие новообращенные фатарены искренне верят, что избавившись от греховного золота, они встанут на путь очищения от плотской скверны. Почему я должен лишать людей веры? А деньги... Ну не в выгребную же яму их выкидывать? Если золото вам не нужно, отдайте его тому, кому оно больше пригодится. И вообще, вы слышали древнюю поговорку — хочешь заработать, создай новое вероучение!

— Вы называли себя дворянином... — брезгливо скривился я. — А рассуждаете будто купчишка!

— Я вынужден так поступать, — столь же бесстрастно отозвался месьор Лерэ. — Потому что передо мной стоит цель. Приоткрою завесу: это цель политическая, достичь которой без золота невозможно. Впрочем, давайте более не отвлекаться. Я пришел к вам совершенно по другому поводу. Известно, что барон Юсдаль обладает при дворе Конана Аквилонского большим влиянием, а так же слывет человеком умным и рассудительным...

— Терпеть не могу грубую лесть, — процедил я сквозь зубы. — Хотите, чтобы я упросил короля смотреть на выходы Черного Солнца сквозь пальцы? Что в обмен? Деньги? Как много? Учтите, меньше чем за сотню тысяч полновесных кесариев вы меня не купите.

— Прекратите паясничать, я говорю абсолютно серьезно, — повысил голос призрак. — Если излагать кратко, то сейчас и вам, и мне угрожает опасность. Я хочу предложить сотрудничество, дабы оную опасность устранить раз и навсегда. Моими силами тут не справиться, нужна мощь крепкого и стабильного государства. Все дело в магии. В магии Ахерона, которая, казалось бы, была прочно забыта.

— Подробности! — я рубанул ладонью воздух и тут же добавил скороговоркой: — Кажется, я понимаю, о чем идет речь. Ваши маги все-таки вышли из-под контроля? Почувствовали вкус вседозволенности и теперь прочие руководители Черного Солнца у них не в авторитете?

— В целом вы довольно точно обрисовали ситуацию, — отозвался месьор Лерэ. — Но есть некоторые нюансы. Вы готовы выслушать меня не перебивая?

— Извольте...

В целом, картина была приблизительно такой, как и предполагали маркиграф Ройл и Валент из Мессантии во время нашего посещения развалин Стобашенного Пифона. Неосмотрительность людей, возглавлявших секту фатаренов привела ко вполне предсказуемым последствиям.

Помните мои записи, касавшиеся наших с Конаном и бароном Гленнором рассуждений о том, что еретическое течение расколото как минимум на три группировки, до времени друг во друге нуждающихся? Так вот, весьма многочисленное сообщество увлекшихся кхарийской магией «колдунов» действительно начало завоевывать все большую независимость от «политиков» и «торгашей» — привлеченные идеями фатаренов маги поняли, что набрали достаточно сил для того, чтобы или освободиться от бывших союзников, единомышленников и покровителей, либо подчинить их себе.

— Хальк, я прошу вас только об одном, — неторопливо говорил месьор Лерэ. — Не воспринимайте конклав магов Черного Солнца с вульгарной точки зрения — мол очередная шайка сбрендивших колдунов решила завоевать господство над миром. Такового господства им, равно как и всем прочим, не видать как своих ушей — Вселенная людей устроена слишком сложно для того, чтобы заполучить ее в единоличное пользование одного человека или некоей организации. У них другие цели. Магия ради магии, развитие волшебной науки, поиски утраченных столетия назад знаний. Словом, эти господа трудятся больше ради искусства, если мне будет позволено так выразиться. И они ни перед чем не остановятся.

— Мы это знаем, — грустно ответил я. — Печальный опыт имеется.

— Имеете в виду охоту наших колдунов за найденной маркграфом Ройлом Книгой Душ? Да,

я осведомлен об этой истории. Перехватить Книгу так и не удалось, а теперь Хранители Ночной Стражи никогда не выпустят ее из своих когтей.

— Вы этим недовольны, Лерэ?

— Отчего же, совсем наоборот. Весьма доволен, и тому есть веские причины. Но вернемся к исходному вопросу. Когда нам, истинным хозяевам Черного Солнца, требовались услуги колдунов, мы щедро снабжали конклав деньгами, покупали артефакты, отправляли экспедиции на поиски магических зелий... И не предвидели, что вырастим неблагодарную змею. Демоны с ней, с благодарностью, как-нибудь переживем. Дело обстоит куда сложнее: ради своих «знаний ради знаний» эти мерзавцы собираются покопаться в Пиррофлагалоне. И им точно известно, где находится город-святилище кхарийцев. Думаю, вам тоже — одно время Ройл весьма интересовался религиозной и магической столицей империи Ахерона.

— Так... — выдавил я, отлично помня предостережения Ройла и Валента, касавшиеся Пиррофлагалона. — Слушайте, месьор Лерэ, да вас убить мало!.. Понимаете, чем это может грозить?

— Более чем, — буркнул поздний гость. — Я, знаете ли, неплохо разбираюсь в истории и магии. И потому я вынужден просить вашей помощи, Хальк. И помощи короля Конана Канах.

...Валент Мессантийский сказал недавно: «У меня есть некоторые основания полагать, что грандиозная Буря Перемен, уничтожившая Кхарийскую империю, буйство неконтролируемой

черной магии, прекратилась не сама, а была намеренно остановлена. А еще точнее — приостановлена. На время». Далее следовал вывод о том, что под толщей земли, укрывшей Пиррофлагалон может скрываться *Нечто*, способное вновь выпустить магический шторм, противостоять которому люди будут не в силах. Это означает крушение Хайборийской цивилизации и такие непредставимые бедствия, рядом с которыми древняя магия Алого Камня Каримэнон, вызвавшая недавнюю войну в Немедии покажется невинным фокусом площадного фигляра, вытаскивающего кролика из пустого мешка.

— И что вы предлагаете, месьор Лерэ? — спросил я, когда недобрая пауза затянулась.

— Все просто. Весь конклав магов Черного Солнца я с потрохами сдам аквилонской тайной службе. Делайте с ними, что хотите — жгите на кострах, ссылайте на необитаемые Ванские острова, только, пожалуйста, не используйте в своих целях.

— То есть, вы хотите нашими руками избавиться от переставших подчиняться руководству секты колдунов?

— Можно сказать и так. Барон Юсдаль, вы же не ребенок, не первый год в большой политике, должны понимать... Вскоре конклав в полном составе соберется в Пиррофлагалоне — тайно, конечно. Если Конан привлечет знакомых магов — ваш король вроде бы дружит с Пелиасом Кофийским и предводителями Ордена Равновесия? — то вы накроете всю шайку скопом.

— Сколько их?

— Посвященных магов — шестнадцать. Добавим примерно три десятка учеников, не обладающих сколь-нибудь серьезными умениями. Я переправлю вам список и постараюсь узнать пути, которыми колдуны будут пробираться в Аквилонию. Если не ошибаюсь, Пиррофлагалон находится неподалеку от Галпарана, в левобережном Гандерланде. Достоверно известно, что встреча состоится на зимний солнцеворот, самая длинная ночь в году. Для них это важно, они собираются провести некий старинный обряд...

— Что еще?

— Если поможете в деле с магами, я постараюсь сделать так, чтобы проповедники учения Мэниха были отозваны из полуденных областей Аквилонии. По крайней мере сделаю все, что в моих силах.

— Предлагаете честное соглашение? Благородный договор? Мы уничтожаем распустившихся колдунов, мешающих вам зарабатывать деньги и крутить политику, а вы оставляете в покое Аквилонию? Никаких больше проповедей, никакой узурпации земель и собственности в пользу вашей секты? Или я чего-то недопонял?

— Повторяю еще раз: я сделаю все, что в моих силах, — твердо сказал месьор Лерэ. — Или, в крайнем случае, подскажу как избавиться от наших последователей силой. С одним условием: вы изгоните фатаренов только из пределов Аквилонии. Прочие государства лежат вне сферы ваших интересов.

— Так много за простенькую услугу — перебить полтора десятка колдунов?

— Поверьте, Хальк, это не так-то просто. Они накопили достаточно знаний и мощи, дело может получиться весьма опасным. Если Конан согласится на мои предложения, я предоставляю в ваше распоряжения все доступные сведения о конклаве Черного Солнца — заклинания, артефакты и прочее.

— Разумеется, я немедленно все передам королю... Как вас известить о решении Конана?

— Вот это уже совсем другой разговор. В случае положительного ответа на третью ночь считая от этой вывесите над хозяйственными воротами тарантийского замка два фонаря с красными стеклами.

— С красными? — фыркнул я. — В королевском замке? По-моему это будет выглядеть неприлично.

Месьор Лерэ понимающе хмыкнул:

— Простите, совсем забыл, у вас в стране совсем другие обычаи и красный фонарь над воротами означает пошлейшую двусмысленность... Хорошо, с синими. Если король откажется — фонарь должен быть один, слюда желтая.

— А потом?

— Потом я сам найду вас, для меня это не составит особых трудностей.

— Понятно. Слушайте, Лерэ... Может быть мой вопрос покажется вам не совсем уместным, или вы не сможете на него ответить, но скажите вот что: вся эта секта, Мэних, фатарены... Для че-

го? Вы же неглупый человек, в учение древнего иранистанского пророка, как я понял, не верите. Для чего это *вам*?

— Это инструмент, — на задумываясь ответил призрак. — Инструмент для достижения, как я уже сказал, определенной цели. Не беспокойтесь, данная цель не затрагивает интересы Трона Льва, все произойдет слишком далеко от ваших рубежей. Жаль только, что мы проявили ненужное рвение и теперь к Черному Солнцу относятся как к опасному еретическому течению...

— Сами виноваты.

— Я этого и не отрицаю. Теперь нам придется исправлять допущенные ошибки. Лично я совершенно не хочу ссориться с вашим королевством и лично с государем Конаном Канах. События последних лет доказали, что раздражать аквилонского льва весьма и весьма чревато. Поверьте, если мы станем действовать совместно, печальные последствия просчетов, как моих личных, так и моих соратников, можно будет относительно безболезненно исправить.

— Значит, все-таки, это заговор, — сказал я, обращаясь более к самому себе. — Политический заговор, выполненный слишком изощренно и необычно. Да, месьор Лерэ, я завидую вашей фантазии.

— Тем и живем, мой дорогой барон... Тем и живем. Сейчас я буду вынужден распрощаться, время позднее. Полагаю, просить вас о скромности и деликатности в этом деле не следует. Если о нашей беседе узнает кто-либо посторонний — я

имею в виду людей, не умеющих держать язык за зубами, — мне и еще нескольким людям, от имени которых я говорю, несдобровать. Конклав магов Черного Солнца сумеет отомстить.

— Не держите меня за дурачка, — обиделся я. — В любом случае все, что вы мне рассказали, я изложу большинству высших управителей Аквилонии.

— Главное — не увлекайтесь, — спокойно ответил месьор Лерэ. — Канцлеру Публио я бы ничего не сказал, старик осмотрителен только в делах, касающихся государственной казны и его собственного кармана. Впрочем, вам виднее, барон. До встречи. Я ухожу. Пока не погаснут последние огни, пожалуйста, не подходите к дальней стене комнаты, может затянуть в Поток, неприятностей не оберетесь...

— Пойдите! — я вытянул руку. — Это ведь магия, верно? Ваш фантом появился здесь благодаря магии, — даже я это почувствовал! Не бойтесь доверять тем, кто устроил ваше явление в Тарантию?

— Не боюсь, — прошелестел исчезающий голос призрака, — даже среди магов встречаются честные люди...

Вновь расцвели бутоны огромных красочных цветов, ворс ковра покрылся инеем, потянуло стылым сквозняком и запахло металлом. Необычный портал сворачивался, уменьшаясь в размерах и спустя четверть квадранса окончательно исчез. Никаких следов недавнего визита в спальную комнате заметно не было.

— Господин барон? — я вздрогнул, услышав голос камердинера. Джигг стоял на пороге. — Надеюсь, с вами все хорошо?

— Митра Всеблагое... — выдохнул я. — Джигг, вы что же, подслушивали?

— Я бы не осмелился, господин барон. Просто у меня весьма чуткий слух.

— И что же различил ваш чуткий слух?

— Беседу с неким таинственным посетителем, господин барон. Позволю себе сказать, что его величество и ее величество доселе не спят, и если вы хотите поделиться с ним впечатлениями о столь содержательном разговоре, то я бы посоветовал вам пройти в рабочий кабинет короля...

— Ох, Джигг, вы демон-искуситель, а не камердинер!

— Как будет угодно господину барону.

— Хорошо, хорошо... Мне надо одеться! Не идти же к Конану и Зенобии в одном исподнем?

— Прикажете подать парадное платье и церемониальное оружие в соответствии с правилами дворцового этикета?

Рвущийся из самых недр души стон я подавил лишь титаническим усилием воли.

— Дайте мой теплый туранский халат и мягкие туфли.

Джигг посмотрел на меня почти с ненавистью.

* * *

— И что вы на все это скажете? — спросил Конан, постучав ногтями по столешнице белого

мрамора. — Есть подозрение, что Халька никто не разыгрывал, все серьезно. Особенно если учитывать сообщение о Пиррофлагалоне, которым заинтересовалось Черное Солнце. На карте, обнаруженной нами в Шамарском герцогстве и прежде принадлежащей фатаренам, четко обозначено местоположение города-святилища, этот самый Лерэ не врал — они действительно ищут средоточие древней магии Ахерона.

— С твоего, Конан, позволения, о магии и древних городах поговорим несколько позже, — сказал герцог Эрде. — Я могу задать барону Юсдалю несколько вопросов? Благодарю... Хальк, ты уверен, что твой визитер говорил с выраженным полуденным акцентом?

— Да. Похоже, он из Офира или Коринфии.

— Коринфия... — процедил король Нимед. — Вечный источник смут! Я так и знал, что это их рук дело! Они давно мечтают избавиться от немедийского владычества и получить статус королевства, неподвассального Трону Дракона! Не удивлюсь, если эта затея была изначально спланирована высшим дворянством Коринфии, жаждущим выйти из-под сени немедийской короны!..

Тут я должен заметить, что Коринфия была включена в состав Немедийской империи на правах протектората около ста пятидесяти лет назад — Трону Дракона было исключительно важно контролировать важнейший участок знаменитой Дороги Королей, идущей на Восход через коринфскую столицу Арелату и далее через Замору в Туран. Арелата стояла на перекрестке самых

крупных торговых путей, от нападения со стороны воинственных кофийцев Коринфию надежно ограждали Карпашские горы, а расквартированные вдоль границы легионы Немедии гарантировали, что все торговые подати и сборы будут поступать в казну Бельверуса.

Нет ничего странного в том, что коринфийцев такое положение дел не устраивало. В прежние времена Коринфия являлась едва ли не единственной страной Заката, где король был лишь символической фигурой, персоной, призванной лишь подписывать указы, изданные советом избираемых дворянством и торговым сословием нобилей.

Города и отдельные провинции тоже управлялись выборными советами, что Коринфию и погубило. Отсутствие сильной центральной власти сыграло на руку немедийцам во время почти молниеносной кампании по захвату этой небольшой страны, нобили не сумели договориться о совместных действиях против врага и вовремя собрать войско. Тогдашний король Немедии Танкред II принял на себя регалии коринфской короны, дворянство смирилось и принесло оммаж новому владыке, но воспоминания о прежних вольностях сохранились и доселе будоражили умы благородного сословия Арелаты.

— У нас с Валентом уже были подозрения насчет одного из первейших дворян Коринфии, герцога Амори Ибелена, — подал голос маркграф Ройл. — Ничего конкретного к сожалению. За исключением того, что Амори настырно перемани-

вал Валента из Мессантии к себе на службу, сулив золотые горы с алмазными ледниками. В нынешних обстоятельствах это не может не вызывать подозрений. Если герцог Ибелен как-то связан с Черным Солнцем, рассорившемся со своим магическим конклавом, то он вынужден искать поддержки со стороны прочих магических Орденов, среди которых Орден Равновесия справедливо считается самым... э... самым безобидным, поскольку на служит ни Тьме, ни Свету.

— Похоже, мы ошибались, — кивнул киммериец. — Следы Черного Солнца ведут не в Бельверус, а в Арелату. Насколько я понимаю, наибольшее распространение ересь получила именно в Коринфском протекторате? Рисунок получается прелюбопытный: тот хмырь, который заявился к Хальку, утверждал, будто ставит перед собой исключительно политические цели, для достижения которых был избран настолько оригинальный способ... Морадин, Нимед, Ринга, похоже у вас крупные неприятности!

— Нам не привыкать, — мрачно пошутила герцогиня Эрде. — Действительно, весьма похоже, что все нити заговора увязаны на Арелату. Руку даю не отсечение — они готовят мятеж и отделение протектората от Немедии. Мало того, аппетиты Черного Солнца распространились и на другие области Полудня — хотят создать свою империю. Причем, если подходить с чисто прагматической точки зрения, новое государство фатаренов будет контролировать все до единого торговые пути между Полуночью и Полуднем,

включая половину Дороги Королей, а это уже не шуточки. Понимаете, какие у них запросы?

Морадин только головой покачал:

— Если отбросить ширму, которой прикрываются заговорщики — я имею в виду религиозное учение Мэниха — то получается, что мы столкнулись с исключительно продуманным планом по отделению от Немедии и Аквилонии важнейших провинций. Не спорю, у Черного Солнца были недочеты — взять хоть историю с их магическим конклавом, но исполнено все равно красиво! Власти наших стран обеспокоены прежде всего распространением ереси, не видя за этим главного! Клянусь, тому, кто это придумал, я бы золотой конный памятник поставил! За изобретательность.

— Дорогой герцог, эмоциями и установкой монументов делу не поможешь, — вмешался барон Гленнор. — Скоро рассветет, а мы еще не решили, как поступить. Похоже, действовать придется сразу в нескольких направлениях. И, что самое главное, мы обязаны выработать план противодействия Черному Солнцу до наступления зимы. Боюсь, открытое выступление заговорщиков спланировано именно на зиму — я не исключаю, что гость месьора Халька рассчитывал не только избавиться от своих колдунов с помощью аквилонцев, но и тем самым отвлечь наше внимание от некоего другого события, обязанного произойти примерно в то время, когда маги Черного Солнца должны собраться в городе-святилище кхарийцев.

— Можно счесть нас слишком подозрительными, но я склонен поддержать барона Гленнора, — отозвался Мораддин. — В этой истории доселе слишком много непонятого. Так или иначе, нам придется одновременно противостоять магическому конклаву, напору со стороны проповедников-фатаренов в полуденных провинциях обоих королевств и возможной военной угрозе. Дело найдется каждому...

* * *

Я вернулся в свои покои только после восхода тусклого осеннего солнца. К этому времени высокое собрание разошлось: Рэльтонн, на сей раз без моей помощи, отправил гостей по домам и раскланялся — ему следовало возвращаться в Бритунию. Недовольный всем сущим (а королем особенно) жрец Хродомер уехал в портпезе в свою резиденцию при главном храме Тарантии. Тотлант и Веллан отправились спать, а я, забрав пергаменты с записями, побрел наверх, к библиотеке.

— Хальк, не торопись! — послышался с лестничного пролета возглас Конана. Стоявшие в коридоре Алые Кирасиры замерли, ровно статуи — король все-таки! — У тебя найдется что-нибудь перекусить? Не хочу гонять своих камер-лакеев на кухню!

— Джигг — человек запасливый, — ответил я, дожидаясь быстро поднимавшегося по лестнице киммерийца. — Он наверняка приготовил завтрак, все-таки мы целую ночь сидели...

Так и есть: камердинер встретил нас на пороге и величественным жестом указал в сторону трапезной комнаты, где уже был сервирован стол, причем на двоих. Не понимаю, откуда у Джигга столь невероятное чутье — такое впечатление, что он всегда точно знает, когда именно и вместе с каким количеством гостей я приду. Не иначе, какая-то особенная магия камердинеров!

— Ну и что ты скажешь, Хальк? — проворчал варвар, самостоятельно налив себе вина и взгромоздив на серебряную тарелку изрядный ломоть свиной грудинки в остром соусе. — Думаешь, мы справимся?

— Откровенно говоря, все оговоренные планы смахивают на абсолютно провальную авантюру, — безжалостно ответил я. — Похоже, в данном положении наши старые и привычные приемы в виде отчаянной наглости и нахрапистости скорее всего не сработают. Черным Солнцем правяют отнюдь не круглые идиоты.

— Это точно, — согласился Конан. — Однако, наша сила в необычности и нетривиальности решений. Пойми, мне не очень хочется усмирять Пуантен огнем и мечом, тем более, что подданным Просперо я обязан короной. Прав был Гленнор, умная голова — надо взорвать Черное Солнце изнутри. Натравить этих скотов друг на друга, и тогда скорпионы пожрут самое себя. Как полагаешь, ты со своей миссией справишься?

Я ответил далеко не сразу. Во-первых, Хальк Юсдаль вовсе не является выдающимся мастером интриги и магистром благородного искусства

плаща и кинжала. В конце концов, я никогда не обучался сомнительным наукам, коими владеют подчиненные барона Гленнора или Мораддина Эрде. Во-вторых, при всей моей тяге к новым впечатлениям я не слишком восторгаюсь идеей сопричаститься тайн Черного Солнца напрямую. И в-третьих, мне абсолютно не хочется покидать Тарантию в эти беспокойные времена...

Впрочем, у меня будут неплохие помощники, и это добавляет оптимизма.

— Рэльгонн переправит вас в Арелату через пять дней, — преспокойно говорил Конан. — Уверен, месьор Лерэ тебя незамедлительно отыщет. Ну а затем...

— Затем они благополучно раскроют, с какой целью я прибыл в логовище Черного Солнца и принесут в жертву какой-нибудь Вековечной Тьме на Черном Алтаре Зла, — съязвил я. — Только ты у нас способен всегда выпутываться из подобных историй. Сколько раз тебя приносили в жертву Сету всяко-разные злые маги вроде нашего старого дружка Тот-Амона?

— Ты о чем? — не понял Конан. — Не было никогда ничего подобного...

— Ври больше! Гай Петрониус в сочинениях о твоей молодости уверяет, что Конана Канах приносили в жертву Сету чуть не ежедневно, причем ты в самый последний момент ухитрялся перебить всех жрецов, отобрать у них сокровища, а заодно спасти какую-нибудь грудастую красотку!

— Если однажды этот пройдоха Гай Петрониус попадется мне на глаза — лично посажу на

кол, — недовольно отозвался киммериец. — Эта скотина распространяет про меня нелепые рукописные рассказы уже восьмой год и ему все сходит с рук!.. Ты, Хальк, можешь не беспокоиться — тебя будут прикрывать настоящие волки, один граф Кертис чего стоит! Признаться, мне не слишком хочется опускаться в Арелату Валента, но ничего не поделаешь — в данный момент маг будет нужнее там. Когда придет время, Рэльгонн доставит Валента обратно в Аквилонию.

— Надеюсь, я могу взять с собой Джигга? Сам помнишь, он отлично показал себя в замке Ройл, когда мы сцепились с демоном-ревенантом. Джигг может пригодиться.

— Никаких возражений. В крайнем случае, если миссия будет провалена, Рэльгонн сумеет вас вытащить. А мы с Тотлантом, Просперо и настоятелем Домеником в это время будем действовать в Аквилонии. Кстати, о Доменике. Я тут принял одно важное решение...

— Какое? — осторожно спросил я, ибо Конан сказал эти слова таким тоном, что у меня мурашки по коже побежали.

— Я разрешу его ордену действовать на территории Аквилонии, это первое. И второе: в пользу ордена Вечного Солнца указом короля будет конфискована половина богатств аквилонских храмов. Подозреваю, что Доменик и его братья распорядятся ими с умом. Пора прижать хвост нашим жрецам!

— Нич-чего себе... — присвистнул я и от удивления расплескал вино. — Ты понимаешь, что с

этого момента ты станешь первым врагом Хродомера и его разжиревшей банды? Они начнут проклинять тебя на каждом углу!

— А Доменик наоборот — будет славословить. Терпеть не могу это поганое словечко — «реформы», однако сейчас без них не обойтись. А с возможными трудностями мы наверняка быстро справимся. В крайнем случае Хродомер и при-
сные моментом переселятся в уютные подвалы поместья барона Гленнора — закон об оскорблении величества еще никто не отменял. Ладно, пойду я, вздремну до полудня... Ох, Хальк, интересное дело нам предстоит, даже приятно становится!

Если киммерийцу было «приятно», то я испытывал чувства прямо противоположные. План барона Гленнора и герцога Эрде уже не казался мне заманчивым и безупречным...

4. Первый рассказ графа Кертиса

Отдыхаем на водах

30 день второй осенней луны 1296 г.
Арелата, Коринфия

Вместо того, чтобы тратить время на долгие описания городка, в котором мы сейчас пребываем, я приведу здесь выдержку из масштабного труда Орибазия Достопочтенного, известного среди библиографов под названием «Сумма описаний градов и крепостей Закатных королевств с подробным повествованием о их расположении, достопримечательностях и нравах людей, оные грады населяющих».

«...Арелата, престольный город Коринфийского королевства, изрядно живописен, чем выгодно отличается от прочих здешних поселений, обычно пыльных и унылых.

Главнейшей особенностью Арелаты является полное отсутствие любых укреплений, способных защитить город от нашествия врага. Лишь в са-

мой середине города возвышается древний замок, каковой является резиденцией здешнего государя, но замок сей более походит на пышный дворец с бесчисленными башенками и галереями, ажурными украшениями и флюгерами на черепичных крышах. Королевское обиталище не окружено рвом, подъемного моста и бастионов так же не имеет, а с точки зрения фортификационной науки интереса не представляет.

Сам город расположен в широкой долине, на пологих склонах отрогов Карпашского хребта, протянувшегося на тысячу триста лиг с Заката на Восход.

Водой Арелату питают четыре горных речки и удивительные подземные источники, исторгающие кислую и насыщенную пузырьками воду, издревле признанную целебной и оказывающей благоприятное действие на многочисленные недуги, а в особенности на скорби желудочные. Окрестности столицы украшаются пышными кипарисовыми рощами и фруктовыми садами, круглый год поставляющими на столы коринфийцев изумительные дары природы и знаменитыми виноградниками — пьянящие соки коринфской лозы ценятся в странах Полудни едва ли не наравне с драгоценными нектарами Либнума.

Народ здесь весел и приветлив, отличен загорелой кожей и крепким сложением, невоинствен, хотя и вспыльчив — горячность нрава, равно как и быстрая отходчивость, по моим наблюдениям присуща большинству обитателей Полуденных стран. Живет в Арелате не более десяти тысяч го-

рожан, однако по здешним меркам город считается весьма крупным, а равно и благородным, поскольку многие семьи достойнейших дворян и богатых купцов предпочитают владеть домами в столице, переселяясь в загородные замки и поместья лишь в жаркие летние дни.

Зима, впрочем, здесь отлична от привычных нам холодов Аквилонии. Снег в Арелате выпадает исключительно редко и считается едва ли не чудом, зимой обычно идут продолжительные дожди, сменяемые днями мягкой солнечной погоды. Знающие люди утверждают, что Арелата особенно привлекательна осенью, когда спадает жара, а сезон дождей еще не наступил...»

В целом, из процитированного мною отрывка вы можете составить довольно ясное представление о городке, в котором нашей теплой компании предстояло провести довольно продолжительное время. Это, конечно, не величественная Тарантия, но жить здесь можно — я всегда любил когда по утрам на улицах пахнет свежеспеченным хлебом, мне нравилось слышать перезвон колокольчиков на ошейниках коров, которых гонят за город на выпас... Сушая романтика.

В таком очаровательном захолустье можно отлично отдохнуть от трудов, заняться стихосложением или на худой конец завести пылкий роман с одной из здешних красоток, но увы — мы прибыли в Арелату работать.

Наверное, это первый случай в моей жизни, когда я не получил от обожаемого начальства в лице барона Гленнора четкого задания. Его ми-

лость препоручил мне лишь «приглаживать за событиями» да оберегать Халька Юсдаля, который, по большому счету, уже давно не ребенок и может сам за собой приглядеть. А уж если брать в расчет его камердинера Джигга, оберегающего хозяина не хуже, чем наседка цыплят, то беспокоиться о судьбе месьора тайного советника и вовсе не стоит.

В тот вечер, когда мы отправлялись в Коринфию, Гленнор намекнул, то необходимые инструкции я получу позже, а пока могу благополучно греться под бархатным солнцем Полудня, наблюдать за жизнью в Арелате и делать выводы. Какие именно выводы — и дураку понятно: этот коринфийский город ныне является главным прибежищем фатаренов, их непризнанной столицей. Мы же были обязаны взглянуть на жизнь Арелаты изнутри — и действовать по обстоятельствам.

В настоящий момент ничего особенного не происходило. Мы не чувствовали на себе постороннего внимания, а призрачные гости наподобие посетившего Халька месьора Лерэ не навевались, что было довольно странно — как и просил ночной визитер мы вывесили над воротами замка короны затянутые синей слюдой фонари еще несколько дней назад, до запланированного отбытия в Арелату, однако этот знак был либо игнорирован, либо известие о нашем согласии играть вместе с Лерэ против магов Черного Солнца еще не дошло до адресата.

Валент Мессантийский и Тотлант из Луксура,

наши досточтимые волшебники, рассудили, что если уж использованная месьором Лерэ магия позволила отыскать Халька в Тарантии, то в Арелате его найдут и подавно. Посему барон Юсдаль с чистой совестью отправился в Коринфию и стал ждать. Мы ждали вместе с ним.

Под емким словом «мы» я подразумеваю самого себя — графа Эгана Кертиса, начальствующего в Латеране над столом безопасности королевства, Гвайнарда из Гандерланда, профессионального охотника на чудовищ и Валента из Мессантии, главу конклава магического Ордена Алого Пламени Равновесия. Гленнор предположил, что именно в таком составе — шпион, Ночной Страж, маг и летописец-библиотекарь — мы добьемся наилучших результатов и не вызовем излишней заинтересованности коринфийцев.

Кроме того, я и Гвайнард весьма неплохо владели клинками, Валент являлся сильным волшебником, а месьор Хальк был вооружен длинным и острым языком, а заодно и необычным складом ума — барон Юсдаль умел находить оригинальный и неожиданный выход из самых затруднительных ситуаций, это Гленнор отлично знал. Достаточно вспомнить, что восемь лет назад именно Хальку пришла в голову блестящая мысль утопить подземное чудовище, исторгавшее ставший ныне почти сказочным Зеленый Огонь.

Да, совсем забыл упомянуть пятого члена нашей маленькой шайки конфиденентов-шпионов-соглядатаев на жаловании аквилонской короны.

Джигг. Личный камердинер ихней пергаментной милости барона Юсдаля. Я, в неведении своем, полагал, что легендарная порода «идеальных слуг» давным-давно вымерла, наподобие многих древних народов, но действительность решительно опровергла мои домыслы.

Насколько я понял, Хальк переманил Джигга у маркграфа Ройла, а уж где Ройл откопал это сокровище — одному Митре известно. Сразу после прибытия в Арелату Джигг счел себя обязанным заботиться обо всех нас и, уж поверьте бывалому придворному, один стоил целой сотни самых вышколенных тарантийских лакеев и как минимум десятка великолепно обученных конфиденентов Латераны. Впрочем, о чудесах Джигга мы поговорим немного позже.

...Наше положение в Арелате было осложнено тем, что в соответствии с планом мы не имели права входить в любые сношения с работающими в Коринфии агентами аквилонской тайной службы, а уж тем более, с подчиненными герцога Мораддина — это может вызвать подозрения и преждевременное раскрытие наших замыслов. Вполне естественно, что я сам, Хальк и Валент выступали под чужими именами, только Гвайнард Гандерландский и Джигг остались сами собой. Мы же выглядели как маленькая компания скучающих дворян-путешественников с Полуночи Аквилонии, прибывших в благодатную Коринфию переждать суровую северную зиму и оценить свойства здешних целебных вод. Хальку немедленно развил идею и внес свои штрихи в

этот спектакль — Валент Мессантийский выступал при особе захворавшего барона Лингена (так теперь именовали королевского библиотекаря) в качестве личного лекаря.

Несколько дней назад незаменяемый Рэальгонн переправил нас в окрестности Арелаты (что характерно, упырь сумел доставить в Коринфию даже наших лошадей!), сказал, что будет нас навещать и доставлять новости, а потом растворился в воздухе, нырнув в Ничто. Разумеется при нас имелся полный набор самых настоящих подорожных, дворянских грамот и рекомендательных писем — печати аквилонской государственной канцелярии и дорожной управы не могли вызвать ни малейшего подозрения, Латерана привыкла работать с документами чисто и добросовестно.

В Арелату мы въехали с рассветом, изрядно подивившись отсутствию городских ворот или хотя бы самой простенькой заставы стражи, быстро отыскали отличный постоялый двор «для благородных» и начали обживать на новом месте. Теперь нам оставалось томиться в ожидании, тратить золото, коим нас щедро снабдил казначей Латераны и едва ли не ведрами потреблять целебную воду с пузырьками, источник которой находился прямоком во дворе нашей гостиницы, гордо именовавшейся «Горный орел».

Да, забыл сказать самое главное. Если месьор Лерэ все-таки объявится, то Хальку приказано вести с ним переговоры от имени Конана, в качестве наделенного самыми широкими полномо-

чиями личного представителя аквилонского монарха.

Вот такие дела.

* * *

— Как почивалось? — я, неслышно подойдя сзади, заставил Халька слегка вздрогнуть. Барон восседал в плетеном из ивовых прутьев кресле под сенью росших во дворе апельсиновых деревьев и попивал из тонкостенного бокала некую странную жидкость неопределенно-розового цвета. — Видения ночью не посещали?

— К сожалению нет, только Рэльгонн заглянул, коринфийского вина отведать да посплетничать, — вздохнул Хальк, облаченный лишь в тонкие шоссы и легкую шелковую тунику с гербом баронов Линген. Вроде бы сейчас глубокая осень, а в Арелате даже ранним утром очень тепло. — Хочешь попробовать? Джигг посоветовал, сказал что очень вкусно и полезно.

Я взял кубок, понюхал содержимое и чуть пригубил.

— Фу, гадость какая... Что это?

— Смешал густое сладкое вино и воду из источника, — Хальк указал на журчащий мраморный фонтанчик, расположившийся прямо посередине обширного двора. — Необычный вкус...

— Мерзкий вкус, — отозвался я, усаживаясь в соседнее кресло, коих для отдыха постояльцев хозяин «Орла» в избытке расставил возле деревьев. — А где остальные?

— Валент отправился гулять по городу, а Гвай и Джигг сказали, будто у них какое-то важное дело и появятся они только к девятому колоколу. Ничего не понимаю...

— А что тут понимать? В отличие от нас с тобой они пытаются хоть что-то разнюхать. Давай сделаем вот что: пока не проснулись прочие постояльцы, поделимся друг с другом первыми впечатлениями от этого странного городишки. Может быть, мы упустили нечто важное?

— Город как город, — пожал плечами барон Юсдаль. — Красивый, старинный. Вроде бы жизнь здесь течет как и везде, на башне замка знамя немедийского наместника, на улицах порядок и чистота, цены с нашими не сравнить — все дешево!

— Ты только что говорил о колоколах, — подсказал я. — Не уверен, что Гвайнард и Джигг смогут вернуться вовремя.

— Согласен, — уныло кивнул Хальк. — Не звонят в Арелате колокола. Все до единого митрианские храмы закрыты, кроме часовни при замке Великого Протектора — уступка требованиям Трона Льва. Как думаешь, где фатарены проводят свои обряды?

— Не знаю... Возможно, на природе? Думаю, мы скоро это выясним. Заметь, простые горожане, ремесленники, живут вполне благополучно, никто не бросает свои лавки или мастерские и не идет нищенствовать, да и бродяг-оборванцев в городе я не видел. Все это несколько отличается от привычной картины в других городах, обуянных фатаренской ересью.

— Момент! — библиотекарь быстро выпрямился и искоса взглянул на меня. — Отличается от картины не в «других», а в *аквилонских и немедийских* городах. Чувствуешь разницу? В разных странах проповедь учения Мэниха приводит к разным результатам. Если, как мы и полагаем, вотчиной Черного Солнца является Коринфия, то зачем руководителям секты разрушать собственную страну и плодить в ней орды отрекшихся от мирских и плотских благ нищевродов? Гораздо проще ослабить своими проповедями соседей, у которых под шумок можно оттяпать земли...

— Логично, — согласился я. — Нам надо участвовать хотя бы в одном фатаренском бдении здесь, в Арелате. Стоит послушать, что говорят вдохновители и проповедники этой странной веры.

— Сделаем вид, будто мы интересуемся словами пророка Мэниха, попросим хозяина постоялого двора познакомить нас со жрецами фатаренов, — немедленно начал строить планы барон Юсдаль. — Мы аквилонцы, и в этом есть преимущество. Я заметил, что местные доверяют нам гораздо больше, чем подданным Немедии. Наверное, получится.

— Возможно...

Хальк помолчал, отхлебнул из бокала своего кисло-сладкого пойла, пожевал губами и тихо произнес:

— Знаешь, что мне больше всего не нравится? Слишком уж здесь... благостно. Тишина, спокойствие, птички поют, апельсины зреют. Ничто не

вызывает никаких подозрений. Митрианские святилища пустуют? И что из того? В Немедии, уж извините, свобода вероисповедания, клади тебе хоть Митре, хоть Белу с Затхом или вообще какому-нибудь Кугуюме — тебя никто попрекать не станет. На фоне бурных событий у нас в Пуантене или в полуденных провинциях Трона Льва это выглядит исключительно странно. словно затишье перед бурей.

— Изнаночная жизнь, — повторил я слова барона Гленнора. — Двойное дно, так сказать. Арелата является лицом Коринфии, по положению в столице протектората неопытные или невнимательные наблюдатели могут сделать неверный вывод о общем положении дел в государстве. Как тебе такое предложение: нанести визиты вежливости окрестным дворянам? В их загородные замки? Почему бы представителям благородного сословия Аквилонии не познакомиться с не менее благородными обитателями Коринфии? Может, чего выясним... Убежден, истинная, не прикрытая завесой жизнь этой страны течет где угодно, но только не в столице. Я, кстати, вчера познакомился с одним местным бароном, он приглашал в гости.

— Подумаем, — буркнул Хальк. — А, вот и они!

Хлопнула калитка, выводящая со двора «Горного Орла» на улицу и нашим очам предстал месьор Гвайнард за которым поспешал Джигг.

— С утречком, — поприветствовал нас бравый охотник на чудовищ. — Я-то думал, вы еще дрыхнете, господа дворяне. Есть новости.

— Плохие или хорошие? — безразлично поинтересовался Хальк.

— Плохие.

— Наконец-то! — в тусклых глазах тайного советника тотчас замерцал любопытный огонек. — Что вы раскопали?

— К сожалению, господин барон, это долго излагать, — ответил за Гвайнарда Джигг. — Если вы соблагоизволите одеться для прогулки, то сможете услышать все известия из первых уст.

Я непонимающе уставился на Гвая и тот коротко объяснил:

— Встретил здешних Ночных Стражей, отряд как раз находится в Арелате... Такого нарасказывали — волосы шевелятся. Собирайтесь побыстрее, вы должны это услышать!

— Валента ждать не будем, — решил я. — Потом все ему объясним. Хальк, чего развалился, вставай! Джигг, оденьте вашего хозяина скромно, но в соответствии с приличиями и титулом... Гвай, куда надо идти?

— Здесь недалеко, четыре квартала. Таверна «Бык и волк», они там остановились на два дня.

— Ясно, лошадей седлать не надо. Собираемся здесь через квадранс! Хальк, да шевелись же!

* * *

Барон Юсдаль наверняка уже успел рассказать, что гильдия Ночной Стражи представляет собой накрепко сплоченное братство отчаянных сорвиголов, избравших своим ремеслом истребле-

ние как сохранившейся с древнейших времен нечисти и нежити, так и чудовищ-хищников из плоти и крови. Мы в Латеране следим за деятельностью Стражей и лишь диву даемся, как немногочисленное сообщество охотников за монстрами успевает разрешить множество проблем, связанных с появлением опасных для человека существ во всех странах Заката, отчасти в Туране и карликовых королевствах побережья Вилайета.

Каждый охотник для собрата по ремеслу роднее единокровного и единоутробного брата, ибо не будь в рядах Стражи непреложного закона взаимовыручки и верности своим соратникам, гильдия не просуществовала бы тысячу триста лет. Паршивые овцы, конечно, встречаются, но это случается куда реже чем можно себе представить — не обладая нужными качествами долго в рядах гильдии не продержишься — или погибнешь, или тебя настоятельно попросят уйти из отряда.

Сколько всего ватаг Ночных Стражей действует по нашу сторону Кезанкийских гор в точности известно только Хранителям — верховным руководителям древней гильдии. Ночные Стражи никогда и ни под каким видом не вмешиваются в политику или дела купеческие, получают за свои труды столько, сколько может заплатить обратившийся к охотникам за помощью человек (обычно это немалые деньги) и свято блюдут свой Кодекс, созданный еще во времена Эпимитриуса, и, как утверждают, при деятельном участии святого.

Насколько я знаю, между отрядами и Хранителями постоянно поддерживается связь — соколиная или голубиная почта, магия, гонцы. Посему, если однажды придется мобилизовать все силы Ночной Стражи для отпора чему-нибудь совсем жуткому и непобедимому, гильдия сможет выставить небольшое, но исключительно боеспособное войско, вооруженное накопленными за столетия знаниями и опытом, а заодно и волшебством — во многих отрядах ходят волшебники, полагающие это опасное ремесло более чем достойным для магика. Кроме того, Ночную Стражу открыто поддерживают магические ордена Равновесия и Золотого Лотоса — последний возглавляется известным волшебником, Пелиасом из Кофа.

Благодаря отлаженному веками механизму и умелому управлению со стороны Хранителей, коих избирают из числа самых опытных и уважаемых Стражей, отряды охотников направляются туда, где они наиболее нужны. Вспомним хотя бы разгул нечисти, вылезшей из пиктских лесов во время противостояния на Черной реке восемь лет назад — вождь пиктов и могучий колдун Зогар Саг в средствах не стеснялся. Только благодаря собравшимся со всей Аквилонии Ночным Стражам удалось очистить Боссонию и Тауран от крайне неприятных существ, прорвавшихся в наш мир волею Зогар Сага и его подручных. Между прочим, зимой 1289 года новый государь Трона Льва, более известный под именем Конан Канах, личным указом даровал всем аквилон-

ским охотникам статус «людей короля», то есть принял гильдию под покровительство высокой короны. Полагаю, он это сделал не только от благодарности за работу Стражей, но и в память о своих собственных похождениях в отряде Гвайнарда из Гандерланда летом-осенью 1285 года.

...Отряд, с которым мы повстречались в Арелате был на удивление немногочислен — всего-то шесть человек. Пятеро коринфийцев и один офицер по имени Витарий из Ианты — он как раз командовал ватагой. С ним мы и разговаривали. Прочие охотники, соблюдая неписанные правила субординации, в беседу не вмешивались и спокойно поглощали вино за соседним столом в мрачноватой обеденной зале скромной маленькой таверны.

Витарий оказался длинным, почти в рост Конана, человеком средних лет, с чернящими глазами и узловатыми волосатыми лапищами, покрытыми белесыми шрамами. По-аквилонски он говорил очень плохо, словно сыра в рот набрав, потому разговор пришлось вести на более-менее известном всем остальным офирском наречии.

Гвай нас представил (само собой назвав вымышленные имена, ибо раскрывать инкогнито даже перед Ночными Стражами было небезопасно), пригласил садиться и отведать молодого вина. Сказал:

— Хранители сообщили Витария, что мы можем появиться в Арелате. Ему приказано оказывать нам любое возможное содействие, но, думаю, мы справимся сами.

— Лучше, если бы справились, — сочным басом отозвался Витарий. — работы неспорно. Демоны зеленые, пять лет трудились без потерь, а с конца лета двоих охотников похоронил. Конечно, приказ Хранителей оспаривать никто не будет, пусть я и не совсем понимаю, кто вы такие. Из наших тут только Гвайнард, мы раньше несколько раз виделись. Да и амулет у него приметный — сам Пелиас делал, охранной магией так и дышит...

Я невольно взглянул на грудь нашего охотника. На серебряной цепочке висел небольшой, с ноготь большого пальца, оберег в виде волчьей головы, окруженной испещренным рунами кольцом. Никогда бы не подумал, что на эту простенькую вещицу может быть наложено заклятие самого известного светлого мага Закатного материка.

— Мы приехали разобраться, что происходит в Коринфии, — сказал Хальк. Помедлил и добавил: — По приказу короля Конана Аквилонского.

— Бесовство сплошное тут происходит, — проворчал Витарий. — Я уже попросил Хранителей прислать два-три крупных отряда нам в содействие, иначе совсем плохо будет.

— Можно подробнее? — вежливо попросил я. — Пойми, если мы не будем знать подробностей, то не сможем помочь.

— Чем, ваша милость, помогать собираетесь? Или магией владеете? Да не простой, а такой, которая кхарийскую нечисть, будь она трижды неладна, обратно в Черную Бездну загонит?

— С нами в Арелату прибыл глава конклава Равновесия, Валент из Мессантии, — Витарий явно нам не доверял или считал бесполезными болтунами, так что пришлось рискнуть и выложить на стол самый крупный козырь. — Если потребуется, он поддержит вас в любом деле.

Витарий мельком взглянул на Гвайнарда. Тот утвердительно кивнул, свидетельствуя, что я сказал правду. Охотник слегка подобрел.

— Дело другое... В общем, жизнь в здешних местах за последний год изменилась далеко не в лучшую сторону. Раз уж подробности узнать захотелось — слушайте...

* * *

Ночью в карпашских предгорьях даже красивее, чем днем. Воздух чистейший, рассыпанные по небесной сфере звезды кажутся невероятно огромными — можно протянуть руку и коснуться одной из них, а то и просто сорвать с небес и сунуть в кошелек. Когда из-за горной цепи выползла луна, вершины кипарисов окрасились в призрачное серебро с голубоватым оттенком, появились глубокие черные тени, засияли холодные бриллиантовые блески на далеких ледниках, покрывающих самые высокие пики. В столь романтическое время впору назначать свидания и гулять с возлюбленной под луной, а вовсе не сидеть в засаде, незнамо кого выслеживая.

Если вы хотите спросить, что я здесь делаю — с удовольствием отвечу. Я упрямый Гвайнард и

Витария взять меня с собой на охоту. Дело в том, что после продолжительного разговора в таверне «Бык и волк» офицер попросил Гвая пособить — якобы в окрестностях Арелаты появилась некая неизвестная чуда, как и полагается, весьма противная обликом и донельзя опасная. Кметы барона Астера, чей замок стоял всего в четырех лигах от столицы, нажаловались Ночной Страже на появляющегося после заката солнца невиданного зверя, который «летает по воздуху» и нападает на людей, неосторожно вышедших вечером из дома.

— Я осматривал трупы пострадавших, — сказал нам Витарий. — Признаюсь честно, никогда не встречал ничего подобного. Исключительно необычный монстр. Пришлось идти в библиотеку великого протектора, копаться в бестиариях и книгах по демонологии, но описаний чего-либо похожего я в книгах не нашел.

— Как выглядит зверь? — немедленно заинтересовался Гвайнард.

— В том-то и дело, что разгадать его в подробностях никому не удалось. Деревенские утверждают, что существо похоже на круглое облачко диаметром в три-четыре локтя, летящее на высоте человеческого роста. Оно появляется возле крестьянских домов, каким-то образом умерщвляет жертву на расстоянии, потом приближается к трупу и высасывает мозг.

— Чего-чего? — вздернул брови Гвай. — Мозг? Каким образом?

— В черепах погибших, на лбу или на затылке, мы видели небольшие отверстия, — недоволь-

но сказал Витарий. — Дырки словно бы толстой иглой проделали. Пришлось позвать из замка баронского лекаря, он вскрыл один из черепов... Внутри — пусто. Отверстие появилось после удара длинным и скорее всего полым шипом, вроде здоровенного комариного хоботка. Гвай, ты встречался когда-нибудь с подобной гадостью?

— Не могу припомнить, — растерянно пожал плечам Гвайнард. — Не похоже ни на одного из вампиров... Некоторые демоны-зомби питаются человеческим мозгом, но я никогда не слышал, чтобы зомби летали по воздуху, только такого удовольствия нам не хватало... Зверь появляется часто?

— Почти каждую ночь, — угрюмо ответил Витарий. — И только в окрестностях замка Астер. За четыре седмицы — двадцать восемь трупов.

— Сильно, — кивнул Гвай. — И что же, вы так и не смогли его выследить?

— Не успевали... Однако, в действиях летучего зверя есть своя система. Он нападает только на жителей трех деревень, причем два раза подряд в одном и том же поселке не появляется. Все погибшие жили в крайних домах и только на полуночных окраинах деревень. Тварюга убивает за ночь лишь одного человека и мгновенно улетает, вероятно ее логово находится в окрестностях, совсем неподалеку. Следов зверь не оставляет. Короче говоря, нынешней ночью он должен появиться возле хутора Тарн — судя по тому, что вчера и третьего дня зверь охотился в двух других деревнях. Этот ваш волшебник, Валент, нам

бы очень пригодился — я убежден, что монстр обладает некоей неизвестной нам магией...

— Полагаю, Валент не откажет, — не раздумывая ответил Гвайнард. — Я тоже с вами отправлюсь, благо кое-какой опыт в ночной охоте давно имею, оружие и все необходимые снадобья у меня с собой.

— Возьмете с собой? — не знаю, какой демон потянул меня за язык, но очень уж мне хотелось посмотреть, как работают знаменитые охотники на монстров.

Витарий глянул на меня неодобрительно — ему совершенно не хотелось во время охоты приглядывать еще и за любопытным аквилонским дворянином, не имеющим никакого опыта в ремесле Ночной Стражи. Однако, меня неожиданно поддержал Гвай:

— Возьмем, возьмем... — наш охотник повернулся к офицеру и доверительно сказал: — Его милость владеет оружием не хуже, а может и лучше, чем каждый из нас. Да и в прочих особенных науках разбирается.

— Особенности науки, говоришь? — понимающе протянул Витарий и посмотрел на меня с интересом. — Такие, каким в во всяческих интересных столичных департаментах обучают? Впрочем, это не мое дело — если Гвайнард за тебя поручился, никаких возражений.

— А... — заикнулся было Хальк, но мгновенно получил громовое «Нет!» одновременно от меня, Джигга и Гвайнарда.

— Господин барон будет благополучно отды-

хоть в «Горном орле», попить целебные воды и ждать гостей, — добавил я. — Джигг, проследите, чтобы ваш хозяин не покидал пределов постоянного двора после наступления сумерек.

— Как будет угодно вашей милости... — охотно пообещал камердинер, не обращая внимания на яростный взгляд Халька. — Вас ждать к завтраку?

— Безусловно...

Мы вернулись на свой постоянный двор, дождались Валента, доселе праздно гулявшего по Арелате, объяснили магу, что грядущей ночью нам предстоит поучаствовать в серьезном деле, а когда солнце начало клониться к горизонту, забрали лошадей из конюшни и отправились к дальней окраине города, где, возле первого путевого столба ведущего в Бельверус тракта нас уже дожидались охотники Витария. Надувшийся Хальк даже не пожелал нам удачи — обиделся.

Окрестностей замка Астер мы достигли быстро — скала, на которой угнездилась крепостишка поднималась в полутора лигах к полуденному закату. Остановив лошадь на вершине холма, Витарий вытянул руку и указал на поднимавшиеся к небу тонкие голубые дымки.

— Хутор Тарн. Семнадцать домов, живет там чуть больше сотни фригольдеров, то есть свободных кметов, арендующих земли у здешнего барона. Видите шатры чуть левее? Это лагерь поденщиков, они работают на уборке винограда — еще человек сорок. Засаду устроим в полустадии от деревенского тына, со стороны полуночи. Гвай,

возьмешь под свою команду трех моих охламонов, встанете ближе к деревне, возле лимонных деревьев. Мы останемся на возвышении, в сотне шагов от вас — нужен хороший обзор. Всем и каждому — выпить декокт, усиливающий сумеречное зрение.

— Мне это не нужно, — подал голос Валент. — Магия, знаете ли, куда надежнее любых снадобий Ночной Стражи...

— Как будет угодно почтеннейшему волшебнику, — не стал возражать Витарий. — Поехали!

— Один момент, — поднял руку Гвайнард. — Витарий, есть одно предложение. У моего отряда в Райдорском герцогстве есть замечательный помощник, он может нам пригодиться.

— И как ты его прямо сейчас доставишь из Бритунии? — усмехнулся офирец.

— Он сам себя доставит. Это каттакан.

— А, конечно... — чуть поразмыслив кивнул Витарий. — Наслышан. О вашем вампире среди Ночной Стражи самые настоящие легенды ходят. Завидую я тебе Гвай, ухитрился заполучить в отряд настоящего броллайхэн и даже каттакана! Как ты предупредишь упыря?

— Нет ничего проще...

Гвайнард сунул ладонь в споран, извлек оттуда коробочку, усеянную крошечными голубыми квадратиками и слегка коснулся ногтем нескольких из них. Шкатулка издала пищаний звук, а охотник, отвечая на наши вопросительные взгляды, пояснил:

— Рэльгонн подарил мне этот механизм лет

десять назад. Полезная вещица, позволяет мгновенно связаться с упырем, где бы он не находился. Каттаканы привезли эти штуковины из своего мира.

— Волшебство? — заинтересовался Валент, заглядывая через плечо Гвайнарда.

— Нет. Я же сказал — механизм, машина. Представления не имею, как она работает, но вещь надежная. Погодите-ка...

Шкатулка снова пискнула, а на маленьком зеркальце, расположенном над квадратиками, вспыхнули несколько незнакомых мне синих иероглифов.

— Все в порядке, — подтвердил Гвай, мельком взглянув на коробочку. — Как только солнце зайдет, Рэльгонн нас отыщет. Поехали, поищем удобное место для засады.

* * *

Давным-давно стемнело, в окнах хуторских домов мерцали тускло-оранжевые свечные огоньки, по небу разлилось лунное зарево. Птицы притихли, тишину нарушали только стрекотание сверчков, редкое взлаивание собак на хуторе, да шум листьев в верхушках деревьев от редких порывов ветра. Становилось прохладно — осень даже в теплой Коринфии брала свое.

— Добрый вечер, — прошептали у меня за спиной и мы Гвайнардом тотчас обернулись. — Звали? Что такого страшного случилось?

В густой тени лимонной рощи посверкивали

две желтые искорки — глаза месьора Рэльгонна. Черная одежда делала упыря почти невидимым, особенно для меня: я отказался пить отвар, позволяющий охотникам видеть в темноте. Кто знает, как он подействует на непривычного человека?

— Привет, — толь же тихо ответил Гвай. Охотники Валента посматривали на упыря заинтересованно, но без всякой боязни. — Надо помочь. У нас возникли трудности.

— Рассказывай...

Гвайнард быстро и четко объяснил, в чем суть проблемы. Рэльгонн выслушал, покивал, и только руками развел:

— Очень странно. Я теряюсь в догадках, чем может быть ваш нынешний противник. Как решили действовать?

Диспозиция была такова: на близлежащем холме засели Витарий, Валент и двое охотников — наблюдали за округой. Когда монстр появится, они подадут сигнал и укажут направление его движения. Затем начинаем действовать мы — Гвай решил атаковать зверюгу залпом посеребренных арбалетных болтов, Ночные Стражи были вооружены тяжелыми самострелами. Кроме того, Валент наложил на тяжелые металлические стержни, заклинания уничтожающие нечисть и способные нейтрализовать или временно блокировать заклятия самого монстра, если таковой владеет магией.

В случае, если арбалеты и серебро окажутся бесполезны, Валент атакует зверя боевой магией, волшебника немедленно поддержит Рэльгонн —

владеющий способностью прыгать через Ничто, упырь попытается отвлечь чуду, пока Ночные Стражи разворачивают сеть из тоже посеребренной стальной проволоки, разорвать которую невозможно даже взбешенному быку.

— ...В крайнем случае я смогу защитить себя, — Рэльгонн покопался в складках своего балахона и показал трубку черного металла с рукоятью, на которой перемигивались синие и желтые огоньки. Я вопрошающе взглянул на Гвайнарда.

— Тоже механика каттаканов, — сказал охотник. — Трубка метает молнии, способные обездвигить или убить практически любое живое существо... Тихо! Слышите?

Согласимся, что для позднего ночного времени щелчки и переливы соловья более чем странны. Как только дивные трели стихли, дважды ухнула выпь и гаркнул ворон.

— Ясненько, — быстро и хищно проговорил Гвайнард. — Витарий сообщает, что они углядели чуду. Двигается мимо холма, направление — полночь-полуночный закат. Приготовились!

Луна светила достаточно ярко, залитое серебристыми лучами пространство между возвышенностью, рощей лимонных деревьев и бревенчатым тыном хутора отлично просматривалось даже без помощи невероятно расширяющих зрачки зелий Ночной Стражи. Пока никакого движения не замечалось, но охотники быстро утвердили на ложах арбалетов тяжеленные болты и замерли в ожидании.

— С вашего позволения... Хочу убедиться лично, — едва слышно скрипнул каттакан и растворился в воздухе. Спустя несколько мгновений упырь снова материализовался возле моего плеча: — Никакой опшибки, тварь приближается, летит довольно медленно. Весьма необычное существо. Смотрите! Вот оно!

Без ложной скромности скажу, что за время долголетней службы в Латеране я всякого перевидал. Тайная служба Трона Льва охотится не только за казнокрадами, заговорщиками или иноземными шпионами, мы еще приглядываем и за магами, особенно теми, что промышляют всеми разновидностями темного колдовства, некромантией и чернокнижием. Барон Гленнор даже организовал особый «стол» под руководством мэтра Савердена — это отделение нашего тихого ведомства занимается исключительно вопросами магии и выясняет степень опасности для государства того или иного колдуна.

Так вот: сталкивался я и с демонами, и с боевой магией, и с монстрами, созданными умственно неполноценными колдунишками, решившими поэкспериментировать над живой материей.

Сколько трактатов по демонологии изучено мною за минувшие годы — и не сосчитаешь! Но монстра из баронства Астер я прежде не встречал ни наяву, ни на книжных картинках.

К нам неторопливо приближалось нечто, действительно похожее на довольно крупный шар, из нижней части которого исходили тонкие гибкие отростки, весьма смахивающие на щупальца

осьминога. Летело оно на высоте четырех-пяти локтей с быстротою обычного человеческого шага, щупальца вяло извивались, задевая траву. Морды и глаз существа пока заметно не было.

— Ничего не понимаю, — одними губами сказал озадаченный Гвай. — Такие зверюги *нигде* не описаны... Либо редчайший реликтовый монстр, либо — порождение магии...

Означенное реликтовое порождение магии подлетело к нам на расстояние двадцати шагов и я, наконец, рассмотрел его. Видели продающиеся на мясных рынках телячьи или свиные мозги? Так вот, что, что мы изначально приняли за «шар» являлось громадным подобием мозга. Два полушария, глубокие извилины, гладкая блестящая в лунном свете поверхность... Между полушариями рос длинный, с человеческую руку, чуть изогнутый и выдавшийся вперед тонкий «клюв», по сторонам от него мерцали синеватые сферы — скорее всего глазки. Оригинально до крайности!..

Гвай тихонько цокнул языком — сигнал к атаке. Мгновение спустя щелкнули проволочные тетивы самострелов и болты устремились в короткую дорогу до цели.

Попади одна их таких стрел в человека, его бы сбilo с ног, будто ураганом, и отбросило бы на несколько шагов назад. Кроме того, от летящего с немыслимой скоростью арбалетного болта увернуться невозможно — это я вам как знаток говорю!

Но все происшедшее немедленно после перво-

го залпа опровергло все мои знания о военной науке. Мне показалось, что за миг до того, как пальцы охотников нажали на отпускающие тетивы крючки, тварь повернулась к нам и мгновенно взмыла на несколько локтей выше. Стрелы со свистом пробуравили воздух под зверем, возможно задев щупальца — монстр резко поджал свои «лапы» и издал негодующее посвистывание.

Теоретически, арбалет является менее скорострельным оружием, чем лук — надо натянуть очень тугую тетиву при помощи ворота на шестеренках, наложить стрелу, прицелиться и лишь затем стрелять. Таким образом, на это уходит одна тридцатая квадранса, то есть половина оборота большой стрелки клепсидры. Это очень долго — обученный обращаться с оружием человек сможет за это время метнуть как минимум пять ножей или шурикенов. Пока Гвай и остальные возились с арбалетами, расположившийся на холме Валент принял решение, что пора вводить в действие магию.

Мелькнул розовый разряд, волшебник опутал зверюгу кольцом жгучих искр, Рэльгонн тотчас же переместился через Ничто напрямик под тоненько заверещающую тварь, вытянул руку с металющим молнии жезлом, но...

Это напоминал удар обмотанной тряпками кувалды точно в темечко. Такое впечатление, что у меня под сводом черепа взорвался сосуд наполненный кхитайским горючим порошком, какой обычно используют для устройства фейерверков. Руки и ноги мгновенно онемели, словно я их от-

лежал, и доблестный граф Кертис, краса и гордость Латераны, рухнул на землю подобно тряпичной кукле. Угасающими остатками зрения я успел заметить, что аналогичная участь постигла и остальных охотников. Гвай попытался было потянуться к кинжалу, но рука не слушалась.

Последним, что я запомнил, были угасающие огоньки — действие заклинания Валента Мессантийского прекращалось. Потом стало темно.

* * *

— Кертис, ты живой? Давай, вставай... Нечего тут валяться.

Я поморщился — меня больно и неприятно хлестали ладонью по щекам.

— Гвайнард, перестань! — я шевельнулся, поняв, что тело слушается и попытался сесть. Голова трещала так, словно мы вчера полный вечер беспробудно пьянствовали в захудалой таверне, ведрами поглощая скверное вино. — Что... Что произошло?

— Это мы и пытаемся выяснить. По счастью все наши живы, отделались легким испугом и головной болью.

Осмотревшись, я понял, что прошло довольно много времени — облака на восходе начали окрашиваться в золотисто-багровые цвета, то есть начиналось утро. Вся компания — Гвай, Валент, Витарий и пятеро его охотников — была в сборе, причем каждый выглядел довольно бледно, а волшебника бурно тошнило — Валент то и дело

бегал в кусты, освободить желудок от желчи и остатков давешнего завтрака.

— Полное поражение, — глубоко вздохнув сказал офирец. — Эта сволочь каким-то образом оглушила нас и смылась... Что же это было, а?

— Илитид это был... — прохрипел Валент, пытающийся подавить приступы тошноты. — Точно, илитид. Вы про таких существ не могли слышать, потом объясню... Никогда бы не поверил, что увижу подобную тварь вживую!

— Погодите, а где Рэльгонн? — вдруг обеспокоился Гвайнард. — Улетел в Рудну? Митра Всеблагой, только этого еще не хватало! Кертис, ребята, помогайте!

Я, героически преодолевая невыносимую боль в затылке, встал и побрел вслед за Гваем, который по сравнению с остальными выглядел на удивление бодренько.

Посреди обширной поляны лежал наш упырь. Как мне показалось с первого раза — мертвый. Слишком уж кожа синюшная, кажется не дышит. Из-за необъятного черного балахона, разметавшегося по траве, Рэльгонн кажется подстреленным из лука огромным вороном. На лицо упыря лучше не смотреть — рот оскален, белеют в утренних сумерках чудовищные зубищи, нос заострен, под тяжелыми веками мерцают болезненной желтизной закатившиеся под череп глаза. Кошмар.

— Вроде не ранен, — пробормотал Гвайнард, присев на корточки рядом с недвижимым упырем и потрогав его за дряблую белокожую

шею. — Убить каттакана очень и очень непросто, они живучие. Митра и Иштар, спасите и сохраните! Рассветает, а солнце его убьет!

Почти целый квадранс мы пытались привести Рэльгонна в сознание всеми известными человеку методами — поливали водой из ближайшего родника, хлестали по щекам, пытались напоить вином. Безрезультатно. Гвайнард утверждал, что каттакан жив, но полностью парализован.

— Вызови его родственников из Рудны, — посоветовал я, вспомнив о чудесной машинке. — Они перенесут Рэльгонна через Ничто домой и попробуют вылечить...

— Я бы рад, — огрызнулся Гвай. — Но этот механизм каким-то образом настроен только на Рэльгонна, его брат, дядя и сыновья нас не услышат. За ноги вашу мамашу, скоро совсем рассветет, солнечные ожоги и яркий свет для каттаканов смертельно опасны! Его надо спрятать до следующего заката, но где?..

— Заматаем в попону или любую темную ткань, положим на лошадь, привезем в Арелату и укроем в подвале постоянного двора, — предложил Валент. — Сородичи Рэльгонна беспокоятся и следующей ночью начнут его искать. Если поскачем быстро, наверняка сможем приехать в город до восхода солнца.

— Решено! — согласился Гвай. — Витарий, у вашего отряда есть охранная грамота наместника? Чтобы проблем не возникло в случае чего?

— Разумеется, — подтвердил офирец. — Боюсь, что коринфийская стража, буде мы тако-

вую встретим, с подозрением отнесется к непонятному свертку, лежащему поперек седла?

— Прямо мысли читаешь! Давайте быстро осмотрим наши седельные сумы, нужна очень плотная ткань — чтобы через нее не проник ни один солнечный луч!

С помощью плотных попон мы превратили упря в полное подобие куколки шелкопряда меньше чем за половину квадранса, забросили неопрятный сверток на холку коня Гвайнарда, вскочили в седла и пустили лошадей галопом, сначала от хутора до Бельверусского тракта, а потом в сторону города.

В Арелату мы ворвались, когда краешек солнца уже показался над зубцами горных вершин. Успели! Что-то скажет Хальк, которого поднимут с постели ни свет, ни заря...

5. Второй рассказ Гвайнарда

Игра в прятки

1-2 дни третьей осенней луны 1296 г.

Арелата, Коринфия

Вот, посмотрите! — едва мы закончили насущные дела и заперлись в комнате волшебника, Валент раскрыл толстую старинную книгу и ткнул пальцем в пожелтевший пергамент. — Это очень редкая копия с кхарийского трактата, датируемого последними годами существования Ахерона. Тогда уже вовсю бушевала Буря Перемен, но колдуны Пифона продолжали изыскания в области магии метаморфоз, надеялись создать неуязвимых и наделенных способностями к волшебству существ, которые помогут остановить хайборийское нашествие... Результатом стало появление тварей, одну из которых мы видели ночью.

На книжной странице красовалась чуда, в точности похожая на нашего недавнего против-

ника. Жуткого вида летучие мозги со щупальцами и клювом.

— Что за книга? — полюбопытствовал Витарий, непонимающе рассматривая фолиант. — Я всегда полагал, что в библиотеке Хранителей Ночной Стражи в Бельверусе есть все до единого bestiarii, включая кхарийские... Но ни я, ни Гвайнард этого сочинения доселе не встречали.

Я, подтверждая слова Витария, молча кивнул. Трактат и впрямь мне был не знаком.

— Немудрено, — сказал волшебник. — Это вовсе не bestiarii, а книга с заклинаниями и подробными... э... рецептами по изготовлению монстров. Отыскал ее в коллекции древностей маркграфа Ройла и с его дозволения прихватил с собой — как чувствовал, что пригодится. Так вот друзья мои, спешу вас огорчить. Возле хутора Тарб мы повстречали самого натуральнейшего илитида, сиречь выведенного колдунами Кхарии монстра, являющегося исключительно сильным псиоником. Говоря проще, илитиды могут оказывать на жертву мысленное воздействие на расстоянии.

— Нас же было девятеро! — воскликнул граф Кертис. — Точнее, девять человек и каттакан! Как эта скотина умудрилась обездвигить всех?

— Псионическая волна, скорее всего, — пожал плечами Валент. — Я еще не до конца разобрался, книга написана на очень редком диалекте, расшифровка идет медленно. Но кое что я рассказать могу. Первое и главное: вы не могли знать о илитидах только потому, что они весьма

недолговечны — живут не более года. Размножаться сами, как обычные животные, они не могут, являясь исключительно порождениями магии. Последнего живого илитида видели во время битвы при Хоттине, если не ошибаюсь почти ровно тысячу двести девяносто два года назад. Об этом сохранилась запись в «Хронике короля Алькоя», Хальк должен помнить... Какие будут выводы?

— Обыкновенные, — угрюмо бросил Витарий. — Какая-то скотина отыскала трактат, подобный твоему, досточтимый Валент, и начала плодить илилитидов и прочую мерзость. За последние полгода в горах появилось множество самых необычных монстров, по счастью большей частью безобидных. Но встречаются и хищники... И все до единого звери являются якобы давно вымершими чудовищами кхарийской эпохи! Хоть кол мне на голове тешите, но я уверен: кто-то нарочно разводит страшилищ.

— Скорее, экспериментирует, — сказал Валент. — Доморощенные колдуны Черного Солнца неопытны, а кхарийская магия требует серьезных знаний и очень длительного обучения. Вырастить зверюгу они, возможно, в состоянии, но вот наделить ее надлежащими качествами?..

— Допустим, несравненные способности илитида мы прочувствовали на своей шкуре, — скривился граф Кертис. — Больше не хочется...

— Илитид нас не убил, а только обездвигил, — напомнил Валент. — На большее, видимо, сил не хватило.

— А как же Рэльгонн? — напомнил я. — Упырь доселе без сознания и я начинаю за него беспокоиться!

— Месьор Рэль оказался ближе всего к чудищу и, скорее всего, получил самый мощный псионический удар, — недолго поразмыслив, сказал Валент. — Каттаканы сильно отличаются от людей, есть подозрения, что у них чувствительнее нас и куда более восприимчивы к псионической магии. Надеюсь, Рэльгонн отлежится и придет в себя...

— Мы все на это надеемся, — буркнул Кертис. — Рассказывай дальше.

— Про илитидов? Пожалуйста... Выращиваются в магических лабораториях, способны подчиняться приказам хозяина. Илителиды времен Кхарии использовались в качестве военной силы, на далеко не всегда удачно — псионическая волна поражает не только врагов, но и своих, если маг не поставил защиту.

— Значит, от воздействия илитида можно защититься? — подался вперед Витарий. — Чего же ты ночью ушами хлопал?

— Нет нужных заклинаний, — огорченно откликнулся Валент. — С псиониками люди не сталкивались много столетий, это искусство или позабыто, или окончательно утеряно. Попробую поискать нужные сведения в книге, но в положительных результатах я совершенно не уверен.

— Что же это получается? — задумчиво протянул граф Кертис. — Если вспомнить метаципленариев, которых выращивал этот, как его?..

Верно, барон Кулд. Вроде бы его замок находится неподалеку отсюда? Так вот, вам не кажется, что и птички, и появление древних чудищ, которых можно использовать в войне — звенья одной цепи? Представьте, что могут натворить два-три десятка таких вот илитидов! Сначала они обездвигивают конный отряд врага, а потом будет вполне достаточно подойти к упавшим с лошадей совершенно беззащитным всадникам и запросто их перерезать... Кстати, Валент, а разве илитиды способны действовать только ночью? И почему они питаются человеческими мозгами?

— Насчет мозгов ничего не скажу, просто не знаю... — сказал волшебник. — Может быть, каким-то образом черпают силу? А вот предыдущее соображение было вполне справедливым: илитид вовсе не является исключительно ночным существом, наподобие каттаканов. К нечистой силе он не относится, следовательно способен переносить солнечный свет и невосприимчив к серебру. Знаете что мне пришло в голову? Нашего знакомца ночами выпускают, так сказать, на выпас... У илитида есть хозяин! Витарий, в твоих запасах отыщется подробная карта полуночных и закатных областей Коринфии?

— Запросто, — кивнул охотник, встал, забрал валявшуюся у двери сумку, покопался в ней и извлек медный тубус в каких обычно хранят свитки. — Полагаю, нам надо взглянуть на окрестности Арелаты и замка Астер?

Склеенный из четырех больших листов пергамента план развернули, расстелили на столе и

Витарий сразу указал на рассыпь красных и лазурных значков, усеявших карту:

— Я обозначаю все места, где появлялись чудовища особыми символами. Синие означают вполне обычных мантикоров, бальберитов и прочую всем известную пакость — это зло привычное, почти родное... А вот красным отмечены всякие странные зверюги, доселе в Коринфии не появлявшиеся. Странностей не замечаете?

— Еще как замечаем, — Кертис почесал подбородок. — На твоём месте, я бы давно сообщил Хранителям гильдии или в Пятый департамент о том, что монстры расхаживают исключительно вокруг четырех-пяти замков самых родовитых коринфских дворян... Вот это чьи владения?

— Его светлости герцога Амори Ибелена, — не раздумывая ответил охотник. Нарисованную на пергаменте крошечную крепость окружало плотное кольцо алых точек. — Мне тоже приходили в голову мысли, что это неспроста, но заподозрить герцога, отец которого был великим протектором Коринфии в том, что он плодит чудищ?.. Да меня в Вертрауэне на смех поднимут и выставят взащей!

— Оставим пока герцога Ибелена в покое и посмотрим на хорошо знакомый нам замок Астер и его окрестности, — перебил Витария Кертис. — Илтид всегда появляется со стороны полуночи, а все три деревни, где чудил наш монстр, находятся как раз полуденнее родового гнезда господина барона. Что нам, вообще, известно о бароне Астере?

— Ничего особенного, — развел руками охотник. — Дворянин как дворянин, не хуже и не лучше других. Между прочим, он племянник герцога Ибелена...

— Вот вам и еще одна ниточка, — с торжеством провозгласил Кертис подняв палец к потолку. — Если высшее дворянство Коринфии действительно замешано в некоем всеобъемлющем заговоре, ставящем цель восстановление в этой стране королевской власти и отделение от Немедии, то нет ничего удивительного в том, что столь близкие родственники занимаются одним делом. То есть, самостоятельно или при помощи магов конклава Черного Солнца, проводят некие опыты по выведению древних чудищ, каковых можно будет использовать против немедийской армии, когда она после начала открытого мятежа явится в Коринфию наводить порядок... Вы посчитаете меня безумцем, но я предлагаю нанести барону Астеру неожиданный визит.

— То есть? — насторожился я. — Ты хочешь залезть в замок?

— Именно. Семеро Ночных Стражей, маг и аквилонский конфидент представляют из себя серьезную силу...

— Только не против илтида, — оборвал я графа. — А если в замке обитает три десятка таких монстров? А взять в расчет дружину барона, призванную оберегать поместье своего господина от нежелательных гостей? Может быть, мы туда войдем, но вряд ли выйдем.

— Если правильно спланировать все действия

и использовать магию, то шансов на успех прибавляется, — отмахнулся Кертис. — Гвайнард, ты ведь по молодости служил в Латеране, в отряде «Черный Беркут»? Вас должны были обучать молниеносному захвату небольших крепостей малыми силами... Валент, тебе сейчас все равно нечего делать! Возьми книгу и попытайся отыскать указания на то, как кхарийцы защищались от псионического воздействия илтидов! Витарий, марш в библиотеку протектора, тебе как Ночного Стража пропустят беспрепятственно — там наверняка отыщется план замка барона Астера! А я прогуляюсь по городским тавернам, пособираю слухи... Гвайнард, ты останешься дома, присматривать за Хальком и Рэлыгонном.

— Раскомандовался, — беззлобно пробурчал Валент. — Сразу узнаю костолома из Латераны. Кертис, это ведь авантюра!

— Причем совершенно противозаконная, — мило улыбнулся граф. — Если я правильно помню уложения Немедийского королевства, действующие в том числе на землях протекторатов, нападение на дворянский замок с целью грабежа для простецов карается виселицей, а для благородных — вечным заключением в своем поместье. При тяжелых последствиях — двенадцатью годами каторги или отсечением головы «с соблюдением уважения к титулу», то есть казнь проводится позолоченным мечом и обязательно с застеленной белой траурной тканью плахой. В случае неудачи легко отделаемся: повесят только Витария и его охотников, да Валента — ты ведь не дворянин?

— Где уж нам, сиволапым, — фыркнул волшебник. — Отец был аргосским рыбаком, мать, простите, прачкой. По несчастью мои способности к магии заметил жрец единственного в нашей деревне митрианского храма и отослал учиться в Мессантию. Между прочим, на деньги общины, собранные от приношений прихожан.

— А говорят, что все митрианцы скупердяи и стяжатели! Какой трогательный пример покровительства бедному, но талантливому юноше! — ханжеским голосом сказал граф Кертис и тут же продолжил совершенно серьезно: — Почтенные месьоры, хватит чесать языками! Начинаем заниматься делом! Встречаемся в моей комнате после четвертого полуденного колокола!

* * *

Разумеется, мы самым наглым образом нарушаем строжайший приказ барона Гленнора и Мораддина, гласящий, что мы не должны вмешиваться в местные дела, не мозолить глаза, не встревать в истории, а только наблюдать и ждать. Но бездействие и скука еще хуже, мозги превращаются в студень, а руки отказываются держать клинок. Я даже рад, что нам повстречался отряд Валента и начали происходить хоть какие-то события. Ибо обстановка в Арелате угнетающая — душно, будто перед грозой.

После того, как окончательно спятивший Кертис разогнал всю компанию и сам ушел в город — коллекционировать арелатские сплетни —

я принялся за исполнение своих невеликих обязанностей. Сначала отправился на второй этаж «Горного орла», проведать его милость барона Юсадея. Время подходило к полудню, а Хальк доселе не спустился из своих комнат. Заглянувший к нам Джигг сообщил, что господин барон доселе изволят почивать и отбыл в направлении кухни — надо полагать, заказывать завтрак для хозяина и следить за его приготовлением.

...Ранним утром, нам на удачу, хозяин и посетители «Горного орла» еще не проснулись, только возле конюшни обозначалось невнятное шевеление — конюхи лениво поили и чистили лошадей, да таскали воду в поилки. Я вытребовав у полусонной экономки ключи от хозяйственного подвала (отдала, и даже не спросила, когда верну — провинция!), мы вместе с Кертисом перенесли туда Рэльгонна, развернули попоны и спрятали упыря за наваленной у дальней стены горой старой изломанной мебели. Поскольку глубокий, выложенный валунами темный подпол в отличие, например, от винного погреба, посещался крайне редко, то у меня была надежда, что сюда никто не наведается (по крайней мере до завтра) и мы будем избавлены от неприятностей. Не думаю, что обычный человек посчитает мирно спящего на старой, поеденной жучком кровати зубастого вампира неприятной наружности самой естественной деталью интерьера. Вой поднимется до небес!

Мирно спящего... В том то и дело, что Рэльгонн не спал, а был лишен сознания. Зная упыря

полтора с лишним десятилетия, я немного научился разбираться в особенностях организма каттаканов. Я не говорю об их пристрастии к крови — родичи Рэльгонна все-таки самые настоящие вампиры, пускай и предпочитают употреблять в случае необходимости кровь диких животных, но не человека. Тело каттакана устроено совершенно по другому принципу нежели человеческое и отличается прямо-таки фантастической способностью к самовосстановлению. Кроме того, у них нет органов, при повреждении которых человек моментально умирает, то есть сердца и мозга.

Если представителю людской расы в лоб попадет арбалетный болт и хоть немного повредит мозг, то смерть неизбежна. А вот каттакану можно запросто отрубить голову и с ним ничего особо страшного не случится — раны моментально затянутся, а сама голова отрастет обратно через несколько дней. Само собой, упырь в это время будет вынужден отлеживаться в своем логове, но потом снова обретет свой привычный облик. Дело в том, что у каттакана по всему телу разбросано несколько своего рода «запасных мозгов», если погибает один, то его функции моментально берет на себя другой, а уж потом тело начинает быстро восстанавливаться.

Убить каттакана привычным человеку оружием практически невозможно. Рэльгонн как-то рассказывал, будто его дядюшку, Ритагонна, много лет назад случайно (по его собственной неосторожности) изловили бритунийские кметы, оття-

пали топорами все конечности и голову, грудь проткнули колом, швырнули в яму и засыпали таковую жгучей известью. Конечно, Ритагонну это было очень неприятно, но он полностью восстановился за четыре седмицы без каких-либо видимых для себя последствий, если не считать смертной обиды на безграмотных крестьян, не умеющих отличить нормального вампира, от вампира действительно опасного. Стрелы, мечи и открытое пламя каттаканов тоже не брали и только из-за воздействия солнечных лучей они могли получить смертельные ожоги, а под прямым ярким солнцем — попросту сгореть.

Я не могу припомнить ни единого случая, когда Рэльгонн или другие представители его небольшой семьи, застрывшей по воле нелепого случая в нашем мире, оказывались бы в столь беспомощном положении. Врожденная магия каттаканов если не совершенна, то по крайней мере исключительно действенна и надежно защищает упырей от любых неприятностей. В случае реальной угрозы они всегда могут прыгнуть через Ничто в безопасное место, тем самым становясь недоступными для противника.

Никаких сколь-нибудь серьезных врагов у каттаканов в Универсуме людей попросту нет. Точнее, не было. До времени, пока Рэльгонн не повстречался с илтидом, обладающим весьма непонятными и опасными способностями. Да, каттакан более чувствителен к мысленному воздействию, чем человек — насколько мне известно, Рэльгонн, подобно оборотням Пограничья,

способен ощущать «запах мысли» и сам обладает нешуточной способностью к внушению. Может быть в этом все дело?

Так или иначе, пока Валент или другие маги Равновесия не отыщут способа нейтрализовывать выпускаемые илтидами псионические волны (или как минимум создавать действенную защиту), каттаканы нам не союзники. Людям кстати, тоже приходится несладко — голова у меня доселе побаливает.

...Хальк, изнеженный паркетный шаркун аквилонского двора, снял в «Горном орле» самые лучшие и дорогие комнаты — шикарные покои в мансарде, включающие трапезную, спальную с пышной постелью под балдахином и туранскими коврами и даже кабинет с небольшой библиотекой, в основном составленной из развлекательных сочинений Гая Петрониуса и Стефана Короля Историй. Комнатка для прислуги, в которой поселился Джигт, находилась рядом. Туда я и постучался, поскольку входить без стука в обиталище самого величественного и куртуазного камердинера обитаемой вселенной я не решился. Этикет прежде всего!

— Я немедленно осведомлюсь у господина барона, сможет ли он принять вас, месьор Гвайнард, — предупреждая вопросы пропел Джигт, едва заведя меня на пороге. — Но я бы не стал беспокоить его милость во время завтрака, поскольку известный целитель Афраний Цесиенский в своих трактатах утверждает, будто разговоры в момент употребления пищи ведут к...

— Джигг! — взмолился я, но камердинер уже канул в пустоту.

Я без позволения камердинера прошел в спальню Халька. Умилительная картина: господин барон сидит в постели, на его коленях возлежит тяжеленный поднос потемневшего серебра уставленный тарелочками и соусницами. Отдельно возвышается бокал с разведенным целебной водой вином (Джигговский рецепт). Я мимолетно пожалел, что Хальк не участвовал в нашей ночной экспедиции в хутору Тарн — аппетита бы прибавилось.

— Вы можете быть свободны, Джигг, — сказал барон Юсдаль недовольно покосившемуся на меня камердинеру. — Гвай, доброе утро! Судя по твоему сияющему виду, удачно поохотились?

Не знаю, с чего вдруг Хальк взял, что вид у меня «сияющий». Вовсе наоборот, я не успел ни побриться, ни переодеться после неприятного ночного приключения.

— У тебя все было спокойно? — немедленно осведомился я. Библиотекарь уныло кивнул — даже его начало тяготить бездействие последних дней. — А вот у нас прямо наоборот. Рэльгонна едва не убило, валяется без чувств в подвале постоялого двора...

Услышав это, Хальк подавился кусочком горячей булочки и пролил вино.

— Как? — пискнул он, откашлявшись. — Где? В подвале?

— Скажи спасибо, что не у тебя под кроватью, — без всякой жалости сказал я. — Слушай...

И я без лишних украшательств, но не особо скупясь на краски, описал барону Юсдалю все, что произошло во владениях барона Астера минувшей ночью, поведал о нашем утреннем разговоре и планах его светлости графа Кертиса, который явно решил подвести всю компанию под топор палача или что похуже. К финалу моего рассказа Хальк начал икать — обожрался. Неужели умный Джигг никогда не говорил хозяину, что переедать по утрам — вредно?

— И дальше что будет? — слабо пролепетал Хальк. — Ведь барон Гленнор настрого запретил...

— Ночная Стража аквилонской тайной службе не подчиняется, — оскалился я, желая окончательно добить королевского библиотекаря. — Кертис, возможно, получит нагоняй, но только не мы... Кодекс охотников ясно гласит: помогай чем можешь, не взирая на препятствия! Если, как мы предполагаем, илитид приходит из баронского замка и представляет серьезную угрозу для жизни людей, то гильдия обязана действовать — об этом тоже четко написано в Кодексе. На нашей стороне здешние власти, по крайней мере немедийский протектор — гильдия еще лет восемьсот назад заключила торжественный договор с Троном Дракона: все меры по противодействию черной магии и по охране подданных короны Бельверуса от чудовищ, какими бы они не были, заранее одобрены королем и Дворянским советом королевства. Конечно, если мы не представим доказательств, возникнут осложнения, но доказательства найдутся, это ясно как день. А то-

гда уже в спектакле примут участие Пятый департамент и митрианский храмовый суд, которые разбирают дела о черной магии.

— Храмовый суд? — невольно хохотнул барон Юсдаль. — Здесь? Где само слово «Митра» является чуть ли не запрещенным? Гвай, ты безумен!

— Безумен тот, кто играет с огнем и выпускает илитидов разгуливать по окрестностям, дабы оголодавшая домашняя скотинка немного подкрепилась, — разозлился я. — Ты ведь блюдешь древние законы дворянской чести, верно? А я — не только дворянин, пусть и самый захудалый, но и Ночной Страж, обязанный исполнять все положения Кодекса. Если есть опасное людям чудовище — убей его. Вот и весь сказ.

Только Хальк собрался обидеться и набрал в грудь воздуха, чтобы ответить мне длинной отповедью в стиле «нельзя, опасно, невыполнимо», как на пороге спальни показался невозмутимый Джигг и доложил:

— Письмо для господина барона Халька Юсдаля-младшего!

— Для кого? — изумился Хальк, которого в «Горном орле» знали исключительно под именем месьора Омсы Линггена из Гандерланда.

— Для вас, господин барон. Передавший депешу человек назвал ваше настоящее имя.

Джигг передал Хальку конверт, украшенный обычной печатью дворянского перстня без всяких надписей. Библиотекарь сорвал воск, развернул пергамент, быстро пробежался глазами по строчкам и резко повернулся ко мне.

— Гвай, нам надо немедленно ехать. Тут недалеко, в городе! Это месьор Лерэ!

— Подожди, я схожу предупредить Валента — кто-то ведь должен присматривать за входом в подвал, где мы спрятали Рэальгонна...

* * *

Я будто бы снова попал на страницы душещипательного сочинения Гая Петрониуса наподобие какой-нибудь «Тайны старого замка» или «Ужасной истории о герцоге-детоубийце». Таинственный (а другого слова и не подберешь!) посланец оказался закутан по самые уши в черный плащ, круглая суконная шапка надвинута на брови, движения порывистые, глаза бегают... Судя по всему, очень молод — нравится парнишке игра в секреты, да только ему никто не объяснил, что оные секреты таким образом не оберегаются, а раскрываются, причем довольно быстро. По-настоящему опасные люди не выглядят опасными. Вы можете оказаться в одной комнате с ними и не обратить на них никакого внимания.

— Мне приказано проводить к господину только барона Юсдаля, — недовольно проворчал он, явно пытаясь изменить голос. — Ваш сопровождающий должен остаться здесь!

— Это не «сопровождающий», а мой... гм... оруженосец, — высокомерно бросил Хальк. — И без месьора Гвайнарда я никуда не пойду. Так можешь и передать.

Неужели боится? Впрочем, осторожность еще

никому не вредила. Я бы на месте Халька тоже отказался идти неизвестно куда в одиночестве.

— Хорошо, — не слишком уверенно отозвался незнакомец. — У меня повозка возле ворот таверны, идемте.

Мы с Хальком забрались в запряженную двумя каурыми лошадьми крытую карету, провожатый взобрался на козлы, свистнул бичом и коняшки ретиво повлекли экипаж вверх по улице, в сторону замка протектора. Некоторое время мы кружили по городу, миновали украшенное знаменами и вымпелами торговых гильдий здание магистрата, обогнули резиденцию наместника и наконец оказались в самой старой части Арелаты — повозка едва протискивалась по узким улочкам, заставляя прохожих прижиматься к стенам домов или прятаться под арками.

— Пожалуйста, выходите и следуйте за мной, — лаковая дверца распахнулась и мы услышали тихий голос молодого человека. — Только поспешайте...

Он нырнул в узкий проход между домами, мы миновали дворик, уставленный бесчисленными горшочками с цветами, потом вошли в коридор, спустились и снова поднялись по лестнице и очутились на совершенно другой улочке, в другом квартале. Тут нас ожидала еще одна повозка, на сей раз менее приметная.

— Боги, какая таинственность, — недовольно высказался Хальк, когда деревянные колеса загрохотали по камням мостовой. — Жаль, графа Кертиса нет, по роду ремесла ему ужасно нравят-

ся такие игры. Эй, любезный, скоро мы наконец приедем?!

— Задержите шторы, — последовал ответ. — И не разговаривайте громко...

Высадили нас на дальней окраине Арелаты, застроенной окруженными садами виллами богатых горожан. Провожатый провел нас через калитку, ведущую в запущенный, но красивый парк с неработающими фонтанами и прудом. Попетляв по тропинкам мы подошли к старинному деревянному дому в два этажа. Кроме нас троих здесь не было ни единой живой души — птицы и развалившаяся на крыльце кошка не в счет.

— Идите на верхний этаж, вас ждут... Я буду сторожить у входа, если появятся чужие — дам сигнал.

Под подошвами сапог заскрипели ступеньки расколотой лестницы. Я, на всякий случай обогнал Халька и проверил, насколько удобно ложатся в ладонь рукоятки метательных ножей, висящих на поясе. Мало ли, что нас ждет...

— Барон Юсдаль, вы сошли с ума! — гроыхнуло в большой пыльной гостиной, едва мы вошли. — Зачем вы приехали в Коринфию? Кто вас об этом просил? И каким образом преодолели две с лишним тысячи лиг за несколько дней? Это же просто невозможно, если, конечно, не была использована магия!

Возле резного букового стола стоял величественный господин в темной дворянской одежде и с узким эстоком на богатой перевязи. На голове бархатная шапочка-феска, традиционная для офи-

цев и коринфийцев, лицо, как я и предполагал, скрыто шелковой маской.

— Вы не слишком вежливы, месьор Лерэ, — Хальк нисколько не растерялся и мгновенно бросился в атаку. — Король Конан уполномочил меня и... кстати, познакомьтесь, это Гвайнард, барон Кетт-младший из Гандерланда, мой помощник. Он в курсе всех дел. Так вот, государь Аквилонии уполномочил меня вести дела непосредственно в Арелате и быть его личным представителем со всеми надлежащими полномочиями. Полагаю, вам доложили, что король принял ваши предложения.

— Это очень хорошо, — уже более спокойно сказал человек в маске. — Но вы даже не представляете, какой опасности подвергаетесь. Вашей компанией уже заинтересовались весьма серьезные люди, хотя раскрыть ваши истинные имена еще не удалось. Черное Солнце вынуждено наблюдать за всеми чужестранцами прибывающими в нашу столицу, поскольку нами интересовались практически все тайные службы Заката!

— Значит теперь Арелата — столица Черного Солнца? — поддел собеседника Хальк.

— Нет, отчего же... Просто вы не представляете, сколь много коринфийских дворян, в том числе и занимающих высокие должности при Совете Нобилей и во дворце великого протектора, сочувствуют нашей организации или состоят в ней! Кроме того, наши маги тоже не сидят без дела — они заметили всплеск магического поля. Кто-то использовал волшебство Равновесия, а это зна-

чит, что в городе или поблизости от него объявился волшебник из враждебного конклава, враждующего с Черным Солнцем. Ваша работа?

— Наша, — признался барон Юсдаль. — Вместе со мной в Арелату прибыл глава Ордена Алого Пламени. Хочет изучить обстановку на месте.

— Валент Мессантийский? — изумился месьор Лерэ. — Здесь? Я полагал, что он безвылазно сидит в маркграфстве Ройл и помогает светлейшему в изысканиях... До того, как я обратился за помощью к вам, я хотел привлечь к уничтожению магов Черного Солнца именно Орден Равновесия и месьора Валента в частности...

— Ах, вот оно что! — библиотекарь хлопнул себя ладонью по лбу. — Теперь все встало на свои места... ваша светлость. Хватит играть в тайнственность, герцог. Валент рассказал мне и королю Конану Канах о вашем предложении, а уж сделать выводы я сумел самостоятельно. Вы вовсе не «месьор Пустота», а герцог Амори Ибелен. Я прав?

Его светлость медленно снял маску, под которой скрывалось узкое лицо сорокалетнего мужчины с тяжеловатым подбородком и спокойными серыми глазами.

— Соображаете вы неплохо, — признал Амори. — Впрочем, задача не сложная. Я-то надеялся, что Валент будет более скромнен — я просил мага никому не говорить о письме.

— Он сразу заподозрил неладное, ваша светлость, — пожал плечами Хальк. — И рассказал нам, поскольку король Конан покровительствует

Ордену, хоть магию и недолюбливает. Теперь, если позволите, я выскажу некоторые другие догадки, а вы подтвердите или опровергнете их. Вы готовите мятеж против властей Немедии, собираетесь разорвать договор о протекторате и объявить Коринфию независимым королевством?

— Да, — после некоторой заминки ответил герцог Ибелен.

— Королем — вы?

— Это еще не решено...

— В планы Черного Солнца входит объединение Коринфии и полуденных областей Аквилонии и Немедии в единое государство под одним скипетром? Контроль за всеми торговыми путями? Эти вопросы задаю не я, а король Конан!

— Это только один из планов. Полагаю, самый честодюбивый, но, по многим причинам, почти неосуществимый. На совете Черного Солнца я выступал против него, но меня поддержала лишь малая часть дворян и магов. Многие бароны Пуантена и примыкающих с полудня к Тайбору земель Немедии на нашей стороне, они приняли фатаренскую веру и ничего не хотят слышать о подчинении Тронам Льва и Дракона, поддерживающих митрианство.

— А почему именно «Черное Солнце»? — не удержался я от вопроса. — Кто придумал такое название?

Герцог посмотрел на меня недовольно, но ответил:

— Дурацкая шутка одного из наших последователей... Мол, если у развратных и жадных мит-

рианских монахов символом является Золотое Солнце, то мы должны именоваться прямо противоположно. Как ни странно, название прижилось. Другие вопросы, месьюры? Я пытаюсь быть честным, хотя, по большому счету, обязан дать приказ о вашем незамедлительном уничтожении — вы знаете так много, что становитесь смертельно опасны для дела, которому я отдал много лет жизни.

— Все что знаем мы, знают и в Тарантии, — ничуть не смущаясь сказал Хальк. — Наши смерти уже ничего не изменят. Ваша светлость, вы же отлично понимаете, что в нашей тайной службой и в Пятым департаментом Немедии руководят отнюдь не круглые идиоты! Достаточно было пристально взглянуть на события, объединить их в единую цепь и сделать логические выводы... Единственно, пока мы только предполагали, что за заговором стоят высшие дворяне Коринфии, но теперь есть и доказательства.

— Вернемся к делу, — ледяным тоном прервал Халька герцог. — теперь настало мое время спрашивать. Аквилония вмешается в возможную войну между Коринфией и Немедией?

— Если не будут затронуты интересы Трона Льва — нет, не вмешается, — не моргнув глазом солгал барон Юсдаль, хотя отлично знал о крепких союзнических отношениях между Конаном и Нимедом-младшим. — Мы лишь собираемся поддерживать порядок в пределах своего королевства. Уж не обессудьте, но если ваши проповедники продолжат деятельность на полудне Пуантена и

Великого герцогства Шамар, король Конан примет самые решительные меры, вплоть до военного похода против еретиков. Дразги между Коринфией и Немедией нас мало интересуют. А если вы поможете нам избавиться от этой заразы в Аквилонии, Конан попробует уговорить Нимеда II даровать Коринфии независимость и не вводить сюда армию.

— Любопытное решение, — нейтрально сказал Амори Ибелен. — Это уже серьезно. Что с магами?

— Подготовка к полному уничтожению вашего конклава уже началась. Нам требуются точные сведения. Особенно, что касается чудовищ, которых плодят колдуны Черного Солнца. Гильдия Ночной Стражи и Орден Равновесия весьма обеспокоены появлением созданных путем колдовства монстров, которых можно использовать в войне.

— Что бы вы не говорили, но военного столкновения с Немедией не избежать, — тихо проговорил герцог. — У короля Нимеда и дворян с Полуночи слишком много личных интересов в протекторатах Коринфии и Заморы. Золотые рудники в Карпашских горах ныне принадлежат короне, добавим сюда Дорогу Королей, водный путь к Полуденному океану, перевалы, по которым проложены торговые тропы в Офир, Коф и шемитские земли! Нимед никогда не выпустит из рук такое сокровище добровольно.

— Понимаю, — согласился барон Юсдаль. — Противостоять огромной и отлично вооруженной армии Немедии своими силами вы не сможете.

Наша тайная служба предполагает, что Коринфия в состоянии собрать не более полутора тысяч конных дворян и до тридцати пяти или сорока тысяч пеших. И то, если заберете в войско почти всех мужланов из деревень. Нимеду будет достаточно ввести в Коринфию пять тяжелых легионов и гвардейскую кавалерию. Личные дружины немедийских дворян можно даже не упоминать — ринутся сюда пограбить и захватить новые земли, поскольку по закону владения мятежных дворян конфискуются... И все равно: вы выбрали порочный путь.

— В соответствии с кордавским договором между королями Заката от 1296 года использование боевых животных в войне не возбраняется, — грустно усмехнулся герцог. — Любого, кто начнет возмущаться, ткнем носом в соответствующий параграф соглашения.

— Илителиды — вовсе не боевые животные, — не преминул заметить я. — Да и ваши метациплениарии...

— Боги милостивые, вы и об этом знаете? — поразился Амори, немедленно меня перебив. — Хотя, после визита головорезов из Вертрауэна в замок барона Кулда мы и не надеялись на сохранение тайны... Хальк, передайте королю Конану, что мы не собираемся бросать в бой порождения магии кхарийцев, хотя колдуны нашего конклава настаивают на этом. Метациплениарии — другое дело. Птицы являются живыми существами, ничуть не хуже и не лучше обыкновенных боевых слонов, а вот толку от них гораздо больше...

— Откуда вы их раздобыли? — спросил я.

— Прочитал о метациплениариях в старинной книге, нанял в Зингаре корабль и отправил на Огненные острова своих людей, которые должны были привезти десяток-другой птенцов разного пола. Заодно удалось пленить нескольких дикарей, умеющих обучать птиц. Так что мы с Нимедом еще повоюем... Достойные месьоры, времени у меня уже не осталось, будем прощаться. Запомните: если вам будет угрожать опасность, немедленно покиньте Арелату и скрытно переберитесь в замок Бокер, это в горах, к полуденному закату от города. Капшелян и стража будут предупреждены. А уж я найду способ переправить вас оттуда обратно в Аквилонию.

— Думаю, что ваша помощь не понадобится, — самонадеянно сказал Хальк. — Но все равно спасибо.

— И, очень прошу, поменьше балуйтесь магией. Наш конклав в полном составе находится в Коринфии, колдуны следят за всеми проявлениями волшебства, а уж если они вами всерьез заинтересуются и вы окажетесь в руках этих неприятных месьоров, я не смогу вас вытащить.

— Когда ждать обещанных сведений? — напомнил барон Юсдаль.

— Через два-три дня к вам придет посланник. Тот самый юноша, которого вы сегодня видели.

— Скажите ему, чтобы одевался попроще, — как бы невзначай заметил я. — Выглядит будто злодей-отравитель из балаганного спектакля. Внимание привлекает.

— Хорошо, — кивнул герцог. — Идите, вас отвезут домой. И умоляю — будьте тише воды, ниже травы!

Перед моим взором на мгновение встал образ ухмыляющегося графа Кертиса, но я решительно отогнал это видение и шагнул к лестнице, потянув Халька за рукав.

— Постойте! — воскликнул вдруг библиотекарь. Направившийся к противоположной двери Ибелен запнулся на полушаге. — Ваша светлость, как вы нашли нас в Арелате?

— Магия. Та же самая магия, при помощи которой я посетил вас в Тарантии. Не беспокойтесь, мой личный волшебник — верный человек...

— Очень на это надеюсь, — беззвучно шепнул Хальк, но собой надежды в его глазах я не увидел.

* * *

Я еще издали приметил появившихся возле коновязи «Горного орла» лошадей под одинаковыми седлами, украшенными гербами Арелаты — серебряный барс на пересеченном черно-зеленом геральдическом щите. Над щитом красовался меч оплетенный лавровыми листьями. Так и есть — эмблема стражи городского магистрата. Неужто за нас взялись всерьез?

— Хальк, никакой паники, — тихо сказал я библиотекарю. — Все бумаги у нас в полном порядке, не подкопаешься... Главное — вести себя естественно.

Окликнув тоже заподозрившего неладное воз-

ницу, я приказал остановиться в полуквартале от постоялого двора и экипаж немедленно исчез в одной из боковых улочек. До ворот «Горного орла» мы шли пешком, стараясь выглядеть праздными отдыхающими.

Едва мы вошли в главную гостевую, она же обеденная, залу таверны, как к нам устремился слегка напуганный хозяин и, указывая сидевших за дальним столом господ в зеленоватой с серебром форме уведомил:

— Месьору, тут к вам пришли... Говорят, будто по поручению протектора Арелаты. Уже допросили лекаря господина барона, но он отказался говорить, покуда не прибудет сам месьор Линген...

— Ясно, — зло бросил Хальк. — Гвай, пошли разбираться.

Блюстителей было семеро. Сервент и полдюжины обычных стражей. Причем молодой сервент (ему, наверное, и двадцати пяти не исполнилось) дворянином не является — в Коринфии все благородные носят золотые пояса с личным гербом. У него же ремень обычный, кожаный, с дешевыми бронзовыми бляшками. Смотрит нагло-вато, прыщи на роже.

— Я → барон Омса Лингенский, из Гандерланда, Аквилонское королевство, — напустив на себя надменность, присущую всякому захолаустному дворянину, спросил Хальк. — Вы хотели меня видеть? Чем могу помочь доблестной страже Арелаты?

Сервент даже не встать не соизволил. Просто-

лищые стражи последовали его примеру, но немного смутились — знали, что с дворянами связываться не стоит, пусть даже и с заграничными.

— Эй, Тагерт, приведи ихнего лекаря, — лениво сказал сервент одному из своих и стражник мигом исчез. — А вы месьоры покажите-ка подорожные.

— Подорожные, — цедя слова сквозь презрительно искривленные губы сказал барон Юсдаль, — мы показывали в дорожной управы Арелаты, куда наведались немедля после прибытия в ваш замечательный городок. И я не вижу смысла предъявлять их по первому требованию занюханного городского стража, призванного следить за тем, чтобы честных людей не обвешивали на рынках или ловить карманных воров.

За соседним столом восседали четверо пожилых офирских дворян (они тоже приехали в Арелату рассеяться и потребить свою долю целебных вод). Последнюю фразу Халька, произнесенную достаточно громко, они явно одобрили, а толстый барон с блестящей лысиной даже сделал провокационный жест — мол, что вы канителитесь, ваша милость? Дайте хаму по роже и дело с концом!

— Вот предписание, — сервент выложил на стол пергамент с гербом магистрата. — В Арелате и окрестностях промышляет шайка грабителей, выдающих себя за аквилонцев. Мы проверяем всех... ваша милость.

Идиотическое объяснение. Ну сами подумайте, какие нормальные разбойники будут пред-

ставляться жертвам «аквилонскими дворянами»? Все понятно, нас впервые решили испытать на прочность.

Хальк, выкроив на лице такое выражение, что скисло бы даже парное молоко, вытащил из спора подорожную, дворянскую грамоту и водрузил их на столешницу перед сервентом. Сверкнули красные печати со вздыбившимся львом Аквилонии в пятизубой короне. Я сделал то же самое. Как раз в этот момент стражник привел совершенно невозмутимого Валента, тоже сжимавшего в руках торжественные свитки, выданные нам Латераной.

— Черной магией не промышляете? — сервент, мельком окинув взглядом документы, начал задавать совершенно идиотские вопросы. Впрочем, всегда и во все времена вопросы блюстителей порядка к потенциальным подозреваемым изяществом и остроумием не отличаются. — Запрещенные товары с собой не везете? Исповедания какого?

— Иштарийского, — сказал Хальк, будто спянул. — Что, запрещено?

— Отчего сразу — запрещено? — протянул сервент, наблюдая за ладонью барона Юсаля, удобно устроившейся на эфесе клинка. — Почему при оружии? У нас город мирный...

Подобная наглость перехлестывала через край. Даже старички-офирцы дружно и возмущенно загудели.

— О, прошу не беспокоиться, месьюры, — Хальк послал в адрес толстенького барона луче-

зарную улыбку и тотчас одарил обнаглевшего сервента взглядом изголодавшегося василиска. — Немытым мужланам навёрняка неизвестно, что ношение меча является древнейшей, неоспоримой и неоднократно подтвержденной всеми суверенами Заката и Восхода привилегией благородного сословия. Бумаги посмотрел, морда? Тогда — избавь меня и моих друзей от своего присутствия! А если магистрату вновь будет угодно проверить нашу благонадежность, пусть пришлют человека, обученного куртуазии. Вот тебе за труды...

На стол пала монетка, извлеченная Хальком из пояса — медный пул, составляющий одну двухсотую от полновесного золотого аурея Трона Дракона. Одна из самых мелких и неуважаемых даже нищими монет Заката. Пристально следившие за нами офирцы расхохотались в голос, а стражники стиснули зубы, чтоб не рассмеяться — поняли шутку.

Сервент оказался в затруднительном положении, даже прыщи из фиолетовых стали красными. Понимал, что если не возьмет монету, то разъяренный аквилонский барон при всех надеет ему холку и будет прав — прочие дворяне перед любым судом подтвердят, что простец (хоть и в сервентском чине) в лицо хамил благородному, являя неуважение к титулу. А коли возьмет — свои же насмерть засмеют и задразнят, пусть даже и не в глаза, а за спиной.

Стало ясно, что сервенту была дороже голова, чем добрая слава. Жалкая монетка исчезла в его

кулаке. Не прощаясь господа охранитель городского благочиния ушли, а напоследок прыщавый бросил на нас такой взгляд, что им можно было крепостную стену насквозь прожечь.

— ...Хуже другое, — послышался за моей спиной вкрадчивый голос. — Они пытались обыскать подвалы таверны. Хозяин не позволил, поскольку стражи не предъявили надлежащую бумагу. Это значит, за нами пристально наблюдают и кое-кто заметил, что мы упрятали в хозяйственном погребе некий подозрительный сверток.

Конечно, это граф Кертис! Не возьму в толк, как он ухитряется оставаться никем не замеченным! Просто сидел неподалеку и наблюдал.

— Пойдемте в комнаты, — предложил граф. — Я распорядился, чтобы обед принесли наверх. Есть о чем поговорить...

6. Первый рассказ Ламбера

Добрые жители Толозы

*14-30 дни второй осенней луны 1296 г.
Толоза, Пуантен.*

Утак, меня зовут Жеан Ламбер. Родом я из Боссонии. Не дворянин — выслужился из простецов. Я сотник королевской гвардии, квартирующей в пуантенском городе Толоза, что в двадцати пяти лигах к полуденному восходу от столицы Великого герцогства — Гайарда. Командует нами благороднейший граф Люксэ, вассал и близкий друг герцога Просперо.

Толоза — большой город, стоящий на восточном берегу одного из рукавов Хорота, который называется Арье и стекает с Пуантенских гор, разделяющих наше герцогство и Зингарское королевство.

Правит здесь Раймон VI, граф Толозы и прилегающих земель — богатый и могущественный сеньор, подвассальный Пуантенским герцогам.

Живет он не в самом городе, а за рекой — в громадном замке Нарбонет, уже четыреста лет являющемся родовым гнездом владетелей ленов Полуденного Пуантена.

Город построен на высоком холме и окружен двойной цепью стен — непосредственно крепостным валом с восемью круглыми башнями и цитаделью, в которой ныне разместились гвардейцы короны числом в тридцать мечей, два десятка арбалетчиков-боссонцев и восемь благородных рыцарей с оруженосцами и челядью. Это еще три десятка.

Добавим сюда непременных обозных баб, прибывшихся к гарнизону цитадели, нескольких конюхов из горожан победнее да митрианского жреца, служащего при часовне. Получается, что в «верхней крепости» живет чуть больше сотни людей.

Мы по приказу Просперо оберегаем только цитадель. За городской стеной и внешними башнями наблюдает стража Толозы и воины графа Раймона да еще городское ополчение, собираемое магистратом и вигуэрами — высшими городскими сановниками. Получается, что подчиненный графу Люксэ отряд находится почти в осаде, занимая крепость в крепости.

Конечно, нам никто не запрещает ходить по городу, заниматься закупками или заглядывать в местные таверны.

Но слышать за спиной постоянное шипение — «северяне!» — никому не приятно. Мы словно люди второго сорта, пришлые и чужие, наглые

захватчики. Однако, земли Толозы уже не одно столетие входят в состав Аквилонии, а сам город является сущим человеческим водоворотом, столпотворением вселенским! Кого тут только не встретишь — зингарцы, подданные Офира и Аргоса, на полуденной окраине обосновалась многочисленная шемитская община, есть выходцы из Кофа и даже Турана. Но ненавидят только нас — аквилонцев с Полуночи.

Все другие люди для подданных Раймона являются почти «своими», то есть сородичами, близкими по языку и обычаям. Наречие Полуденного Пуантена совсем другое, чем в центре Аквилонии и ее дальних окраинах — здешний говор приближен к зингарскому и аргосскому и нам малопонятен. Дворяне Толозы кургуазны и изысканны, не в пример многим баронам из Боссонии, Таурана или Гандерланда, знакомых только с мечом, вечно отточенным и готовым отразить угрозу со стороны пиктов, да с пикой для охоты на кабана.

Просперо, направивший в Толозу гвардию короны, знал, что делал — герцог поставил командовать графа Люксэ, тоже пуантенца, но не местного, а происходящего из полуночных областей, граничащих с Таураном.

По крайней мере Раймон и его дворяне относятся к графу благосклонно — одна кровь. Это хоть немного примиряет здешних владетелей с необходимостью терпеть в сердце своего города королевских гвардейцев.

Спрашиваете, зачем Просперо и король Конан

распорядились поставить наш отряд в Толозе, когда тут и своих вояк хватает?

Мне, как сотнику, объяснили: провинция обуяна настоящим умопомешательством из-за бродячих проповедников новой, неизвестной прежде веры. Они хулят жрецов Митры и Иштар, говорят, будто не следует платить подати в казну и смущают сладкими речами как мужланов, так и дворян.

Я сам на днях слышал, будто двоих «Совершенных» (так у фатаренов называются посвященные жрецы) принимал в своем замке граф Раймон. Ну а на улицах их встретить — дело совсем нетрудное, ходят они свободно, а многие горожане считают честью приютить в своем доме нищего проповедника.

Графа Люксэ обязали следить за порядком в Толозе и, если понадобится, применить силу для защиты «интересов короля». Все бы хорошо, только нас слишком мало...

В тот день мне не надо было заниматься караулами в цитадели, а потому я переоделся, сбросив темно-зеленое блио полка боссонских арбалетчиков и избрав обычную одежду горожанина. По опыту выяснено, что если не хочешь нажить неприятностей, по Толозе лучше расхаживать в статском платье.

Граф Люксэ поручил мне прогуляться в город и выяснить, каковы умонастроения у здешних торговцев и мастеровых, благо я сравнительно неплохо разговаривал на полуденном диалекте. Под простую коричневую котту я все-таки за-

прятал кинжал и три метательных ножа — так оно спокойнее, а предусмотрительность еще никому не вредила. Тем более, в городе, стоящем на грани бунта.

Цитадель стоит на самой вершине холма, и это не слишком хорошо — у нас нет доступа к реке, а строители укрепления не озаботились пробить в твердом грунте колодец. Посему на случай возможной осады граф копил продовольствие и приказывал каждодневно пополнять запас воды в громадных ставедерных бочках, стоявших под навесом во дворе. Черпать гнилую вонючую воду из рва, окружавшего цитадель, было невозможно — этой густой зеленовато-желтой смрадной жижей даже подыхающий от жажды вурдалак не прельстился бы.

Я миновал стражу у раскрытых ворот нашей крепостицы, кивнул десятникам, сказал, что вернусь ко второму полуденному колоколу и зашагал через обширную и пустую площадь вниз, к берегам реки и речной гавани — именно там находилось средоточие толозских таверн, купеческих рядов и рынков. Толоза — город торговый, сюда стекаются золотые ручейки как с Полудня, так и с Полуночи. До устья впадающего в полноводный Хорот притока Арье всего десять лиг, а как известно, Хорот является главной купеческой дорогой Аквилонии. Корабли под самыми разными вымпелами приходят в Толозу каждодневно, зимой и летом. — здесь река не замерзает, слишком тепло.

Толоза по виду обыкновенный город, каких

много на Полудне. Дома выстроены из добывающегося неподалеку розового камня, крыши непременно черепичные, причем плитки самого разного цвета: коричневые, красноватые, желтые, серые и даже синеватые. Очень много цветов — любая уважающая себя хозяйка содержит палисадник, а если такового нет, то украшает ящиками с цветами подоконники.

Самые большие здания принадлежат цехам мастеровых и почти бесчисленным купеческим гильдиям — от флагов и гербов в глазах рябит. Дворяне, увидев такие гербы начали бы презрительно кривиться — ткачи, например, избрали своей эмблемой прялку и веретено в окружении льняного венка, — но в Толозе ремесленники сильны и уважаемы, их старшины частенько выбираются на должности вигуэров. Причем строптивый совет вигуэров частенько ссорится с графом Раймоном, но до столкновений или, упасите боги, оружия, дело никогда не доходит — любит народ своего графа, а с милым побраниться, только потешиться...

Самые большие постройки в центре города — два митрианских монастыря и огромный храм под белым с золотом куполом. До недавнего времени настоятелем храма был верховный жрец Пуантена, но прошлым летом городской магистрат приказал ему покинуть город — жреца и его окружение обвинили в стяжательстве и многих других грехах, неприличествующих служителю Митры.

Тот отказался, и тогда горожане выгнали жре-

ца вместе со свитой силой — ему пришлось уехать в Гайард, под защиту герцога Просперо. Хорошо не убили, а ведь и такое случается. Злые люди на митрианцев.

Непорядок в нижнем городе я заметил сразу. Сейчас вроде бы разгар дня, люди должны быть погружены в труды — торговать, работать в мастерских, разгружать пришедшие утром в гавань корабли. Но ничего подобного! Возле монастыря Посоха Святого Эпимитриуса вовсю бушевала изрядная толпа, голов в триста, а может и больше. Я и решил посмотреть, что такого интересного случилось.

Оказывается, на высоком мраморном всходе ведущем в обитель сцепились в яростном словесном поединке двое. Первый, в белоснежном с золотом жреческом облачении, пухлый и краснолицый — явно занимал в монастыре высокую должность. Второй был совсем другим. Лик имел бледный, иссушенный, ни одной мягкой линии — сплошные углы, изломы, тени. Только огромные глаза горят неистовым светом. Одежда донельзя простецкая — потрепанная сероватая хламида из грубой холстины, подвязанная веревкой, ноги босые, голова непокрыта. Но горожане поддерживают криками именно его, а не разодетого в шелка жреца из обители.

— Что тут такое делается, почтенный? — я подтолкнул локтем оказавшегося поодаль булочника, чьи рукава были густо присыпаны мукой. Сказал, ясное дело, на местном наречии приправив фальшивым зингарским акцентом — у меня

хорошо получается передразнивать подданных Кордавы. — О чем спорят?

— Как же, ваша милость, тут благочестивый Добрый Человек, Совершенный именем Госелин, пытается толстопузым монахам истину рассказать, а они слушать не желают, бестолочи ленивые...

«Истину рассказать»? — про себя усмехнулся я, но лицо сохранил серьезным. Протолкался ближе, вслушался. Совершенный Госелин и монахи увлеченно орали:

— ...Чьей волей Кхарию поганую в руины обратили, чьим поспешествованием зломерзких духов Черной Бездны из нашего мира исторгли, благоденствие для людей установили? Не волею ли Митры Солнечного да слуги его Эпимитриуса, направивших мечи первых королей против гнусностей Ахерона? — надрывался митрианец, стараясь, чтобы его слышали все собравшиеся. — Или ты будешь отрицать, что всеблагодатная Митра есть податель добра и света?

— Почему же, — возражал на то Госелин. — Света — может быть, на солнце посмотри! Но добра? Вы ведь сами говорите, что Митра среди прочих богов в сотворении тварного мира участвовал!

— Взгляни на чудеса и прелести тебя окружающие! На синее небо, на пышные деревья, на красоту людей и творений рук человеческих! Скажешь, что все это — зло?

— Не могут бесконечно благие и добрые боги сотворить ничего злого и несовершенного! Иначе

придется утверждать, что благие боги сотворили и допустили, чтобы нас окружали смерть, кровь и боль, наводнения и пожары, моровые поветрия, гибель младенцев и жен, кормящих сосцами и носящих во чреве, насилие над девами, увечье мужей и бесконечные войны, стирающие с земного лица твою плотскую «красоту»! Разве могли неизъяснимо добрые божества, которым вы поклоняетесь, будто поганым языческим идолам, сотворить вселенную плоти, исполненную боли и тлена? Разве могло выйти из их кузнечного горна твое жалкое страждущее тело, беременное собственной смертью? Кто твои боги? Не стыдись, назови настоящие имена Митры, Иштар, Эрлика и всех прочих! Вот они — смерть, тлен, разложение, гибель! Зло! И вы, митрианцы, только плодите зло на земле, умножаете его бесчисленно!

— Так в чем же по-твоему призвание человека? — монахи на вопросы не ответили, но и сдаваться пока не собирались.

— Все мы — в плену плоти! — поднял голос Госелин и площадь замерла в безмолвии. — Ношение этого смертного тела, обремененного немощами, слабостями, подверженного болезням и тлению, — и есть истинное, первоначальное зло, первородная тьма, поглотившие наш бессмертный и бестелесный дух, сотворенный в начале мира и от зависти заточенный злыми божествами в плоть! Немой и слепой, наш дух помнит еще блаженство горней обители Изначального Света, где нет ничего тлетворного, где не жрет нас червь и не точит время! Вот наше призвание —

окончить телесную жизнь в чистоте и искать средства ко скорейшему разрешению человека от бременной земной оболочки!..

Я, конечно, верю в богов и всегда делаю приношения Митре и Иштар, но в тонкостях мудрой науки теологии не разбираюсь, неучен. Можно даже сказать, что я полный невежда, как большинство наших солдат, знакомых только с искусством убивать врага, способных лишь винопийствовать, да блудить по беспутным девкам. Митрианец я не ревностный, книг Эпимитриуса не читал, знаю только, что убивать без повода, а так же вершить прочие злые дела нехорошо — тогда на Серых Равнинах будет тебе не одуховление, а сплошная мука, как воздаяние от Нергала Справедливейшего за непотребную жизнь.

Речи Совершенного Госелина меня смутили — уж больно красиво словеса плел, не разрубишь... Теперь понятно, отчего ересь фатаренов столь много умов к себе привлекла! Кому не захочется после смерти тела вернуться в обитель Первоначального Истинного Света, где нет никаких невзгод и горестей, голода и смерти!

Красивая вера, привлекающая. Но в глубине души я чувствовал — что-то Госелин перевирает или нарочно недоговаривает, есть в учении фатаренов некая изнанка, видеть которую простецам не дано...

Пока я раздумывал, события встали на новый путь — монах в ответ на обличения Госелина только невнятно кудахтал, попеременно краснел, бледнел и зеленел. Совершенный ему и слова

единого вставить не давал — развернул перед раззявившими рты горожанами цветастую картину того, как митрианские монахи в своих обителях копят бесчисленные сокровища, собранные обманом на потребу «злым богам», потворствуют устремлениям нечистой плоти, пьянствуя и развратничая, как захватывают земли, где держат крестьян в безмерной униженности, заставляя их работать от зари до зари, а сами, сытые и вином надувшиеся, кладут требы идолам божеств, создавших грязный и срамной тварный мир...

И на статую Митры, площадь перед монастырем украшавшую, перстом указывал.

Началось все внезапно, будто летняя гроза. Я успел заметить, как с полдесятка молодых и не слишком людей, стоявших прямо перед монастырской лестницей растворились в толпе, потом вдруг на мраморное изваяние Солнцезарного были накинуты петли, словно заранее заготовленные... Одна из мужланок запустила в оцепеневшего монаха огрызком яблока... Площадь как взорвало! Только квадранс тому люди были спокойны и не без интереса слушали многоученные переругивания двух жрецов, а тут словно с цепи сорвались!

Статуя рухнула почти сразу, разбившись о мостовую. Те же незаметные серенькие личности выдернули Совершенного с обширного крыльца монастыря и куда-то увели, митрианский жрец едва успел скрыться в дверях и захлопнуть тяжелую створку. В окна обители моментально полетели осколки изваяния Митры и камни, которые

люди начали выковыривать из мостовой. С соседних улиц начали набегать любопытные, тут же втягивавшиеся в общее нехорошее веселье. Раздались крики:

— Гнать толстопузых из Города! Голышом! Бей!

Я служу в гвардии не первый год, с народными мятежами сталкивался еще во времена Нумедеса. Понимаю, чем это может грозить. Обычно, сцепившиеся с горожанами дворяне давали возможность народу за день-другой выпустить пар и вволю погромить винные лавки, а затем попросту вводили в город армию, противостоять которой торгаши и мастеровые не в силах, ибо ратному делу никогда не обучались, а связываться с военными желания у них обычно не возникает. Но сейчас это был не обычный бунт. Хотя бы потому, что в толпе появились люди, вооруженные настоящими мечами и даже арбалетами. В некоторых я узнал переодетых в простые одежды копейщиков гвардии графа Раймона.

Не без труда выбравшись с кипящей площади, я со всех ног ринулся к цитадели. Граф Люксэ должен знать, что его опасения подтвердились, и если не начать действовать немедленно, мятеж уже не остановишь. Особенно, если его исподволь провоцировал Раймон, владетель Толозы...

* * *

Вроде бы, по всем правилам военной науки, усмирить разбушевавшихся горожан сравнительно нетрудно. Две причины я уже назвал — ору-

жия у них мало, да и слишком трясутся они за свои драгоценные лавки да мастерские, которые в запале можно и пожечь. Горожане — существа по природе своей домовитые и жадные, их даже проповеди фатаренов не изменят: товары да накопленное годами добро куда дороже бунтарского пыла.

Бунт прогорит, иссякнет за день, а вот золото да лавка останутся внукам. Едва завидев конного латника горожанин тут же запрется в доме и вылезет из своей норы только когда на улицах снова станет спокойно.

Так рассуждал и граф Люксэ. Едва я принес весть о том, что началось возмущение и толпа собирается погромить митрианские монастыри, граф распорядился собрать всех, кроме десятка гвардейцев, долженствующих оберегать цитадель от непрошенных гостей. Лошадей оказалось недостаточно — на них усадили только дворян с оруженосцами, арбалетчики и мечники гвардии остались пешими. Но и восемь десятков отлично вооруженных аквилонцев представляют преизрядную силу. Думается, добрые жители Толозы узрев сие воинство мигом напустят в штаны и разбегутся.

Сложнее с вояками графа Раймона, замеченными мною в толпе, но командир гарнизона предположил, что они там очутились всяко не по приказу господина — Раймон не может пойти на подобное вероломство, знает, каковы во гневе король Конан и великий герцог Просперо. Я хотел было возразить, что король и наследник венца

Гайарда далеко, а толоский граф — вот он, перед нами, со всеми своими силами. Люксэ только отмахнулся.

Мы вышли в город. Всадники с пиками пустили лошадей рысью, остальные бежали рядом с кониками. Мы спешили. За три квартала до площади, где стояли митрианские обитатели, граф приказал мне провести арбалетчиков по соседней улице, чтобы ударить бунтовщикам во фланг и отсечь возможные пути к бегству — зачинщиков следовало задержать и немедленно повесить, в назидание прочим. Еще Люксэ настрого запретил палить из арбалетов по толпе без надобности — лишние жертвы не нужны. Бить только тупыми концами пик или эфесами меча.

На дальних улицах народ, как и полагается, в страхе разбегался — видели, что гарнизон цитадели шутить не настроен, раз уж вооружился до зубов и облачен в кольчуги и шлемы. Ставни захлопывались, обыватели исчезали в дверях и арках домов с похвальной быстротой, улочки пустели на глазах. Но на площади и рядом с ней все было решительно по-другому.

Откуда в городе взялись хорошо вооруженные конники, мы не поняли. На коттах — никаких гербов или эмблем, но видно, что это местные. Мой отряд внезапно рассекли надвое полтора десятка всадников, выскочивших из боковых проездов. Ударяли остриями копий, как в настоящем бою, троих арбалетчиков положили сразу. Я зорал, отдавая приказ стрелять, но было поздно — нас начали теснить, не давая зарядить оружие.

Пришлось отбиваться клинками, что не очень-то сподручно против всадника. Если не сказать — бессмысленно.

Мы начали отступать к верхней части города, особенно когда из проулков посыпались простецы, вооруженные кто чем — от мясницких ножей, до вил или старинных заржавленных пик. Против этого сброда мы бы устояли, но горожан оказалось слишком много.

У графа Люксэ дела обстояли ничуть не лучше. Несколько наших всадников сбросили с лошадей при самом въезде на площадь — внезапно натянули между домами толстый канат, кони споткнулись и повалились вместе с наездниками, образуя жуткую куча-малу. Тут же с крыш полетели тяжелые стрелы, способные пробить доспех. Сзади ударили доселе прятавшиеся по дворам простецы.

Люксэ, участвовавший не в одной войне, понял что запахло жареным и приказал прорываться обратно, к цитадели. Уцелевшие рыцари смели беспорядочный строй мужланов и сумели на галопе уйти. Граф потерял троих дворян и девять оруженосцев.

Над монастырем Посоха Эпимитриуса начал подниматься густой масляный дым. Над площадью метались вопли монахов. Толпа ревела, будто многоглавое чудовище, выползшее из самых кромешных глубин Черной Бездны.

Мой отряд едва успел ворваться в цитадель — нас преследовали. Едва последний боссонский арбалетчик проскочил в крепость, с грохотом опу-

тилась окованная сталью решетка, гвардейцы запахнули ворота и заскрипели тяжелые блоки — надо рвом поднимался мост.

Под стенами уже рычали собравшиеся там добрые жители Толозы. Гул стоял такой, что казалось ураган надвигается. Мы стояли у запертых ворот не живы ни мертвы от радости — спаслись! Выковырять аквилонский отряд из цитадели торговцам и мастеровым не по силам, а скоро появится граф Раймон со своими дворянами и...

— И — что? — Люксэ посмотрел на меня яростно. — Ламбер, ты хоть понимаешь, что это было не просто стихийное возмущение? Откуда в городе верховые латники? Вооруженные не хуже любого рыцаря? Почему простецы взялись за ножи и действовали так слаженно, словно нападение на нас было заранее спланировано? Боги милостивые, мы теперь взаперти... Сотник, разберись с ранеными, потом живо ко мне!

А чего мне разбираться с ранеными? Я ж не лекар какой, я солдат короля. Кликнул нашего митрианского жреца, целительскому искусству обученного, в его распоряжение отдал восьмерых девок, из шлюх обозных, что при цитадели целыми днями ошивались, себе на приданое пышными телесами зарабатывая. Жрец поморщился, но возражать не стал — у девок не только главная принадлежность потаскух, но и руки при своем месте были: умели с ранами возиться, не первый год при войске состоят, насмотрелись.

Целыми и невредимыми у нас осталось семьдесят два человека, способных держать в руках

меч. Шестнадцать погибли в городе или были пленены, четырнадцать ранены, кто тяжелее, кто легче. Продуктовых запасов — на пять седмиц. Ну, лошади еще есть, а сена два полных сарая... Воды — девять полных бочонков. Если экономить, все припасы можно растянуть до первой зимней луны. А ключи от амбаров я спрячу, чтоб никто в искушение при случае не впал.

Подбежал десятник, из наших — боссонцев. Лицо красное и встревоженное:

— Ламбер, тебя их светлость немедленно требует. Чтoб бегом! Раймон припожаловал, говорить хочет.

Бегом не побегу, набегался уже сегодня вдоволь. Но поспешить — поспешу.

Забрался по крутой лестнице на тяжелый квадратный барбикен. Люксэ со всеми дворянами уже тут. Арбалетчики за зубцами спрятались, болты на ложах, тетивы натянуты. Стрелки приказа ждут. А под стеной, на открытом пространстве меж домами и цитаделью, рог боевой истощно орет. Знакомый сигнал — к разговору нас вызывают.

Точно, десятник не ошибся. Граф Толозы Раймон VI собственнoлично, с охраной в виде пяти гербовых рыцарей, оруженосцем и герольдом. Под развернутым знаменем — на красном поле золотое четверолистье, вроде как крестообразный клевер, окруженный двенадцатью золотыми горошинами: герб светлейшего графа.

Граф немолод, за пятьдесят лет перевалило, но волосом доселе не поседел, стать сохранил — ху-

дошав и гибок. Рядом с ним сын и наследник его — точное подобие папаши, разве что выглядит совсем юным. Смотрят снизу уверенно и с едва заметной насмешкой. Что мол, северяне, попались?

— ...Прибыл я к тебе, достойный граф Люксэ, друг и дальний родич мой, спросить, отчего слуги короля нарушили спокойствие моего города и подданных, почему бросились на них с оружием и убивали невинных? — прозвучало из-под стены. — И хочу получить разумный и скорый ответ.

Люксэ аж рот открыл, такого не ожидал. Оказывается, мы теперь во всем и виноваты. Нашел крайних!

— Я призван королем оберегать достоинство и жизнь всех подвластных Трону Льва людей! — проорал Люксэ так, что сидевшая на соседнем зубце башни ворона сердито каркнула и взлетела, уронив перо из хвоста. — В городе случился бунт, распаленные проповедями фатаренов жители Толозы напали на митрианский монастырь... Я, следуя данному королем и великим герцогом Пуантена праву, был вынужден оборонить монахов от нападения! Но твои горожане, Раймон, атаквали гвардейцев короны, многих убили и ранили! Именем короля я требую, чтобы ты отыскал виновных и достойно наказал их!

— Бунт? — невинно улыбнулся Раймон. Было видно: он нарочно ищет ссоры. — Где бунт? Какой? В замок Нарбонет явились с жалобой лучшие люди города, достойные вигуэры и старшины цехов. Сказали, что ты мечами своих солдат

убиваешь безоружных, покушаешься на любимых народом благочестивых проповедников! Мне донесли, что монахи из обители Посоха Эпимитриуса надоумили тебя показать силу! Их вина доказана и теперь имущество монастыря подлежит проскрипции в пользу... в пользу города и всех, кто пострадал от твоих безрассудных действий!

«В пользу города, ждите, как же, — мелькнула у меня мысль. — Сам, небось и наложил лапу на сокровищницу обители! То-то твои копейщики там мелькали...»

Люксэ был мрачнее тучи. Понимал, что мы крепко влипли. Обеими ногами. И что организатором бунта оказался куртуазный и благовоспитанный Раймон, который только и дожидался повода к выступлению.

— Я выпущу из цитадели всех дворян и позволю им уйти, — размеренно глаголил граф Толозы. — Без лошадей и доспехов. Из гарнизона повешу каждого седьмого — город требует отмщения за невинную кровь, пролитую именем аквилонского короля. Мы всегда были добрыми подданными Трона Льва, но когда власть Тарантии превращается в тиранию, оставляем за собой право защищаться. Не думаю, Люксэ, что ты найдешь в городе хоть одного сторонника. Решай! Примешь мои предложения — уйдешь с миром.

— А если нет? — поинтересовался граф, кривясь в злобной усмешке.

— Мы возьмем цитадель и повесим всех. За преступления перед Толозой, ее народом и сувереном!

— Нападение на слуг короля будет означать, что ты открыто изменишь престолу и объявишь войну Аквилонии, — последний раз попытался вразумить Раймона наш командир. — Это не Рокд, мятеж будет считаться незаконным и преступным! Ты уже встал на путь, ведущий к эшафоту, Раймон! Почему? Зачем ты это сделал?

Граф Толозы не ответил. Он преспокойно развернул коня и направил его к нижнему городу. Понимал ведь, что мы не сдадимся ни под каким видом.

— Началось, — помертвевшим голосом прооронил Люксэ. — Не думал, что это случится так скоро... Ламбер, надо подготовиться к долгой осаде. Любым способом следует переправить человека из цитадели в город — пусть скачет в Гайард или Тарантию, известит. Мы будем держаться, пока не подойдет армия короля.

— Подумаю, — кивнул я, понимая, что выполнить это будет непросто. Цитадель уже взяли в плотное кольцо, мышь не проскочит. Я решил, что сейчас самое время обратиться за помощью к богам, добрые они или злые: — Эй, десятники! Всем собраться на дворе перед часовней! Жреца туда же позовите! Попросим Митру об избавлении!

— Никаких жертвоприношений, — тихо, чтобы никто не слышал, сказал мне граф. — Через четыре седмицы осады самая тощая курица окажется ценнее слитка золота!

— Ваша светлость, что же я, не понимаю?.. И вот еще: пусть боссонцы пока постоянно дежурят на стенах и бьют из арбалета любого, кто подой-

дет к стене! Раз началась война, щадить врага смысла не вижу!

— Согласен, — кивнул Люксэ. — И пусть на донжоне поднимут королевское знамя Аквилонии, а вымпел Толозы сбросят в ров — нам он более ни к чему...

* * *

Последующие два дня цитадель почти не беспокоили. Так, больше баловались — постреливали навесом из луков, собрали в двухстах шагах от стены небольшую катапульту и попытались запустить по барбикену тяжелыми булыжниками, но силы механизма оказалось недостаточно и камни бесславно рухнули перед воротами, поняв столбики пыли. Подтаскивать катапульту ближе горожане не решились — арбалетчики оставались настороже, а боссонцы славятся своей меткостью. Граф Раймон больше не появлялся, своих людей для переговоров не присылал и вообще делал вид, будто его в Толозе и вовсе нет, а ссора жителей города с королевским гарнизоном это сугубо их личное дело.

На следующее после начала осады утро мы провели небольшой совет, в котором участвовали месьор Люксэ (кстати, на наречии Полуденного Пуантена вежливое обращение звучит не «месьор», а «мессен»), я сам, как сотник пешего войска, и двое самых опытных десятников. Думали, как отправить гонца и кого именно выбрать. Никто из боссонцев не подходил — выглядят нездешни-

ми, все как на подбор светловолосы и светлоглазы, а обитатели Пуантена в большинстве смуглые и темны головой. Да и рожи наши в городе примелькались. И тут меня внезапно осенило:

— Ваша светлость, а если одну из девок отправить?

— Чего? — вытаращился граф. — Ламбер, ты не заболел, случаем? Девку?

— Именно! Вот, к примеру, Аньес из Танасула. С нашим отрядом уже три года, верность свою доказала — помню, во время стычек с пиктами на Черной реке донесения в соседние форты запросто переправляла, да с ранеными сидела, да еще луком неплохо владеет... И ножом. Сушная амазонка, хотя шлюха первостатейнейшая.

— Может быть, ей просто нравится такая жизнь?.. — неопределенно пожал плечами граф и усмехнулся. — Впрочем, почему бы не попробовать? Зови свою Аньес, гулящую девицу из Танасула! Посмотрим, на что она годна!

Означенную гулящую девицу немедленно явили пред светлые очи его светлости. Люксэ только губы поджал, чтобы не рассмеяться, но Аньес сию гримасу приняла как презрительную. Надулась.

Дева была знатная, ничего не скажешь. Рост имела высокий, в три с половиной локтя и одну ладонь. Ликом была пригожа, губами пухла, глазницы огромные, будто плошки. Статью не обделена — шнурки на пышном лифе едва сходятся, но толстой Аньес никак не назовешь, скорее крепка и в кости широка. Волосы у нее темные, загар на лице — от местных не отличишь. Одева-

ется не слишком богато — много ли золота из наших солдат на тряпки вытянешь? — однако и дешевой потаскухой из гавани никак не выйдет. Знает Аньес себе цену — все-таки при гвардии состоит. Как это невинно именуется в донесениях начальству, «маркитанткой». Может и прав светлейший граф: нравится ей жить с нами.

— Дело к тебе есть, Аньес, — серьезно сказал Люксэ. — Справишься — дворянство получишь, обещаю...

И рассказал все, как есть. Надо отправиться в Гайард, рассказать о случившемся в Толозе Великому герцогу Просперо. Если нет его в городе, придется ехать в самую Тарантию, ко двору короля Конана.

— Да кто ж меня к королю пустит? — справедливо заметила Аньес. — Ведь пинками от дворца прогонят!

— Перстень покажешь, — Люксэ, морщась, стянул в пальца украшенное сапфирами кольцо, с гравированными леопардами Пуантена. — Скажешь, что спешное сообщение, мятеж мол на Полудне. Поняла? Только смотри, чтоб перстень этот в чужие руки не попал.

— Так спрячу, Бел Обманщик не отыщет, — уверенно заявила дева, а десятники мои ухмыляться начали. — Только как вы меня из цитадели выпустите?

— Ламбер что-нибудь придумает...

Вот так всегда. Самое сложное искони достается сотнику, будто он в крепости самый умный. Хотя... Выход есть, причем очень простой!

— Ваша светлость, поднимите на барбикене желтый вымпел, пусть осаждающие на переговоры подойдут, — сказал я графу.

— Зачем?

— Скажем, чтоб отошли на время от стен — надо выпустить конюхов из толозцев и беспутных девок. Не погибать же им вместе с нами? Пускай в цитадели только военные останутся!

— Вряд ли согласятся... — покачал головой Люксэ. — Но попробовать можно.

Увидев призывающий к переговорам вымпел, ко рву подъехал один из вигуэров Толозы — он от имени графа Раймона командовал осадой. Выслушал. И неожиданно согласился — жалко ему было своих горожан в крепости оставлять, а уж нам они совсем не сдались: того и гляди нож в спину всадят.

С тем горожане отошли от крепости подальше, мы опустили мост, открыли в воротах калитку и вытолкали наружу всех пожелавших уйти девок вкупе с Аньес, да прислугу нанятую в городе. Я только сплюнул, заметив что бывших пленников цитадели даже не обыскали — слуги были своими, толозцами, а со шлях спроса вообще никакого. Видно, что вигуэр военного опыта не имел и на наше счастье излишней осторожностью не отличался.

Аньес унесла с собой графский перстень, упрятанный в самом что ни есть потаенном месте, и кошелек с полусотней серебряных, полусестерциев — пригодятся, путь-то неблизкий.

А мы остались в крепости — ждать.

* * *

Скверное началось на закате второго дня. Такое и в дурном сне не привидится.

Поначалу на широченной площади перед цитаделью появились всадники, числом до двух десятков, среди них мы заметили сына графа Раймона. Потом начал собираться народ — возбужденный, вопящий что-то неразборчивое. С высоты люди казались крошечными фигурками, с фалангу пальца, не более. Мелькали длинные одежды землистого цвета — жрецы фатаренов почтили нас вниманием.

Граф Люксэ поглядел с башни вниз и сказал, чтоб я караулы не удваивал — ночью нас штурмовать никто не будет, горожане к взятию крепости совершенно не готовы. В крайнем случае отобьемся арбалетными залпами.

Стемнело. На площади загорелись факелы — много, не сосчитаешь. Было видно, что толпа собралась немаленькая. К самому замку, однако, никто не приближался — слишком опасно. Шумели в отдалении, возле городских домов. Мои стрелки, находившиеся на стенах, тревожных сигналов не подавали.

— Что они там вытворяют? — гадал граф, когда мы собрались перекусить во дворе — под навесом был поставлен стол со скамьями. К тому же в комнатах замка душно, солнечные лучи днем нагрели камень и теперь он щедро отдавал тепло. — Будто взбесились! Небось опять фатаренские проповедники народ смущают...

Бум! По дощатому навесу что-то с силой ударило, прилетевший из-за стен круглый снаряд не поломав досок упал на камни двора и покатился к бочкам с водой. Десятник боссонцев бросился туда — поглядеть.

— Митра Могучий, убереги!

Голова. Отрубленная человеческая голова, вся вымазанная свежей, еще не подсохшей кровью.

И тут же на цитадель посыпался настоящий град. Головы, руки, ноги. Некоторые слегка тронуты тлением, некоторые еще сегодня принадлежали вполне живым людям.

— Боги милостивые, это... это же монахи из обители! — ничего не выражающим голосом проронил граф, подняв рухнувшую прямиком к его подошвам кисть руки. — Видите, железное кольцо на пальце? Такие носят все митрианские монахи, в знак принадлежности к братству.

— Если король узнает... — скрипнул зубами я. — Ох, кому-то несдобровать!

Все наши гвардейцы высыпали во двор. Молчали, сжимая ладонями рукояти мечей. Лица у многих в кровавых каплях. Люксэ с надеждой посмотрел на меня — не знал, что делать и говорить.

— Бочки с водой укрыть холстиной! — я понял, что если не занять людей любой работой, они не сдержатся и без приказа ринутся в бой. На глаза попался один из рыцарей графа, вроде бы разбиравшийся в механике. — Месьор Ангерран, возьмите два десятка стрелков, спуститесь в подвал — там лежат разобранные осадные ору-

дия! Поставьте на барбикене баллисту — ответим Толозе своими снарядами! Остальные — марш к котлам со смолой, разводите огонь! Живо, бестолочи! Бегом!

Граф Люксэ молча кивнул, одобряя мои действия. Прибежавшего на шум бледного жреца я заставил собрать в корзины все разбросанные по двору останки его братьев и отнести в часовню — утром похороним в палисаднике.

Жуткий обстрел прекратился и я взобрался на башню, посмотреть, что происходит внизу, в городе. Ага, оказывается добрые жители Толозы приволокли еще одну катапульту, покрупнее — ее силуэт видно в свете факелов и разведенных на краю площади костров. Вот откуда к нам прилетели окровавленные снаряды.

— То ты собираешься делать, Ламбер? — спросил меня подошедший граф. Рядом гвардейцы собирали деревянное ложе баллисты, месьор Ангерран руководил и, как кажется, знал толк в орудийном ремесле. — Толпа обезумела, никто в здравом уме не догадался бы до... такого.

— Это именно *толпа*, ваша светлость. И обращаться с ними мы теперь будем как с толпой. Толпой безумных скотов.

— Но ты же не собираешься вернуть им... части тел?

— Не собираюсь, — огрызнулся я. — Ваша светлость, не мешайте. Ночным караулом команду я. И здесь идет война.

Люксэ собрался было что-то возразить, но здравый смысл взял верх и граф спустился с

башни во двор цитадели, присмотреть за смоляными котлами, которые уже начали побулькивать.

В Пуантене войн не было давненько, со времен большой стычки с Зингарой при царствовании деда нынешней королевы Чабелы и аквилонского короля Вилера. Однако, все располагающиеся рядом с границей крепости по военному уложению должны припасти все необходимое для отражения возможного нападения. Цитадель Толозы исключением не являлась, и до нашего появления у нее были рачительные хозяева. Едва прибыв в крепость я проверил оружейные склады и нашел, что они в превосходном состоянии. Кое-что из запасов придется использовать сегодня ночью.

Я нарочно дожидался самого глухого предрассветного часа, когда даже самые отъявленные буяны отправляются спать. Луна зашла, небо на восходе едва начало бледнеть. На площади вяло догорали костры, человеческих голосов слышно не было. Умаялись, мерзавцы...

Баллиста действовала безупречно, механизм был смазан свиным салом, тетива огромного самострела натягивалась с трудом, что гарантировало большую дальность стрельбы. Теперь следовало подготовить снаряды.

Это было зингарское изобретение, отлично показавшее себя уже не в одной войне. Вместо тяжелого стального наконечника на оконечье стрелы баллисты устанавливался продолговатый конусообразный сосуд из мутного стекла. В него на

две трети заливалась горячая смола и на треть — прозрачная горючая жидкость, получаемая при перегонке «земляного масла», которое выходит на поверхность в некоторых областях побережья Полуденного океана, образуя черные безжизненные поля. Затем в сосуд вставляется горящий фитиль, тяжелая и длинная стрела утверждается на ложе баллисты...

Очень эффектно получилось, скажу я вам! Первый же снаряд улетел далеко за ближайший ряд домов, ударил в здание находящееся во втором или третьем от цитадели квартале, сосуд лопнул и к небу поднялся оранжевый клуб жидкого пламени. Да, стены домов в Толозе каменные, но перекрытия-то деревянные! И хозяйственные постройки во дворах тоже выстроены из дерева! И склады в гавани тоже, да только наша баллиста никак до них не достанет. К сожалению.

За квадранс мы успели выпустить семь огненных стрел. А потом еще пять.

— Ну и кашу ты заварил, Ламбер, — сказал месьор граф, наблюдая за разгоравшимися в предутренних сумерках пожарами. — Теперь нас живыми отсюда точно не выпустят. Однако, красиво...

Полностью согласен с его светлостью. Это было очень красиво. Оранжевое зарево над черным городом.

Над Толозой начал подниматься тоскливый вой собак, почуявших большую беду.

* * *

День двенадцатый.

Дела в цитадели не так, чтобы совсем плохи, но и не блестящи. Пищи и воды у нас пока хватает, голодными не остаемся. Еда однако, в рот не лезет — Раймон и его псы решили истребить королевский гарнизон другим способом, совершенно не рыцарским. Впрочем, в войне все средства хороши и я начал понимать, что этот не менее действенен чем все прочие.

Катапульти добрых жителей Толозы начали забрасывать крепость всяческой немыслимой мерзостью. Дохлые кошки или крысы. Бочонки с дерьмом, вычерпанным из выгребных ям. Начавший разлагаться ливер домашнего скота — они что, нарочно оставляют его гнить под солнцем на несколько дней?

Отлично понимаю, почему Толоза так на нас окрысилась — мы сожгли почти четверть города. Горожане и вояки графа Раймона в отместку тоже пытались предать цитадель огню, но не успели. В крепости все строения каменные, горшки с зингарским огнем разбивались о гранитные блоки и смесь прогорала на голом камне. Единственно, погибли трое моих арбалетчиков, попавших под огненный дождь и сгоревших живьем — погасить смесь водой невозможно, пока все не выгорит, пламя не остановишь.

Так или иначе, у подданных Раймона VI потерь куда больше. Той памятной ночью пожар занялся сразу в девяти кварталах, горожане боро-

лись с огнем трое полных суток и смогли остановить его только разрушив дома между верхним городом и кварталами прилежавшими к гавани — пламени помогал сильный ветер с реки.

Толоза пылала пышно, дымов наверняка видели за много лиг от города. Вот никогда бы не подумал, что одна баллиста с прислугой в пять человек может причинить такие разрушения! Сгорело до сотни домов, склон холма от цитадели до схода к речной гавани теперь выглядит огромным неровным пятном черно-серого цвета — угли да пепел.

О том, сколько людей погибло в огне, я предпочитаю не думать: пожар начался под утро, неразбериха и паника стояла страшная, воду в бочках от реки подвозить не успевали, городская стража так и не поняла, что же случилось и не успела вывести с горящих улиц всех, кто пытался уйти от пожара.

Моими руками на мятежную Толозу обрушился гнев богов, которых она оскорбила. И я ничуть не жалею о случившемся — Митра и Иштар рассудят, кто прав, а кто виновен.

Сразу после пожара в городе граф Раймон принял штурм цитадели, но вынужден был отступить и понес большой ущерб в людях. Во-первых, все подступы к крепости теперь идеально просматривались, а значит и простреливались. Во-вторых, две сооруженные наспех из подручных материалов осадные башни не обили железными листами или шкурами забитых животных — стоило нам выстрелить сосудами со смолой, как

они вспыхнули, не приблизившись к стенам и на пятьдесят шагов.

От башен остались обугленные остовы, а уж что случилось с нападающими — не моя забота.

Мы все чаще смотрели на полуночный восход. Там, перед самой излучиной реки Арье, начинались равнины Аквилонии. И оттуда должна была прийти помощь.

Уж не ведаю, какая умная голова придумала использовать в качестве снарядов для катапульт наполненные дерьмом пивные бочонки, но готов поспорить — это новое слово в военном искусстве. При ударе о камень бочонок лопается и его содержимое выливается на плиты мостовой двора, растекаясь зловонной лужей. Хорошо бы прилетели один или два бочонка — прибрать можно. А если полсотни за день? Да к этому еще и корзинки с покрытыми какой-то жуткой слизью дохлыми крысочками?

В общем, спустя сутки после начала обстрела во двор цитадели лучше было не спускаться. Двое солдат на следующий же день заболели кровавым поносом.

Граф Люксэ сразу понял, что нас решили выморить и принял меры. Все припасы стащили в глухую, без бойниц, боковую башню — пусть хоть ливень из дерьма прольется, внутрь не проникнет. Туда же, кряхтя и надрываясь, переправили бочки с чистой водой. На двор спускаться запрещено — нечего в мерзости сапоги марать! Ночуйте в башнях или на стенах, ночи теплые, не померзнете! Себя блюсти в чистоте, воды пока

хватает! И чтоб не унывать! Король Конан и Просперо скоро придут!

Вопрос один: как скоро?

Шли дни, а горизонт оставался чистым. Дышать свободно можно было только на стенах, овеваемых ветром.

Несмотря на все предосторожности еще девятеро заболели — Раймон придумал новую пакость: швырял в цитадель клетки с живыми крысами. Те твари, что не разбивались при падении — а таких было множество, крыса зверь живучий, — заполонили замок и ночами пробирались к спящим людям и в башню с продовольствием, ища поживу. Спасения от них не было.

Мне подумалось, что граф Раймон и его вигуэры платят каждому горожанину за каждую пойманную живую крысу чистым золотом. И я не был далек от истины.

К окончанию второй осенней луны больше половины гарнизона замка были больны. Наш митрианский жрец не мог оказать им почти никакой помощи — припасенные целебные травки закончились. Четверо находились при смерти, один арбалетчик уже умер.

Мы с графом Люксэ начали подумывать о том, что надо выходить из цитадели и принять смерть в бою. Не гнить же здесь заживо?

* * *

Когда тебе плохо — ищи в мире красоту, и она спасет тебя от уныния. Эти слова святого

Эпимитриуса я помню с детства, так поучал прихожан жрец храма Митры в нашей деревне. Посему я встаю затемно, выбираюсь из комнатухи под самым потолком барбикена, иду наверх, на виду у всего воинства графа Толозы (впрочем, в такое время еще спящего) сажусь, свесив вниз ноги, на один из зубцов башни и встречаю рассвет.

Мне нравится смотреть, как небо на восходе меняет краски, как легкие облака становятся из серебристых розовыми и желтыми, а потом вспыскивают режущим глаз золотым огнем, истекающим из ока Митры, которым Лучезарный оглядывает смертный мир.

Если Митра создал восход солнца — он не может быть злым богом. Врут Совершенные. Зло никогда не создаст ничего красивого.

Начинался шестнадцатый день осады толозской цитадели. И нам он не принесет ровным счетом ничего хорошего. Прошлым вечером еще двое гвардейцев слегли с жаром и болями в животе.

Неожиданно сам для себя я задремал — усталость и вечно напряжение давали себя знать. Рассвет, конечно, пропустил.

Боевые рога заревели словно под ухом — я едва успел ухватиться за камень, иначе сверзился бы в ров. Протер глаза и воззрился на замок Нарбонет, который по ту сторону реки — оттуда и рычали призывные звуки. Не столько панически, сколько настороженно.

Что такое? Я сам себе не поверил: над главной башней резиденции графа Раймона поднимали

шесть вымпелов — три белых, три черных, три оранжевых. Знак Рокода — узаконенного мятежа против короля. Если король в чем-то оскорбил своих дворян и вассалов или ущемил из права, то благородные вправе начать мятеж и отстаивать свое исконное достояние силой оружия. Участников неудачных Рокодов не казнят — или прощают, или заточают в замках.

Трубы в Нарбонете зывали все настойчивее. Да в чем дело-то?

И тут я догадался посмотреть направо, в сторону холмов, окружавших Толозу.

Со склонов быстрой рысью лился непрерывный поток тяжелой конницы. Лучи восходящего солнца взблескивали на шлемах и остриях копий.

Зрение у меня, как и у всякого лучника-боссона острое. Вдаль вижу очень хорошо.

Сердце стукнуло два раза с перерывом, потом забило куда быстрее чем обычно: над головой кавалерийской колонны трепетали два лоскутка, синий и алый. На лазурном знамени серебрились три леопарда Великих герцогов Пуантена, а на красном...

На красном яростно скалился вздыбленный аквилонский лев в пятизубом венце. Королевский штандарт!

А по широкому серпу реки к городу приближались здоровенные боевые галеры под вымпелами гавани Тарантии.

— Они пришли! — не сумев сдержаться, в голос завопил я. — Поднимайтесь, олухи! Ваша светлость, граф, они пришли!

Вымпелы Рокода плескались над замком Нарбонет. Хитрая бестия этот Раймон — хочет придать всему происшедшему вид законности. Не выйдет!

В мыслях билось одно: «Ай да девица Аньес! Заслужила дворянство, как есть заслужила! Потаскуха проклятая, увижу — расцелую! Как в старые добрые времена, безжалостно и с наслаждением!»

Они все-таки пришли!..

7. Первый рассказ Зенобии

Розовый город на холме

*Вторая-третья осенние луны 1296 г.
Тарантия — Полуденный Пуантен.*

Кверное положение в стране... Можно сказать, почти критическое. Ничего подобного в Аквилонском королевстве не случалось со времен переворота против Нумедидеса или известного противостояния на Черной Реке. А уж тем более высокая корона много десятилетий не сталкивалась с организованным восстанием подданных Трона Льва сразу в нескольких графствах Полудня. Сведения о мятежах пришли одновременно из Великих герцогств Пуантен и Шамар, бунтом охвачены графства Толоза, Бигор и Коменж, в соседних областях тоже наблюдается возмущение народа и тамошние сеньоры готовы поддержать своих вассалов но пока, как поэтически выразился трубадур Фалькон Тарантийский, «в их душах тлеет лампада осторожности».

Пускай тлеет, целее будут.

Мой благоверный супруг, разумеется, в ярости и я полностью разделяю чувства Конана. Во-первых, фатаренская зараза привнесена в Аквилонию извне, появление этой «новой веры» связано с безумными действиями чужеземных честолюбцев, возжелавших заполучить свою долю от пирога власти. Во-вторых, за всю историю Заката ни единая религиозная проповедь не вызывала столь невероятной умственной лихорадки: в одной только Тарантии выстроено до полусотни храмов и часовен, посвященных самым разным божествам и последователи, допустим, Эрлика Меченосца, доселе никогда не ссорились с митрианцами, почитателями иранистанского Ормазда или богов Полуночи — в аквилонской столице существует довольно большая община нордхеймцев, почитающих своих богов, Вотана с Доннаром и Бальдуром.

И вплоть до нынешнего года между жрецами многочисленных храмов и их прихожанами не было ни единого конфликта из-за взглядов на религию — так по крайней мере утверждает весьма осведомленный барон Гленнор.

Подданные стран Заката всегда были исключительно веротерпимы. Но не теперь.

Мы, конечно, ждали выступления фатаренов, но не могли представить, что мятеж всего за несколько седмиц примет столь впечатляющие масштабы и что бродячих проповедников открыто и неистово поддержат крупные феодалы Полудня. Впрочем, приграничный Пуантен и в про-

шлом был настоящим рассадником смуты и вольнодумия, но до прямого противостояния с Троном Льва дело доходило крайне редко. Напомним, что почти полтора столетия назад владыки Пуантена заявили о выходе из состава Аквилонии — герцогам Гайарда не понравились действия короля Арнульфа V, который серьезно ограничил их самостоятельность. Арнульф долго не раздумывал и моментально отправил на усмирение бунтовщиков три пеших легиона, каковые быстро вразумили Великого герцога, доходчиво растолковав, что Аквилония — единая страна и неподчинение Трону Льва чревато крупными неприятностями. С тех пор в Пуантене случились два Рокода мелких баронов, окончившиеся ничем. Королевская гвардия быстро остудила горячие головы провинциальных дворянчиков и мятежные замки прямиком перед началом штурма самым коварным образом капитулировали — сдавшийся участник Рокода прощается и его не наказывают.

Первое известие о начале мятежа мы получили десять дней назад и, как ни странно, вовсе не от Латераны — на сей раз знающего все и обо всем барона Гленнора и его тайную службу неожиданно опередили. Об этой истории придется рассказать особо.

Тем утром в Тарантию приехал Просперо Пуантенский, доселе остававшийся в Гайарде и пытавшийся навести порядок в своем герцогстве. Впрочем, запретить фатаренские проповеди ему так и не удалось — бароны отказались изгнать

еретиков, обосновав это решение тем, что «Совершенные» ведут чистый и скромный образ жизни и имеют большое влияние на умы простецов, а коли мужланы вступятся за подвергнутых гонениям жрецов, бунта не миновать. Пусть уж верят, во что хотят — учение пророка Мэниха никакими законами Аквилонии не запрещено, каждый вправе сам выбирать в какого бога верить и каких проповедников слушать.

— ...Ты спи пока, — Конан соскочил с супружеского ложа на самом рассвете и начал быстро одеваться. За дверью его ждал гвардеец-посыльный, сообщивший о прибытии Просперо. — Дженна, я поговорю с Леопардом и приду в малахитовую гостиную. Спи, еще слишком рано...

Дверь в спальню затворилась.

Ничего себе — рано! Сквозь ажурные решетки, прикрывавшие окна замка короны вовсю пробивались лучи солнца поднимавшегося над острыми крышами домов Тарантии. Я родилась в Пограничном королевстве, в большой семье уважаемого купца, и с детства усвоила непреложный закон — чем больше спишь, тем больше теряешь.

Раз и навсегда привыкнув к самостоятельности, я не выношу назойливую прислугу. В отличие от сиятельной королевы Чабелы (между прочим, после войны Алого Камня мы с Чабелой стали близкими подругами), всегда окруженной шумной толпой камер-дам и служанок, я предпочитаю одеваться сама и готовить первый завтрак своими руками. Поэтому в личных покоях коро-

ля обустроена небольшая кухонька с запасом зелени, фруктов мяса и вина, а заодно и с удобным очагом.

Конан надо мной посмеивается и говорит, что между стряпнухой и королевой существует огромная разница — по крайней мере старая поговорка гласит, что «королевам изменяют с кухарками, но никогда — с королевами». На этот пошлый намек я сразу ответила, что если я буду совмещать в себе достоинства и королевы, и кухарки, то его киммерийско-аквилонскому величеству вообще не придется изменять жене. Он и не изменяет, что странно: в прежние времена варвар блудил направо и налево. Умный Хальк Юсдаль, скорее всего прав, утверждая, что Конан меня любит. Впрочем, я и сама это знаю.

Я подогрела вдвое разведенного водой белого вина с пахучими травами и медом, растопила масло для булочек и порезала свиную ветчину. Отлично, голодной с утра не останусь. За завтраком просмотрела письма, доставленные с утра гонцами, особое внимание уделив депеше из Пограничья, от моей младшей сестры Сигню, которой два года назад был отправлен на воспитание младенец, рожденный некоей графиней Альбионной Каэтос — следствие неосмотрительности Конана. Разумеется, секрет происхождения ребенка сейчас известен лишь троим людям — настоятельнице митрианского монастыря, где удалившаяся от мира Альбиона родила мальчика, самому Конану и мне. Именно я посоветовала увезти дитя в Пограничье и отдать моей сест-

ре — женщине замужней и очень любящей пятерых собственных отпрысков.

Сигню почему-то убеждена, что это мой внебрачный сын, слухи о котором могут скомпрометировать аквилонскую королеву. Опровергать эти домыслы я не собираюсь — так даже лучше. Незаконный ребенок Конана вырастет в богатом дружном семействе удачливого купца и главы торговой управы Пограничья и никогда не узнает о своих настоящих родителях — теоретически, даже незаконнорожденный принц может претендовать на престол, а я хочу чтобы Трон Льва впоследствии занял не бастрад, а ребенок рожденный мною.

Если все пойдет так, как я рассчитываю, первенца следует ждать ближе к середине следующего лета — нынешней луной я забеременела, только пока никому об этом не сказала.

Подтвердивший мои догадки дворцовый лекарь, месьюр Монтель, будет молчать до тех пор, пока я не позволю ему открыть этот небольшой секрет.

Чем бы заняться скучающей благородной даме? Прясть и вышивать я не приучена, воспитание не то, да и не вижу никакой «высшей женской добродетели» в этих сомнительных искусстваах. Признаться, жизнь королевы весьма тосклива и если бы Конан не позволил мне заниматься некоторыми государственными делами наравне с ним, я бы умела со скуки, которую не могут рассеять ни охоты в Руазельском лесу, ни праздники или визиты по гостям. Завидую королеве Чабе-

ле — он сама правит страной, у зингарской красавицы нет ни единого свободного мгновения.

Я приоделась в соответствии с принятыми во дворце правилами приличия: удобное темно-зеленое платье-сюрко с крошечной копией коронного Ордена Большого Льва на груди, волосы украсила невесомой диадемой, повторяющей очертаниями венец королевы. Судя по отражению в зеркале выглядит вполне прилично — никакой роскоши, сплошная царственная строгость. Не слишком люблю платья, предпочитая им охотничьи костюмы, но показываться перед придворными в такой одежде каждый день не следует — наши утонченные графы-герцоги-маркизы еще не до конца привыкли, что на троне вместе с королем-варваром тоже восседает варварка. С Конаном дворянство смирилось, но в качестве жены короля им хотелось бы видеть женщину из своей среды. Не получилось. Киммериец всегда отличался оригинальностью в решениях.

Итак, давайте прогуляемся по замку короны и посмотрим, что нового могло произойти за минувшую ночь. Убеждена — ровным счетом ничего! Я свистнула свою любимую гончую по имени Понс (он доселе безмятежно дрых у порога королевской спальни) и направилась к парадной лестнице. Караулы Черных Драконов замерли подобно эбеновым статуям — никакого движения. Живая мебель. Мебель, способная великолепно обращаться с любыми видами оружия.

Конан был совершенно прав, когда отдал приказ записывать в личную гвардию короля не де-

тишек приближенных к трону дворян, а нищих и безземельных младших сыновей провинциальных баронов.

Черные Драконы обязаны королю всем — возможностью сделать неплохую карьеру, недурным содержанием, близостью к сияющим вершинам монархии... Они преданы Конану как псы — любому глотку разорвут и не поморщатся. Полк Драконов гораздо многочисленнее, чем другие отряды гвардии: две конных тысячи и полторы тысячи щитников — четыре кавалерийских алы и целый пеший легион по меркам армии! Во дворце службу несут только самые лучшие, в чине не ниже сервента.

По раннему утреннему часу в замке замечалась только суетящаяся прислуга да со стороны большой кухни чуть потягивало вкусными ароматами. Располагавшаяся на первом этаже Закатного крыла замка канцелярия светлейшего герцога Публио Форсеца только-только начала оживать. Надо будет зайти к канцлеру и забрать у него бумаги, связанные с передачей имущества митрианских монастырей Аквилонии Ордену Вечного Солнца, руководимому Домеником из Зингары — Публио выдающийся специалист в денежных делах, настоящий гений пера и чернильницы, но ворует из казны столько, что иногда у меня волосы дыбом встают. Как бы наш железный канцлер не наложил лапу и на часть храмовых сокровищ — Конан распорядился, чтобы я постоянно проверяла проходящие через канцелярию документы. Все-таки купеческая дочурка,

присматривать за своим и чужим золотом обучена. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы из проскрибируемых короной запасов исчезла хоть одна монетка — Конан и монах Доменик собираются своими методами вернуть митрианству уважение народа...

Я спустилась в так называемый «парадный двор» — своего рода площадь, расположенную внутри огромного замкового комплекса. Здесь обычно встречали приехавших во дворец чужестранных посланников, высоких гостей и проводили смотры гвардии. Как и положено вокруг царя идеальнейшая чистота, чуть колыхались на холодном ветру развешанные на стенах штандарты с эмблемами гвардейских полков и вышагивали караульные.

Чтобы пройти к большой дворцовой кухне, расположенной в полуподвале, надо было миновать кордегарию у парадных ворот замка — я решила проверить, что сегодня подадут к обеду: в соответствии с этикетом явившегося спозаранку герцога Просперо и его свиту следовало как следует угостить, в знак благорасположения короля. Традиция старинная и свое отжившая, Просперо может запросто перекусить и в наших личных покоях не заботясь о церемониале, но правила есть правила — корона обязывает к соблюдению приличий.

Сначала я не поняла что происходит — в кордегардии отчаянно ругались. Высокий женский дискант перекрывал начальственный бас и неуверенные голоса гвардейцев. Решив проверить,

кто и почему скандалит, я толкнула тяжелый деревянный притвор и оказалась в обширном каральном помещении. Вторая распахнутая дверь выводила под арку надвратной башни — было видно, что там топталась уставшая взмыленная лошадь под потертым седлом.

Компания в кордегардии собралась самая обычная — пятеро гвардейцев из Алых Кирасир, трое здоровенных и мрачных мальчиков представляющих охранный отряд тайной службы и начальник караула — капитан Драконов. Единственным исключением являлась взъерошенная и покрытая дорожной пылью девица в растрепанном легкомысленном платье и грубом суконном плаще с капюшоном, совсем недавно вымокшем под осенним дождем.

— Мне что, всякое принесенное колечко королю передавать? — рычал капитан. — Почему я должен тебе верить, дура?!

— Кто дура — я? — задохнулась девица, ничуть не потерявшая боевого пыла. — Мне сказано — передать перстень королю или герцогу Просперо, и хоть ты меня на куски режь, но во дворец я пройду!

Настало время вмешаться.

— Что здесь происходит? — я шагнула вперед, привлекая внимание. Физиономии гвардейцев вытянулись, а капитана как пружинкой с колченого табурета подбросило. Суровые мальчики барона Гленнора остались профессионально-невозмутимы, однако поклонились и отошли к дальней стене. Один незаметно переместился за

мою спину — охранять королеву от возможного нападения со стороны неизвестной красотки.

— Ваше величество... — капитан Черных Драконов совладал с собой и куртуазно пал на правое колено. Я жестом приказала ему подняться. — На рассвете приехала эта... гм.. женщина. Сказала, будто у нее важное сообщение для его величества. Вроде бы надо передать какое-то кольцо.

— Где это кольцо? — осведомилась я.

— У нее, где ж еще. Никаких бумаг не показала, подорожной нет, кто такая неизвестно.

— Так... — я нутром почуяла неладное и развернулась к девице. — Как тебя зовут?

— Аньес. Аньес из Танасула. Точнее, из Толозы. В общем, я приехала из Толозы. А ты кто такая?

— Я — королева Аквилонии Зенобия, супруга его величества Конана Канах.

На лице Аньес не отразилось никакого почтения или подобострастия. Только облегчение.

— Хвала богам! Ты вовремя, госпожа! С этими толсторожими хмырями при чинах не договоришься, уж думала, зря полную седмицу из седла не вылезала!

— Подожди, — пресекла я излишества девицы. — Расскажи подробно, в чем дело и какой перстень ты должна передать королю?

— Вот этот, — Аньес запустила ладонь в глубины впечатляющего декольте и извлекла из его недр перемотанную шнурком тряпочку. В тряпочке скрывалось усеянное темно-синими сапфирами кольцо-печатка с гербом графства Люксэ и

пуантенскими леопардами. — Ихняя светлость настрого приказали отдать только королю Конану или Великому герцогу Просперо в собственные руки. Если опознают, рассказать на словах о мятеже в Толозе.

— Значит, мятеже? — с непонятным для меня самой спокойствием повторила я, а в голове будто щелкнуло: «все-таки началось». — Капитан, госпожа Аньес пойдет со мной!

— Как будет угодно вашему величеству, — немедленно отозвался Дракон. — Вас будет сопровождать человек из Латераны, это обязательно — приказ.

Мне было плевать на их приказы и на широкоплечего мордоворота, тихой кошкой шествовавшего вслед за нами с Аньес. Удивляюсь, насколько бесшумны и незаметны люди, служащие барону Гленнору. И это не смотря на то, что немногие из них уступят в силе и росте моему мужу, считающегося одним из самых сильных людей страны. И где только Гленнор находит таких?

Аньес выглядела очень устало, и я подумала, что о ее визите следует немедленно доложить Конану. Потом, когда она все расскажет, я отправлю Аньес отдыхать в гостевые комнаты.

Мы ворвались в малахитовую гостиную, тихарь Латераны остался при дверях, а я кликнула слугу и приказала принести для неожиданной гостьи легкого вина и холодную грудинку с пшеничными лепешками.

— И вот еще что! — крикнула я в спину лакея: — Отправьте человека в покои вице-короля

Просперо, пусть его величество Конан без задержек явится сюда! Дело исключительно срочное!

— Слушаюсь, ваше величество!

Киммериец, сопровождаемый неизменным фаворитом — Просперо даже после дальней дороги выглядел свежим и бодрым, — пришел через половину квадранса. Аньес всюду уплетала мясо со свежим хлебом и при явлении обожаемого монарха встать не догадалась.

— Что такого стряслось? — король недоуменно взглянул на совершенно незнакомую и простецки одетую девушку. — Дженна, это что за явление?

Я молча передала Конану драгоценное кольцо. У рассмотревшего вещицу Просперо глаза на лоб полезли:

— Перстень графа Люксэ! У нас с ним уговор — если что случится, он отправит гонца с перстнем!

— Аньес! — позвала я увлекшуюся едой девушку. — Ты хотела видеть короля? Вот он. Рассказывай!

И она рассказала все. Все, включая события той ночи, когда граф Раймон начал обстреливать цитадель Толозы весьма необычными снарядами.

— ...На другое утро я купила лошадь и сразу поскакала в Гайард, — заканчивала повествование Аньес. — Но там мне сказали, что Просперо уехал в столицу — пришлось догонять. Самую малость не успела догнать! Хорошо еще, что королева пришла поутру в караулку — иначе не пустили бы!

— Значит, Люксэ обещал тебе дворянство? — нехорошо ощерился Конан. — Отлично, будешь баронессой или даже графиней, слово короля! Дженна, отведи Аньес спать!

И вдруг король заорал так, что я вздрогнула:

— Эй, там! Немедленно Паллантида ко мне! И всех легатов гвардии! Капитанов речного военного флота находящихся в Тарантии тоже сюда! Живо!

Мне стало ясно, что началась война. Междоусобная война в Аквилонии. Война, которой мы боялись больше всего...

* * *

К закату этого сумасшедшего дня было принято много важных решений имевших далеко идущие последствия. Поскольку Конан ничего от меня не скрывал, я оказалась в курсе всего происходящего.

В постоянной готовности к войне в Аквилонии находятся только легионы охраняющие границу с пиктами и особые полки гвардии короля — последние великолепно обучены, полностью снаряжены и могут в любой момент выдвинуться к границам. Одно время я увлекалась военной наукой, да титул королевы обязывает разбираться в подобных вопросах — если (упаси Митра!) что-нибудь случится с моим мужем, наследницей престола остаюсь я, тем самым принимая на себя ответственность за государство и его спокойствие.

Так вот, если вы думаете, что элитная гвардия короны составляется только из конницы и тяжелой пехоты, то глубоко ошибаетесь. В состав гвардейских полков входят центурии занимающиеся исключительно метательными машинами, отряды которые могут устроить на пути противника засеки и засады, навести переправы через реки, летучие конные алы, призванные беспокоить передовые отряды врага и так далее и так далее. Гвардия короны — это огромный и сложный организм, сердцем которого является главная ударная сила, Черные Драконы. Не все так просто, как может показаться на первый взгляд.

Залог успеха в войне — это возможность скрытного передвижения армии в любом направлении и ее снабжение всем необходимым. Следовательно, военная управа Аквилонии, уже восемь лет руководимая «Легатом Большого Штандарта» Юнием Паллантидом, обязана заранее разработать планы ведения военных действий против всех порубежных держав, включая даже столь верных союзников, как Немедия и Зингара. Никто не может гарантировать, что, допустим, завтра королеву Чабелу свергнут с трона и ее место не займет ярый враг Аквилонии.

При иноземном вторжении первыми в бой вступают расположенные вдоль границ легионы и по возможности сдерживают войско противника до подхода куда более мощных сил из глубины страны. В это же время все государственное устройство переподчиняется нуждам войны — армия должна беспрепятственно и максимально

быстро продвигаться по дорогам и речным путям, без перебоев снабжаться продовольствием, оружием, новобранцами и деньгами. Этот механизм был полностью разработан Паллантидом и его легатами, благо опыт был — чего только стоила война с Зогар Сагом восемь лет назад!

Совет состоялся немедленно. Тем более, что сообщение доставленное девицей Аньес оказалось в течении дня подтверждено еще несколькими гонцами тайной службы, сообщившими, что мятеж одновременно поднялся в четырех графствах Полуденного Пуантена и Шамара. Это значило одно — выступление против короны было заранее спланировано и Конан столкнулся с самым настоящим заговором имеющим цель отторжение от Аквилонии южных провинций.

На военном совете Палантид выложил на стол переплетенную в деревянную обложку кипу пергаментов — это был план аквилонской военной управы на случай войны с Зингарой.

— Все мятежные графства непосредственно примыкают к рубежам Зингарского королевства, что существенно облегчает нашу задачу, — размеренно и спокойно, будто читая лекцию в Обители Мудрости, говорил легат. — Однако, войску не придется пересекать горы, отделяющие владения ее величества Чабелы от Аквилонии. Если Латерана примет надлежащие меры и сообщит в Кордаву о постигших нас трудностях, то Чабела, в соответствии с договором о союзе и содействии во время войны, перекроет перевалы Рабирийских и Пуантенских гор, чтобы мятежники не

смогли ускользнуть за пределы владений Трона Льва.

— Мы немедленно займемся этим вопросом, — отозвался барон Гленнор, примчавшийся в Тарантию из своего поместья сразу, как только стало известно о возмущении полуденных провинций. — Чабела не откажет, она всегда держит слово.

— Это радует, — кивнул Паллантид. — Я предлагаю «Зингарский» план войны только потому, что он наиболее проработан, хотя нам и не придется вступать в столкновения с иноземной армией. Полуденный Пуантен — это та же Зингара, только не за горным хребтом, а перед ним. И на наших землях. Наиболее подготовленные и боеспособные части гвардии будут погружены на корабли и парусные баржи в верхнем течении Хорота — то есть неподалеку от Тарантии. Затем гвардейцы высадутся в устье реки Арье и снарядят обоз — продовольствие и оружие будет находиться на торговых судах, которые мы арендуем у купцов. Непосредственно к Толозе подойдут оснащенные катапультами речные галеры и начнут осаду города со стороны реки. Коннице и пехоте от устья Арье открывается возможность ударить одновременно по трем мятежным графствам. За это время мы успеем подтянуть еще четыре легиона с немедийской границы — они будут наводить порядок и гасить последние очаги сопротивления мятежников...

— Сколько времени нужно для подготовки гвардии и речного флота? — спросил Конан.

— Двое суток. Еще через четыре дня мы будем рядом с Толозой. Нам помогут быстрое течение Хорота и попутный полуночный ветер с Киммерийских гор — сейчас осень, ваше величество, ветры дуют на полдень, а река замерзнет еще не скоро.

— Отлично! Паллантид, займись всей организацией похода! Просперо, хоть ты и Великий герцог Пуантена, но сейчас останешься в Тарантии — пока я разбираюсь с твоими баронами, управляй Аквилонией. Или мы силой оружия выьем ересь с Полудня, или она поглотит все королевство!

* * *

Что бы там ни говорил Паллантид, воевать в Полуденном Пуантене будет тяжело. Тамошние сеньоры владеют укрепленными горными замками, отлично знакомы с каждой тропкой, могут устраивать засады в узких и покрытых густым лесом долинах. Не стоит забывать и о том, что жители бунтующих графств начнут воспринимать нас как захватчиков, и если крестьянам все равно, кто будет их господином, то дружины мелких феодалов встанут на сторону своих сюзеренов.

Действительно, через два дня все было готово к выступлению на Полдень. Точнее, к отплытию. Поскольку подготовка велась в исключительной спешке, возглавляемая королем армия пока составлялась исключительно из Черных Драко-

нов — впервые за всю историю своего царствования Конан решил вывести личную гвардию из столицы почти в полном составе — в Тарантии остается лишь конная полутысяча. Добавим сюда вспомогательные отряды, это еще человек триста. Таким образом численность войска подходила к четырем тысячам мечей.

Я без колебаний решила отправиться вместе с Конаном — в конце концов к походным условиям я привыкла еще по старым временам жизни в Немедии и Пограничье, с оружием управляюсь неплохо, ну а если вспомнить, в каких авантюрах мне приходилось участвовать как до, так и после знакомства к моим мужем, то предстоящий поход может показаться легкой прогулкой.

«Легкой прогулки», конечно, не будет и я полностью это сознаю. После весьма подробных рассказов Аньес о происшедшем в Толозе стало ясно, что война предстоит тяжелая и кровавая — Конан не успокоится, пока не устранил исходящую от фатаренов угрозу, не вынудит мятежников сдаться или не уничтожит их.

По совету ближайшего соратника Доменика Кордавского, жреца ордена Вечного Солнца Бернарта Монеда, Конан взял с собой два десятка митрианских монахов-проповедников присланных Домеником из Зингары — они, при содействии армии, будут охотиться на «Совершенных» и участвовать в судах над ними, если выяснится, что жрецы фатаренов намеренно провоцировали смуту и призывали к неподчинению королевской власти (никто не сомневался, что так оно и есть).

Кроме того, монахи ордена, в отличие от абсолютного большинства своих собратьев в Аквилонии, были прекрасно образованы и могли вести с фатаренами диспуты не боясь, что сектанты запутают их в словесных сетях.

На всякий случай Конан озаботился и магической поддержкой. — пришлось взять с собой Тотланта Луксурского, хотя маг сначала категорически отказывался, справедливо утверждая, что ему и еще двоим приехавшим в Тарантию волшебникам конклава Равновесия надо готовиться к возможной стычке в колдунами Черного Солнца, чья встреча назначена на день зимнего солнцеворота. Конан на то сказал, что времени пока предостаточно, а вот если на армию будет совершено магическое нападение, то защищаться будет нечем. Тотлант повздыхал и согласился. Вместо него в Тарантии остались молодые маги-равновесники — Фритигерн из Кофа и Арбогаст Бритунийский, которых направил в Аквилонию глава конклава Валент. С Тотлантом, разумеется, увязался и Веллан, решивший не упускать возможность поучаствовать в настоящей войне.

Флот, готовый выйти из тарантийской гавани на Полдень, составлялся из шестнадцати крупных трехпалубных речных судов (они перевозили гвардейских лошадей и военных) и почти трех дюжин кораблей помельче (их трюмы были забиты продовольствием и снаряжением). Сопровождали нас восемь боевых галер — на веслах сидели каторжники, а экипаж составлялся из арбалетчиков, боссонских лучников и прислуги катапульта.

Впечатляющая армада, хотя прославленные моряки, зингарцы и аргосцы, при виде нашего флота только рассмеялись бы — для серьезной войны на море он совершенно не годился. Но мы все не собирались покидать русла внутренних рек Аквилонии и выходить в океан — главной задачей огромного каравана судов было доставить войско в Пуантен.

Конан, я, командиры гвардейских полков и все приближенные монарха разместились на королевском нефе «Золотая Башня» — этот парусный корабль мог ходить и по реке, и по морю, причем неф построили в Зингаре и он был невероятно быстроходен. Собственно, «Золотую Башню» Конану подарила королева Чабела в день празднования пятилетия восшествия киммерийца на Львиный престол, но корабль использовался редко — только во время путешествий короля к Океану. Как и положено, «Башня» шла впереди всего каравана, растянувшегося по реке почти на две лиги. Форштевень гордо рассекал свинцовые воды холодного Хорота, паруса хлопали на ветру, алел штандарт короля — сушая романтика! Хотя решительно ничего романтического в нашей миссии не было...

Девуцу Аньес я взяла с собой — во-первых, она очень хотела вернуться в Толозу «к своим», во-вторых, отлично знала окрестности города и могла помочь во время осады. Конан, никогда не забывавший о своих обещаниях, хотел было незамедлительно даровать Аньес высокое дворянское сословие и титул, но она воспротивилась, сказав,

что сначала надо освободить людей, запертых в цитадели Толозы, а уж потом заводить разговор о награде.

Конан посмотрел на преданную своим друзьям обозную девицу с уважением, но орден Диска Митры все-таки ей навесил — как-никак Аньес в одиночку и почти не останавливаясь на отдых пересекла половину страны, только бы доставить спешное сообщение графа Люксэ королю и герцогу Пуантена. Небольшой золотой орден с алмазами был тут же завернут в чистую тряпочку и спрятан в вечный дамский тайник за лифом.

Мне Конан сказал по секрету, что если бы все маркитантки в Аквилонии были такими как Аньес, то армия Трона Льва стала бы непобедимой. Совершенно согласна.

Чем дальше корабли продвигались к Полудню, тем теплее становилось. В Тарантии в это время года уже начинаются заморозки, по утрам на ветвях деревьев и стенах домов появляется иней, а здесь можно было спокойно ночевать на палубе под плащом — не замерзнешь. Равнины уступили место всхолмьям, мы не останавливаясь проходили мимо крупных приречных городов вызывая изрядное удивление у их обитателей: куда это направляется королевский флот? Надо полагать, что в левобережные провинции еще не пришли грустные известия о начавшейся войне.

Утром пятого дня похода корабли подошли к месту впадения реки Арье в Хорот и капитаны судов начали приближаться к берегу, чтобы на-

чать высадку. По счастью в этих местах берега были сравнительно низкие и армия выгрузилась на полуденный берег Арье всего за сутки. Боевые галеры встали на якорь возле устья реки и ждали приказа подниматься вверх по течению — до Толозы было около десяти лиг по прямой.

Конан и Паллантид немедленно приказали конным разъездам выдвинуться на две лиги в глубину графства — теоретически, графу Раймону уже могли сообщить, что в его владениях появилось многочисленное королевское войско.

Однако, присутствия армии мятежников в ближайшей округе не замечалось, а мужланы в приречных деревнях только дивились — откуда тут появилась гвардия короны? Разумеется, все поселки пришлось блокировать, а дороги перекрыть — никто не должен был покидать деревни до того, как армия начнет движение к главному городу провинции.

Еще половина дня ушла на снаряжение обоза — повозки и коней-тяжеловозов мы привезли с собой на кораблях. За это время вездесущие конфиденты Латераны (предусмотрительный барон Гленнор отправил с нами четыре десятка отборных головорезов из боевого отряда секретного ведомства «Черный беркут») выловили в близлежащей деревне двоих «Совершенных» и сдали с рук на руки монахам брата Доменика — пусть допрашивают и выясняют, чья вера лучше.

Конана еретики пока не интересовали — с ними можно разобраться потом, сейчас перед войском стоит совершенно другая задача: наказать

Толозу и графа Раймона, освободить наших гвардейцев из цитадели города и начать наводить порядок в округе силой, раз уж все убеждения доброго и терпимого герцога Просперо пропали втуне. После взятия города предполагалось остаться в Толозе, подождать подкреплений с немецкой границы, а уж затем начинать вразумлять графов Коменжа, Фуа, Бигора и Безьера, подержавших взбунтовавшегося Раймона и изгнавших митрианских и иштарийских жрецов со своих земель.

К вечеру двадцать девятого дня второй осенней луны все было готово к выступлению. Решили так: выступаем перед рассветом, в авангарде пойдет конное войско с «легким обозом» — в его задачи входит окружить Толозу и не дать мятежникам выйти из города. Конницу с реки поддержат боевые суда, которые запрут толозскую гавань и возьмут под прицел катапульт как сам город, так и замок Нарбонет на полуночном берегу Арье. Пехота и мастера осадных машин подтянутся на полтора дня позже, они куда неповоротливее и медлительнее кавалерии.

Ночью нас с Конаном разбудил оруженосец короля и герольдмейстер Аквилонии, молодой барон Ортео, участвовавший еще в перевороте против Нумедидеса и первым возгласивший о восшествии на престол нового государя. Пришло время выступать. Мы небезосновательно полагали, что прямо сегодня битва не состоится, поскольку наше появление окажется для графа Раймона неожиданным — он предпочтет запе-

реться в городе или замке Нарбонет. Посему Конан выбрал не тяжелый доспех для конного боя, а кольчугу работы Граскаальских гномов из почти невесомого, но исключительно прочного металла, выкованного на подгорном огне. Я выбрала легкую кирасу, одетую поверх формы Черных Драконов без знаков различия — пусть гвардейцы видят, что королева готова разделить с войском все предстоящие трудности.

— Ты очаровательна, — нежно поцеловал меня Конан. — Только учти, что если случится заварушка, тебе следует отойти к арьергарду под прикрытием телохранителей. Женщинам на поле боя делать нечего. Еще попадешь под случайную стрелу...

Я отлично знала, что под случайную стрелу мне попадать не следует — теперь я несу ответственность не только за свою жизнь, но и за жизнь того (той?), кто зародился в моей утробе. Посему будем беречься, король прав.

— Следую мудрым приказам вашего величества, — склонилась я в шутовском поклоне. — Как всегда, как всегда, и королевам, и развеселым маркитанткам вроде Аньес, приходится сидеть в обозе и пропускать все самое интересное!

— Поговори мне! — беззлобно цыкнул король. — Ладно, поехали.

Оруженосцы уже подвели к королевскому шатру лошадей. Конан запрыгнул в седло своего любимого Грома — огромного вороного жеребца гандерландской верховой породы. Мне досталась изящная и легконогая каурая кобылка, которую

я сама загодя выбрала на дворцовых конюшнях. Охотничьи лошади для войны не подходят, а вот зингарские скакуны — вполне, они выносливы и быстры.

Стояли предрассветные синие сумерки. Королевский кортеж в составе восьми оруженосцев Конана, трех герольдов со знаменами Аквилонии и Пуантена, а так же тридцати телохранителей из числа самых доверенных капитанов гвардии и цепных псов барона Гленнора прошел вдоль разбитого на алы строя кавалерии и вышел в голову колонны. В полевых условиях Черные Драконы сменили свою обычную форму на более удобную для конного перехода одежду, разве что кольчуги прикрывали светло-серые котты с вышитым изображением распахнувшего пасть двукрылого геральдического змея и тоже серые плащи — попробуйте-ка повоевать под солнцем Полудня в черном облачении, изжаритесь!

Послышались команды сотников, и земля дрогнула под тысячами лошадиных копыт — кавалерийская армия начала движение на полуденный закат, к Толозе. Вскоре колонна в полторы тысячи всадников перешла на размеренную «походную» рысь и начала подниматься на возвышенность, протянувшуюся вдоль берега реки Арье.

Слева, в отдалении, чернели пологие вершины Рабиров и Зингарского хребта, а сзади нас догонял рассвет.

* * *

— Красивый город, — сказал Конан, когда мы остановились у подножия огромного холма, на котором расположилась окруженная могучими стенами Толоза. — Точнее, был красивым. Помоему, совсем недавно в Толозе был большой пожар. Дженна, видишь, часть кварталов вокруг цитадели выгорела, да и гарью пахнет...

Я видела. Еще я видела, что Толоза отлично защищена от внешнего нападения. Освещенные восходящим солнцем стены из розового камня казались неприступными, толстенные круглые башни возвышались над нами будто скалы, а расположившийся за ними город выглядит хмурым и настороженным. На самой вершине холма темнела цитадель и мы с Конаном сразу заметили, что над барбикеном доселе вьется королевское знамя. Значит, граф Люксэ не сдался. Мы успели.

Тем временем, на расположенном в полулиге, на другом берегу Арье, укрепленном замке графа Раймона нудно подвывали боевые рога. Конан только усмехнулся, увидев над башнями Нарбонета трехцветные вымпелы Рокода. Наши галеры уже успели полностью блокировать гавань — несколько судов под знаменами Раймона пытались уйти вверх по реке, но попав под залп катапульт вернулись к причалам у стен Толозы. Один из нефов оказался сильно поврежден и быстро затонул. Команду подняли на военную галеру.

— Что дальше? — к нам подъехал Паллантид, явно рвавшийся в бой. Но поскольку противник

предпочел сидеть за стенами, стычки пока не предвиделось.

— Ничего... — пожал плечами киммериец. — Разделить войско на восемь больших отрядов по двести человек, пусть устаивают лагерь напротив всех городских ворот — шатры ставить подальше, чтобы не доставали стрелы баллист. Начинать осаду и дожидаться пеший легион. Уверен, граф или городской магистрат пришлют людей для переговоров. Капитаны галер пускай следят за замком Нарбонет и палят по всем, кто попытается к нему приблизиться.

— Дальности онагров не хватит, — уверенно сказал легат. — Замок стоит слишком далеко от берега.

— Да и Сет с ними, — отмахнулся король. — Не думаю, что под рукой графа Раймона сейчас больше полутора сотен мечей. Он нам не противник, смех один...

Вплоть до полудня войско разбивало лагерь. Толоза оказалась полностью окружена, и с земли, и с воды. Наблюдатели с кораблей сообщили, что Нарбонет покинули несколько всадников — похоже, Раймон отправил гонцов к своим вассалам и союзникам в Фуа и Коменже, требуя помощи.

Попутно отряды лучников с галер без потерь захватили городскую гавань, в которой стояло семнадцать торговых кораблей. Зингарцам и купцам из Шамара, привезшим в Толозу товары, сказали убираться подобру-поздорову, пока целы. Они поспешно последовали разумному совету — подняв все паруса, суда исчезли из виду меньше,

чем за половину колокола. Корабли принадлежащие графу Раймону и городу ничуть не чинясь предали огню — в назидание. Пусть владетель Толозы видит, что мы прибыли сюда не ради развлечения.

Толоза ошеломленно молчала. Надо думать, вигуэры не ожидали, что реакция короля на мятеж окажется настолько молниеносной и рассчитывали выждать еще луну-другую до появления королевских войск. На башнях и стенах мелькали люди в доспехах, но действий никаких не предпринимали. В нашу сторону не было выпущено ни одной стрелы, даже когда королевские лучники жгли корабли в расположенной под самыми стенами гавани.

Конан заодно решил показать, что никакие «Совершенные» нам не страшны и посоветовал монахам ордена Вечного Солнца при помощи гвардейцев возвести на виду у горожан «походный храм». Что и было немедленно исполнено — рядом с палатками короля и легатов был установлен огромный бело-золотой шатер, увенчанный изображением солнечного диска, символа Митры. Перед шатром монахи поставили жертвенный камень и тут же провели церемонию Приветствия Светила, на которую собрались все приближенные короля и кавалерийские сотники.

Не то, чтобы киммериец был фанатичным митрианцем или яростным последователем Крома, но богов обижать не любил, поскольку твердо знал, что они существуют. Между прочим, с Белом Обманщиком :: Иштар Прекраснейшей он

был знаком лично и состоял с ними едва ли не в дружеских отношениях. Не подумайте, я не вру — мало кто знает, что подруга и покровительница Конана, некая графиня Клелия Кассиана из Ианты, на деле является человеческим воплощением-аватарой великой богини...

Паллантид вместе со своими тысячниками тем временем осматривал крепость, изыскивая слабые места — осада и штурм занятие нудное и тяжелое, опытный военный не станет бить в лоб, бессмысленно теряя людей, а изыщет «дыры» в обороне противника и ударит в самую слабую точку.

Разъезды гвардии рыскали по ближним деревням, сгоняя к Толозе мужланов, чтоб сделали перед лагерем палисады, на случай вылазки из города. Мужланы хмурятся, ругаются сквозь зубы, но идут — с королем и гвардейцами не поспоришь, еще чего доброго деревню пожгут или на пику насадят. Да и время сбора урожая миновало, поля и виноградники неубранными не останутся. На «походный храм», сияющий белым среди синих и черных шатров, простецы косятся испуганно — знают, что виноваты.

— Скукотища, — зевнул Конан и опустился на складной стульчик у входа в наш шатер. Деревянные рейки скрипнули под его тяжестью. На покрытом чистой льняной тряпицей столике перед королем громоздились простые деревянные блюда с горячим обедом, таким же, какой подают простым гвардейцам — шпигованное чесноком мясо, хлеб с отрубями, морщинистые желтые яб-

локи и красное вино. — Не война, а настоящие маневры в лесу Руазель, с охотой и пикником.

— Не беспокойся, Толоза скоро очухается, — ответила я, глядя на поднимавшиеся совсем неподалеку от лагеря городские стены. — Вариантов два: либо вигуэры приползут на карачках вымаливать прощение, либо будут обороняться до последнего.

— Для первого горожане слишком горды, для второго — чересчур трусливы, — киммериец тоже неотрывно наблюдал за Толозой и прихлебывал вино из серебряного кубка. — Эх, если бы это был простой мятеж! Самый банальный, без всяких выкрутасов с фатаренами, Тьмой, Светом, чистым Духом, грешной плотью... Когда человека полностью захватывает некая идея, он становится опасным. Боюсь, «Совершенные» имеют слишком большую власть над умами тех, кто сидит за городской стеной.

— Толоза — город купеческий, — подумав, сказала я. — Если ты родился торговцем, то уже никакие проповеди не будут властвовать над тобой, уж поверь дочери купца. Струсят! Струсят и выдадут всех «Совершенных» с потрохами, лишь бы сохранить свои богатства. Другое дело — графы, дворяне. Они хотят самостоятельности, независимости от Трона Льва. И ради своих амбиций прикрываются новым вероучением... Кстати, ты заметил знамя Рокода над Нарбонетом?

— Да пусть Раймон подотрется этим знаменем! — грубо ответил Конан. — Суд Высокой Короны никогда не признает законность поднятого

им Рокода! Посуди сама: Раймон много лет не выступал против короля и тут вдруг, без всяких оснований, взбунтовался. Земли я у него не отбирал, новыми податями не облагал, личных оскорблений не наносил... А если твоя Аньес ничего не приукрасила, и люди графа действительно участвовали в избиении монахов в Толозе, Раймону и его ближним светит плаха... Добавим сюда нападение на королевский гарнизон и неподчинение воле короля, заговор против верховной власти Аквилонии, в который втянуты ещё несколько крупных ленников Пуантена. Хорошо, если отделается простым отсечением головы, а не колесованием.

— Какой ты кровожадный, — фыркнула я. — Не боишься прослыть тираном?

— Не боюсь, я в своем праве... Погоди-ка, что это такое?

Над центральным барбикеном Толозы взвился шафраново-желтый вымпел без изображений. Знак того, что нас приглашают к переговорам. По ним виднелся бело-черный флаг, говоривший о том, что на время открытия ворот города нас просят отвести военных в сторону.

— Проснулись наконец, — злобно ощерился Конан. — Сменили мокрые штаны на свежие и теперь будут умолять о милости... Не выйдет! Дженна, сиди. Мы никуда не пойдем — сами прыскают! В конце концов, король им должен или они — королю?

Опустился мост, по нему прошли два десятка пышно разряженных горожан. Встречать послан-

цев Конан отправил Палантида — в одиночестве, только с герольдом. Мост горожане сразу подняли — боялись. Замок Нарбонет молчал.

Вот они, лучшие и избранные горожане Толозы, вигуэры, правители магистрата. В бесценных парчовых одеждах. Конан остался недвижим, просто сидел на своем стульчике, жевал травинку и смотрел в небо.

Самый старший, а значит самый уважаемый начал говорить как только Палантид подал знак: можно, мол.

— Государь наш! Всецело преданная вам Толоза выслала нас, избранных своих представителей, дабы мы, выражая пред вашим лицом всю ту неслыханную радость, которая, обуревая нас при известии о прибытии возлюбленного государя...

Даже Палантида — уж на что терпеливый — и то жгутом скрутило. Ничего себе! И это после обстрела цитадели кровавыми ошметками! Ох, сейчас кому-то несладко придется!

Лучшие граждане тем временем бросают то влево, то вправо опасливые взгляды. Их беспокоит мрачность лиц гвардейцев и легатов, великое количество оружия. И эти тревожащие приметы они видят повсюду вокруг себя.

Вигуэр продолжает точить мед, сладенько улыбаясь.

Конана извещают о безмерном счастье, которое охватило Толозу при первом же слухе о приближении государя. Королю выражают всеобщую любовь и преданность. Возлюбленный монарх непременно должен узнать о том, что Толоза гото-

вит ему праздничную встречу, как положено, с шествием, цветами и колокольным перезвоном...

— С перезвоном? — вдруг переспрашивает Конан, а я раскрываю рот от изумления. — Готовит? Что, не все митрианские храмы пожгли, один на всякий случай оставили?

Сбитый с толку вигуэр замолкает и отвечает изящным поклоном. А киммериец вновь погружается в каменное молчание и опять смотрит в синее небо.

Вынырнув из поклона, вигуэр продолжает плести искусные словеса. Целый ковер на глазах у наших легатов и сотников выткал. Итак, преданная всемилостивейшему государю Конану Каннах Толоза преисполнена глубочайшего изумления, видя своего господина идущим на нее чуть ли не с войной.

Разве не обменялся город с королем клятвами, наподобие брачных, во времена восшествия государя на престол, когда вся Аквилония присягу на верность короне приносила? И вот эта великолепная, смертоносная армия, государь, — о!.. Разве не видите вы здесь своих добрых подданных, государь? Толоза — ваш дом, как и вся Аквилония! Ваши влады...

Киммериец медленно, тяжело встал. Вигуэр, почуяв неладное, заткнулся, оборвавшись на полуслове, и отступил на шаг.

— Клянусь именем Митры Солнцезарного, — процедил король, а я поняла, что муж мой едва сдерживается. Конан разъярен и теперь его не остановишь. — Клянусь, что я войду в город,

возьму все, что мне потребуется, перевешаю всех виновных в мятеже, погромах и нападении на людей короля! А сейчас я возьму от города заложников!

Он рехнулся, подумала я. Знатные горожане пришли с переговорами, это же нарушение всех мыслимых законов войны! Так нельзя! Заложники! И не смерды, а лучшие горожане! Нельзя!..

...И поправила сама себя: это не война, а подавление мятежа. Можно!

— Взять их!

Легаты молчали, не смея противоречить королю. Паллангид кривил губу в очень нехорошей усмешке.

И вот почтенный седобородый глава магистрата лежит на пыльной земле, марая превосходную парчовую котту, а на нем сидит гвардеец и увлеченно вяжет стариану руки. Остальные почтенные вигуэры валяются рядом в аналогичном положении — не шевельнуться! Пищат с перепугу, как мыши.

Одного посланца оставили — он должен вернуться и передать слова короля магистрату и сотникам графа Раймона, командующим обороной Толозы

— Если до грядущего рассвета город откажется сдаться и не выпустит гарнизон цитадели без всякого убытка, — очень-очень спокойно сказал Конан, глядя в блеклые и пожелтевшие от ужаса глаза старца, — всех повешу. Всех! Этого... — тычок пальцем в самого почтенного вигуэра, — и этого... Этого! Этого! Этого! Этого! Одного за другим!

Всех! Сам, собственными руками! Пошел вон, мразь!

До заката и на следующее утро Толоза не сда-лась. После восхода солнца Конан исполнил обещание — перед главными воротами стояли девятнадцать виселиц. Правда, казнью занимался не король, а привыкшие к грязной работе крепкие ребята из «Черного Беркута». Барон Гленнор остался бы доволен их выучкой.

Я начала думать, что ничего хорошего из нашей затеи не выйдет.

8. Второй рассказ графа Кертиса

Действуем по обстоятельствам

*1-4 дни третьей осенней луны 1296 г.
Арелата, Коринфия.*

ни что, все сговорились? — сказал я, в упор глядя на Халька. Почтеннейший библиотекарь короля Аквилонии тут же изобразил на физиономии невинно-непонимающую мину и отвернулся. — Это заговор, честное слово! Все до единого люди, замешанные в эту идиотскую историю — Конан, барон Гленнор, Моррадин Эрде, даже этот герцог Ибелен, будь он не ладен! — с ослиным упрямством твердят нам одни и те же слова: будьте тише воды, ниже травы, ни во что не мешайтесь, не встречайте, не высовывайтесь, не впутывайтесь, не суйте нос, не привлекайте к себе лишнего внимания! А лучше вообще не дышите! Что за чепуха? Для чего, в таком случае, нас отправили в этот чудный городок? Изучать дивные свойства здешних целебных вод?

— Кертис, но ведь это вполне разумно... — слабо вякнул барон Юсдаль, моментом перехватил мой змеиный взгляд и закрыл рот.

— С одной стороны — разумно, — нейтральным тоном сказал Валент из Мессантии. — Действительно, если мы в одиночестве выступим против конклава магов Черного Солнца, нас сотрут в порошок. Визит городской стражи ясно дал понять: за подозрительными аквилонцами наблюдают и если они начнут вести себя неподобающе — будет плохо. Но с другой, приятели герцога Ибелена не знают кто мы такие на самом деле и это позволяет нам действовать неожиданно.

— А графа Кертиса в Тарантии отправят на эшафот, — ядовитенько осклабился Хальк. — За неисполнение повелений высокого начальства. Кертис, ты ведь много лет служишь с Латеране, должен знать, что означает слово «приказ»!

— В том то и дело, что отданный мне приказ звучит так: действовать по обстоятельствам! — без всяких эмоций ответил я. — Давайте рассудим. Сначала вспомним о хорошем: большинство наших предположений и выводов сделанных еще до прибытия в Коринфию подтвердилось — это первое. В Черном Солнце у нас есть если не союзник, то человек мыслящий довольно здраво и отлично понимающий, что его изобретение — секта фатаренов, может окончательно выйти из-под контроля, если уже не вышла. Это было второе. Нам стало известно где именно маги плодят чудовищ, которые могут быть использованы против армии Немедии, а возможно и Аквилонии —

это третье. Теперь о плохом: магию мы использовать не можем, по крайней мере слишком часто... Валент, скажи, здешние колдуны и впрямь могут почувствовать твоё волшебство?

— Запросто, — не задумываясь сказал маг. — Обычным людям подобные чувства недоступны, а вот достаточно грамотный волшебник без особых затруднений ощутит изменения в окружающем его поле магической силы. Это словно дуновение ветерка — теплого или холодного, обладающего своим запахом, дующего с Полночи или Полудня... Я достаточно ясно объяснил?

— Не совсем, — подал голос Гвайнард. — герцог Амори Ибелен сказал, будто колдуны Черного Солнца различили использование именно *магии Равновесия*, а не какой-либо другой. Что, различные формы волшебства ощущаются по-разному?

— Конечно, это же общеизвестно! — воскликнул Валент, не понимая, чего Гвай добивается. — У каждой школы волшебства, будь оно белое, черное, алое или даже лиловое в клеточку, есть свой особенный «запах» заклинаний. Вы ведь можете отличить аргосское вино от шемского, зингарского или пуантенского?

— И какой же запах ты сейчас ощущаешь? — продолжал настаивать Гвайнард. — Здесь, в Арелате?

— Вполне знакомый, — Валент неопределенно подернул плечом. — Магия кхарийцев, которой так увлекся конклав Черного Солнца — особенная. Я довольно хорошо изучил ее, пока жил в

Ройле. В коллекции светлейшего маркграфа есть почти все сохранившиеся гримуары времен Ахерона.

— И ты можешь... м-м... воспроизвести кхарийские заклинания? Так, чтобы они действовали?

— Ну... да.

— Так в чем же дело? — лицо Гвайнарда озарилось улыбкой. — Зачем создавать лишнюю рябь на воде? Если коринфийские маги чувствуют волшебство Равновесия, а сами вовсю пользуются магией Кхарии, создающей единое «поле» о возмущениях которого ты упомянул, то почему бы достоуважаемому Валенту Мессантийскому не последовать их примеру? Пока мы находимся в Арелате — забудь про Алые заклинания, работай с магией Ахерона! Кстати, они какого цвета? Черные, я полагаю?

— Ты окончательно спятил, — убежденно сказал Валент. — Просто не понимаешь всех тонкостей! Объясняю: волшебство Равновесия использует мощь окружающей нас природы, которая не добрая и не злая — мы черпаем силу из деревьев, камней, солнечного и лунного света, животных, людей наконец! Кхарийцы же использовали энергию, проникающую в наш мир из Черной Бездны, обители Первородного Зла! Как бы это объяснить?.. Представьте, что обитаемая людьми Средняя Сфера Вселенной, земная твердь, это своего рода губка, впитывающая истекающую из Верхней и Нижней Сфер Светлую и Темную силу. Магические потоки сталкиваются, нейтрализуя друг друга или порождая Равновесие — когда Черного

и Белого поровну, образуется вовсе не серое, а Алое! Так вот, кхарийцы умели отделять извергаемые бездной потоки Тьмы и использовать чистую, без примесей, Черную силу. Это огромная мощь — Бездна могуча, ее магия почти неборима.

— Ты нас запутал, — поморщился Хальк. — Теоретические выкладки сейчас никому не интересны. Скажи четко: сможешь ты на время позабыть о своем любимом Равновесии и бороться с противником его же оружием? Сможешь почерпнуть силу из Бездны?

— Устав Ордена Алого Пламени это напрямую запрещает, — ханжеским голосом сказал Валент. — А я являюсь главой конклава. И если уж я сам начну пользоваться кхарийскими заклинаниями, то что мне требовать от остальных магов Ордена?

— Клянусь, мы никому не расскажем, — приторно-ласковым тоном совратителя малолетних отозвался Хальк. — Так можешь или нет?

— Искусители... — проворчал Валент. — Так уж и быть, только ради общего блага. Поймите — я сильно рискую. Сила Бездны безгранична и очень притягательна, к ней привыкаешь, будто к ядовитому порошку лотоса. Мне решительно не нравится перспектива превратиться в черного мага. Причем это может произойти неосознанно, я и сам не пойму, что Тьма захватила мою сущность и обратила в настоящего монстра.

— А ты понемножечку, — бездушно сказал барон Юсдаль и тут же повернулся к скрипнувшей двери. — Что такое, Джигт?

Камердинер стоял на пороге с самым невозмутимым видом.

— У вас посетитель, господин барон. Он в ваших комнатах.

— Джигг, почему вы раньше не доложили? И почему пустили этого посетителя в мои покои без разрешения? Кто такой?

— Он только что прибыл, господин барон. С вашего позволения, этот месьор, по-моему, является вампиром.

Я взглянул на окно — за ставнями мерцали первые звезды. Давно стемнело.

— Это Рэльгонн! — вскочил Гвай. — Очухался и переместился из подвала к нам!

— Данный вампир месьором Рэльгонном не является, — не меняя интонации сказал Джигг.

Мы переглянулись. Что за чепуха? Откуда в Арелате еще один вампир?

Всей компанией направились в покои Халька. Камердинер ничего не приукрасил — в кресле у камина и впрямь восседал незнакомый мне каттакан, весьма похожий на Рэльгонна. Только еще более безобразный, если такое вообще возможно.

— Ритагонн! — воскликнул Гвай. — Мы ждали, что ты придешь!

— Где мой племянник? — не здороваясь прошепел желтоглазый упырь. — Я пытался найти Рэля по запаху мысли, ничего не получилось. Он вчера не вернулся в Рудну, мы беспокоимся. Пришлось потревожить вас — Рэль упомянул, будто отправляется в Арелату. Что с ним?

— Долго рассказывать, проще показать, —

Гвайнард махнул рукой, и вышел на лестницу. Хальк, Джигг и Валент остались в комнатах, а мы вместе с упырем направились во двор, ко входу в подвал.

— Один каттакан всегда может отыскать другого, на каком бы расстоянии он бы не находился, — пояснил Гвай, когда мы зажгли факел и начали спускаться в глубокий погреб. — Своего рода телепатическая связь. Ритагонн, ты на самом деле не можешь почувствовать мысль Рэля?

— Для этого нужно, чтобы были мысли, — сварливо проворчал упырь. — Признаться, мы в Рудне напуганы, ничего подобного раньше не случалось. Сначала подумали, что Рэль умер...

— Утром был жив, — тихо отозвался Гвай. — Его оглушил монстр-псионик, если ты понимаешь о чем я говорю. Пришлось упрятать Рэля сюда, подальше от солнца.

— Псионик? Давайте посмотрим, — озадачено сказал упырь, и наклонился над Рэльгонном, который лежал в том же положении, что и на рассвете. — Гвайнард, убери факел подальше, вдруг эта рухлядь загорится? Я отлично вижу в темноте. Так... Живой, это неоспоримо, но сознание отсутствует напрочь. Придется провести кое-какие исследования.

Ритагонн возился со своим племянничком не меньше двух квадрансов — цеплял ему на руки и на голову светящиеся призрачным синим светом коробочки, принесенные с собой из Рудны, изучал появляющиеся на них иероглифы и сквернословил так, что невоспитанному вампиру позави-

довал бы любой запойный боцман-пират с Барахских островов. Судя по всему, дело у Ритагонна не ладилось.

— Чепуха какая-то! — мне показалось, что упырь сейчас сплунет. Он посмотрел на Гвайнарда и постучал длинным ногтем по одной из шкатулок. — Знаете, что эта гадина утверждает? У Рэльгонна полностью стерта память! Полностью, понимаете? Ее соскоблили, будто чернила с пергамента! Никаких знаний, никаких умений — вообще ничего не осталось! Этого не может быть! Гвай, расскажи подробно, что вчера стряслось!

Мы, перебивая друг друга и пытаясь вспомнить любые подробности, начали повествовать о стычке с илтитидом. Ритагонн слушал и кивал, потом спросил о природе этих тварей и мы рассказали ему все то, что объяснял Валент.

— Очень скверно, — проронил каттакан. — Очень! Катаканов и так считанные единицы, по пальцам можно пересчитать, а тут эдакая угроза... Воображаю, что случится если такой илтитид «оглушит» всех нас! Никто ведь не сможет помочь!

— Рэльгонн выздоровеет? — без особой надежды спросил Гвайнарда.

— К счастью, да. — уверенно сказал упырь. — Мы давным-давно начали записывать наши воспоминания обо всем увиденном и услышанном при помощи особого механизма привезенного из нашего мира. Как предчувствовали... Рэль последний раз делал копию своей памяти и отражения личности три ночи назад. Все можно будет

восстановить, он станет прежним. Конечно, события минувших трех суток Рэль не вспомнит, но это большой бедой не является. Как, говорите, называется напавшее на него животное?

— Илтитид, — повторил Гвайнарда.

— Очень хорошо. А эти илтитиды являются монстрами, подлежащими уничтожению Ночной Стражей?

— Ты совершенно прав.

— И ты собираешься на них поохотиться в ближайшее время?

— Мы планировали это, но тут встает вопрос о нашей общей безопасности...

— Вот что. Я обещаю вам поддержку со стороны всей моей семьи. Девять каттаканов при желании могут заменить целую армию. Илтитидов следует истребить полностью — они представляют опасность не только для людей, но и для нас. А каттаканов слишком мало для того, чтобы мы могли рисковать.

— Ритагонн, как вы собираетесь принять участие в охоте? Видишь, что один-единственный илтитид сделал с Рэлем? — запротестовал было Гвай, но упырь самоуверенно махнул рукой:

— Мы сумеем защититься от псионических волн. Рэльгонн просто не догадывался, с каким именно противником столкнулся, иначе был бы осмотрительнее. Вам известно, где находится логово илтитидов?

— Предположительно... Это искусственные существа, порождения магии, их выращивают в магических лабораториях. Скорее всего одна из

них находится рядом с Арелатой, в замке барона Астера.

— Понятно. Сейчас я прыгну в Рудну, перемещу туда Рэльгонна и мои родственники займутся восстановлением его памяти. Попозже ночью я вернусь, проведем рекогносцировку. Сколько у тебя охотников, Гвай?

— Я сам и шестеро коринфийцев из здешнего отряда Ночной Стражи. И граф Кертис.

— Замечательно! Итак, я не прощаюсь...

Каттакан легко подхватил на руки бесчувственное тело Рэльгонна и мгновенно исчез.

— Они никогда не участвовали в охоте всем семейством, — медленно сказал Гвайнард. — Обычно мне помогали Рэльгонн или его дядя, остальные предпочитали не вмешиваться. Видать упырей крепко проняло...

— Еще бы! — воскликнул я. — Представь, что в мире осталось всего девять людей, пусть и не уязвимых для других тварей. А тут появляются чудища, способные убить всех нас! Что будешь делать?

— То, чем занимаюсь уже пятнадцать лет — убивать чудищ...

* * *

Давайте посмотрим, что же представляет из себя замок Астер — основная наша цель.

Судя по доставленным Витарием из библиотеки коринфского протектора картам и планам крепости, резиденция барона Астера является са-

мым обычным для Коринфии дворянским гнездом, практически не предназначенным для ведения серьезной войны. По моим оценкам, Астер могут с налету взять полсотни хорошо обученных бойцов без применения тяжелых осадных машин — стена низкая, холм пологий, без крутых обрывов и каменных завалов, башен всего две и расположены они неудачно — если нападающие ударят со стороны полуденного заката, боковая башня будет закрывать собой донжон и перекрестного лучного обстрела не получится. До такой роскоши как подъемный мост или ров архитектор замка не додумался.

Словом, это просто загородная резиденция не слишком богатого, но обеспеченного дворянина. С одним исключением: означенный дворянин или его приближенные балуются магией и не стесняются ее применять против собственных кметов — Гвай и Витарий были убеждены, что барон Астер (или кто там заправляет?) нарочно выпускает илигида на ночные прогулки.

Подходы к замку открыты — вокруг только жиденькие кипарисовые рощи и виноградники, местность с вершины холма отлично просматривается даже ночью, поскольку сейчас полнолуние. Судя по разрозненным сведениям, которые я собирал по городским тавернам, дружина барона Астера немногочисленна — человек тридцать. Кроме его милости в замке обитает незамужняя баронская сестрица и около десятка слуг. Всего получается не более пятидесяти человек. И это против отлично обращающихся с лю-

бым оружием восьмерых людей и мага, которым помогут девять каттаканов, обладающих уникальными способностями! Не смешно, дорогие мои...

Проще говоря, замок Астер падет к нашим ногам спустя две ночи, когда все будет подготовлено. Мы специально решили подождать, поскольку в тот вечер во дворце Великого протектора Коринфии намечается большой прием по случаю коронного торжества — празднуется День Короля Нумы, основателя Немедии и все дворяне города, в том числе и приезжие, приглашаются к наместнику — принять участие в куртуазных развлечениях. Хальк и Джигг отправятся в замок и постараются чтобы их заметили как можно больше людей — надо себя хоть как-то обезопасить. А мы в это время будем вершить черные дела...

Через сутки после явления Ритагонна к нам явился выздоровевший Рэль, собственной персоной. Причем его настроение даже скверным назвать было никак нельзя — упырь, в прямом и переносном смысле, жаждал крови. Рэльтонну во всех подробностях рассказали о происшедшем и он понял, что находился на самом краю пропасти.

— Это просто чудовищно! — возглашал каттакан, сидя в покоях Халька за кубком молодого красного вина. — Только вообразите, что случилось бы, не окажись у нас в Рудне механизма, копирующего воспоминания! Я бы так и валялся в вашем подвале бесчувственной колодой, а какая-нибудь добрая душа обязательно вытащила

бы тело мерзкого вампира на солнечный свет и... Даже думать об этом не хочу!

— Хвала богам, все обошлось, — с облегчением заметил барон Юсдаль. — Вы выяснили, почему ты лишился памяти? Каков механизм воздействия илтида?

— Такое прозвучит странно, но каттакан почти в сотню раз восприимчивее к псионической магии, нежели человек, — ответил Рэльтонн. — Не обижайтесь, но мы гораздо более развиты, наша раса намного старше человеческой и, соответственно, у каттаканов очень восприимчивая... э... душа. Мы это называем «нервной системой». В этом отношении мы чувствительнее людей, если угодно — нежнее. Илтид сначала оглушил меня псионической волной и успел «высосать» мои воспоминания, которые по большому счету тоже основаны на псионике. Тварь попросту «пообедала» моими мыслями. Ясно?

— Вполне, — вздохнул Гвайнард. — Ритагонн что-то говорил о некоей защите против илтидов, которую вы сможете использовать во время нападения на замок Астер. Можно подробнее? Дело в том, что Валент собирается укрыть нас каким-то магическим куполом, о котором вычитал в кхарийской книге, а я не особо доверяю ахеронскому колдовству.

— Наша защита человеку никак не поможет, — отрицательно покачал головой упырь. — Мы используем механику, которая действует только на каттаканов...

Тут в янтарных глазах Рэльтонна вспыхнул

нехороший золотой огонь, и упырь мстительно усмехнулся:

— Можете не беспокоиться. Пока вы будете ждать у ворот, мы устроим в Астере такой запоминающийся спектакль, что хозяева замка и через год будут просыпаться в холодном поту и звать маму! Каттаканы не лишены чувства прекрасного, а посему мы постараемся подтвердить репутацию кошмарных кровавых упырей. Думаю легенды о нашем появлении в резиденции барона Астера будут ходить по Коринфии не одно десятилетие. И, что характерно, никто не заподозрит в нападении вас — внимание будет привлечено только к клыкастым вампирам, злонамеренно устроивших погром и жуткую оргию в замке ни в чем не повинного барона!

— Только не перестарайтесь, — фыркнул Гвайнард. — И очень прошу, без лишнего членовредительства! Нам не нужна гора трупов!

— В случае прямого нападения, особенно магического, мы будем вынуждены защищаться!

— Это пожалуйста, но... Лучше обойтись без больших жертв.

— Полагаю, после первого же нашего появления, большая часть обитателей замка разбежится кто куда, теряя штаны на ходу! Остальное — ваша забота!

* * *

«Нашей заботой» было истребление чудищ, разгром магической лаборатории и задушевная

беседа с живущим в Астере колдуном, буде удастся такового поймать. Однако, Хальк высказал пессимистичную мысль, что, возможно, мы ошибаемся и ничего в замке не обнаружим. Валент тут же опроверг необоснованные догадки месьора библиотекаря, заявив, что магическое поле вокруг Астера напряжено и нет никаких сомнений в том, что за стенами маленькой крепости трудится волшебник, использующий магию кхарийцев. Я был более склонен верить Валенту.

Хальк Юсдаль, разряженный в дорогой бархатный колет с золотой баронской цепью, отбыл во дворец протектора — праздновать День Нумы. Джигг, как верный камердинер, поехал сопровождать господина. А мы с Гваем и Валентом дождались сумерек и вновь отправились к Бельверусскому тракту, где уговорились встретиться с Витарием и его отрядом. За нами не следили, а если следили, то весьма умело — я проверял несколько раз, но увязавшегося вслед шпиона не обнаружил.

По договоренности с каттаканами мы должны были появиться возле Астера между восходом луны и наступлением полуночи. Ждать следовало шагах в трехстах от ворот замка, скрываясь в тени кипарисов. Как только упыри завершат вступительную часть своего представления, к нам сразу же переместится Рэльгонн и проводит к воротам.

Гвайнард успел предупредить, что каттаканы вполне способны учинить весьма впечатляющую феерию, используя как свою врожденную магию,

так и механику. И тем не менее все до единого охотники месьора Витария вкупе с вашим покорнейшим слугой оказались совершенно неподготовленными к случившемуся. Никогда бы не подумал, что такое вообще возможно — спектакль Рэльгонна и его сородичей можно было отнести к области чистейших сказок...

Приближалась полночь, мы оставили лошадей в роще и стали ждать. Валент попутно выдал каждому по весьма странному амулету, над изготовлением которых трудился последние сутки — выглядели они бесформенным комком черного металла на которых было выгравировано по сложному иероглифу, которые я однозначно распознал как кхарийские. Гвай сразу сказал, что надевать эту пакость на шею он не станет — магия Ахерона находится в полном противоречии с заключенным в медальоне Ночной Стражи охранным волшебством Пелиаса из Кофа. Все прочие охотники последовали примеру Гвайнарда и запрятали амулеты в пояса.

Если верить Валенту, маленькие слитки создавали единую цепь, способную уберечь нас от исходящих от илитидов оглушающих волн — на каждый амулет наложено соответствующее заклятье. Одна беда — охотники должны держаться вместе и не отходить друг от друга дальше, чем на полтора десятка шагов, иначе защитная цепь разрушится.

— А вот и Рэльгонн со своими... — сказал Гвай, расслышав донесшийся откуда-то сверху тонкий писк, более приличествующий не разумному кат-

такану, а летучей мыши, вытянул руку, указывая в сторону замка. — Левее, со стороны холма!

Сначала мне показалось, что в звездном тумане над Астером кружат несколько огромных птиц со светлым оперением. Но когда одна такая «птичка» вдруг резко скользнула вниз и со свистом рассекла воздух прямо над нашими головами, стало ясно, что я ошибся. Каттаканы изменили форму тела и теперь походили на гигантских нетопырей с перепончатыми крыльями и зубастой головой с пылающими тусклым золотом глазищами — выглядит чудовишно! Но зато теперь Рэльгонн и его любящие родственники могут летать...

— Начинается, — зачарованно пробормотал Витарий. — Нет, вы только посмотрите!..

Каттаканы (всего их было восемь, а не девять — один на всякий случай остался в Рудне) поднялись на высоту пятисот-шестисот локтей, выстроились в цепочку и начали описывать над Астером широкие круги.

Внутри кольца неожиданно образовался туман, сначала белесый, потом сероватый. Тучка постепенно набухла, темнела и наконец превратилась в тугое бурлящее облако, в глубинах которого мелькали неясные голубые и фиолетовые вспышки. Строй упырей внезапно распался, они опустились ниже, а облако вдруг исторгло несколько самых настоящих молний, ударивших по башням замка и в деревья неподалеку от ворот. Один из кипарисов вспыхнул, по округе разнесся гулкий раскат грома.

Дальше началась такая невероятная иллюминация, что я залюбовался. Упыри очень старались как можно эффектнее обставить свое появление, душу вкладывали — молнии, непрерывный и очень грозный рокот грома, россыпи искр, мертвенное зеленоватое сияние над замком, какие-то мерзкие призраки, сотканые из прозрачного тумана... Добавим сюда жутчайшие завывания и взвизгивания каттаканов быстрыми тенями шнырявшими над самыми стенами.

В Астере началась тихая паника. Окна-бойницы в жилой башне осветились, по периметру стен замелькали факелы, сквозь рычание колдовской грозы до нас доносились испуганные крики и сухие щелчки арбалетов.

Прямо перед нами на траву с размаху бухнул Рэльгонн. Боги, да встретить я такого монстра еще две-три седмицы назад, бежал бы без оглядки! Скользящая синюшно-белая кожа, широкие крылья с коготками, крошечные задние лапки, в которые превратились ноги. О пасти, весьма смахивающей на акулю, лучше вообще не говорить — замечательные конические зубы упыря отражали взлески молний и делали его похожим на демона, вылезшего из самых крошечных глубин Черной Бездны. На голове каттакана красовалось некое подобие легкого пехотного шлема-шапеля, что придавало его носителю слегка комичный вид. На «шлеме» мерцали изумрудные огоньки — видимо, это и была защита каттаканов от псионической магии.

Рэльгонн приподнялся, опираясь на крылья,

улыбнулся (лучше бы он этого не делал, честное слово!) и сипло пролаял:

— Бегом к воротам! Дядюшка со своими сыновьями захватил надвратную башню и выкурил оттуда стражу! Оттуда немедленно направляйтесь в донжон, кажется то, что нас интересует находится именно там!

— А ты? — рявкнул Витарий.

— Я полетел развлекаться дальше... — Рэльгонн сделал несколько неуклюжих прыжков, развернул крылья, поймал теплый поток воздуха и по плавной кривой взмыл в небо. Сверху донеслось: — Быстрее, олухи! Нельзя терять фактор внезапности!

Когда мы примчались к воротам, выяснилось, что правая створка открыта, а людей поблизости не наблюдается. Я только выругался, когда одна из молний ударила в барбикен и на нас посыпалась каменная крошка. Под аркой нас встретил Ритагонн, вновь принявший человекоподобный облик и закутанный в неизменную черную хламиду. Голову венчает шлем, такой же как у Рэля.

— Двор полностью очищен, — быстро проговорил каттакан. — Никаких илтидов пока не наблюдается, но из башни нас пытались атаковать огненными шариками... Не попали, к счастью! Будьте осторожны, мы вас прикроем!

Каким образом упыри «очистили» двор, я предпочел не спрашивать. Потом выяснилось, что большую часть стражи каттаканы перенесли через Ничто в лес, лиги на три к восходу от замка — никто из баронских вояк не мог заметить,

как рядом с ним на мгновение появляется неясная черная тень, хватает за плечо или руку, швыряет сквозь пространство незнамо куда, а потом столь же быстро исчезает. Над полагать, впечатления у дружинников его милости остались сильные и запомнились надолго...

Неожиданности начались прямиком на первом этаже донжона. Едва мы успели подбежать к дверям, Валент одновременно ухватил меня и Гвайнарда за одежду и взвыл:

— Ни шагу дальше! Стоять!

— Да в чем дело-то?!

— Защита! Магическая защита! Я ее чувствую! Витарий, дай сюда арбалет!

Стальной болт улетел в оранжевую полутьму, ударил в камень и со звоном откатился в сторону. Ничего не произошло.

— Наверное, реагирует только на живую плоть... — поморщился Валент. — Войдем, и тут же сгорим!

— Не сгорим, — яростно отозвался Гвай. — Илителиды — живые? Живые! А этой скотине на твою защиту наплевать с крыши донжона!

Здравствуйте... В глубине коридора ведущего в башню появилась чуть освещенный развешанными по стенам масляными лампами округлый силуэт, плавно и неторопливо летевший в нашу сторону. Тварь в точности походила на зверюгу, виденную нами возле хутора Тарн несколько ночей назад — летучий мозг с клювом, щупальцами и небольшими глазками.

— Ну, Валент, проверим, как действуют

твои обереги, — процедил Гвайнард. — Ты можешь нанести по нему удар магией?

— Попробую...

Волшебника опередили — илителид атаковал первым. Мы внезапно почувствовали резкую боль в затылке, в голову словно раскаленное шило воткнули. Сознание, однако оставалось ясным — псионическая волна почти не задела людей. Охотники ответили залпом арбалетных стрел.

Илителид тонко заверещал — болты попали в его «мозг», а уклониться от выстрелов как в прошлый раз не получилось, коридор был слишком узким. Чудище дернулось, отпрянуло на несколько шагов назад, потом испустило новую волну, которая лишь на мгновение усилила головную боль.

— Отходим! — рявкнул Валент. — У него инстинкт, илителид обязательно начнет нас преследовать! Давайте же!

Мы попятились, отступая к ступенькам большого каменного крыльца. Зверюга не раздумывая полетела вслед за нами.

Ф-фух! На мгновение меня ослепило вспышкой болезненно-розового огня появившейся в коридоре. К подошвам сапог упало что-то лишнее и скользкое, похожее на скверное желе.

— Я ж говорил... — выдохнул Валент. — Илителид напоролся на защитное заклятие и его разорвало на мелкие лоскутки! Заклинание снято! Гвайнард, пусти меня вперед!

Хлюпая подошвами сапог по растекшейся в коридоре луже противной слизи, мы пробежали

к лестнице ведущей вверх. Нигде ни души — уставленная деревянной резной мебелью и украшенная дорогими гобеленами главная зала первого этажа пустовала. Ни военных, ни прислуги — все разбежались!

...Если вы никогда не видели поединок с использованием боевой магии, то многое потеряли. Это зрелище не только опасно, но еще и очень красиво.

Импровизированный штурм донжона мог бы обойтись нам очень дорого хотя бы потому, что с разъяренными и напуганными колдунами лучше не шутить. Едва отряд очутился на нижней площадке широкого каменного входа, как на нас обрушился град жгучих синих огней, заперсто проплавливших гранитные плиты лестницы.

Спасибо Валенту — вовремя среагировал! Волшебник мигом образовал перед собой некое подобие полупрозрачного круглого щита диаметром в четыре локтя, который поглощал колдовское пламя. Затем глава ордена Равновесия ответил супостату своим заклятием, образовавшим сияющую режущим глаз светом сеть, опутавшую неясную фигуру, что стояла на верхних ступенях лестницы.

Новое заклинание — и сеть рассыпалась искрами, а по нам ударили малиновой молнией, которую магический щит Валента едва сдержал. Начало сильно пахнуть грозой и потянуло обжигающим холодом — верный признак того, что в действие пошло исключительно мощное темное колдовство. Заклинания сталкивались меж собой,

переплетались, образуя радужные вихри и кольца багрового огня. Охотники вместе со мной укрылись за каменными статуями и перилами лестницы, один только Валент продолжал настойчиво отражать атаки противника, пытаясь обратить того в бегство или заставить сдаться.

Не смотря на то, что поединок продолжался очень и очень недолго, не более четверти квадраса, я промерз до самых костей, а на граните появился толстый слой инея.

Воздух потрескивал от пронизывавшей его магии, главная зала донжона сияла многоцветными огнями и сотрясалась от грохота. Я начал понимать, с какой невероятной силой мы столкнулись. Это уже не шутки...

Нергал вас всех заberi, где же каттаканы? Почему не помогают?

А каттаканы — вот они! Внезапным окончанием колдовской баталии мы были обязаны исключительно сородичам Рэльгонна, применившим свою тактику, как выяснилось, куда более действенную, чем наша. Один из упырей на краткий миг выпрыгнул из Ничто рядом с Валентом и куда-то его переместил. Полагаю, находившийся наверху маг Черного Солнца оказался немало озадачен столь неожиданным исчезновением врага. Еще мгновение спустя дядюшка нашего дружка-вампира материализовался за спиной супостата и без всякого смущения от души приложил ему по загривку короткой деревянной дубинкой со свинцовым наконечником.

И всё. Наступила тишина.

— Ф-фу... — Валент, сопровождаемый незнакомым упырем (наверное, одним из сыновей Ритагонна) вывалился из-за ближайшей колонны и вытер рукавом пот со лба. — Чтоб я еще хоть раз применил кхарийскую магию?! Да ни за какие деньги! Эти заклинания едва меня самого не отправили на Серые Равнины! Гвай, Кертис, Витарий, чего встали, как столбы? Проверьте, что творится наверху!

А наверху, с весьма самодовольным и помпезным видом стоял месьор Ритагонн, картинно поставивший одну ногу на поверженного врага.

— Я знаю, что это нечестно, — невинным тоном сказал каттакан, когда мы поднялись и обступили инертное тело колдуна. — Но что еще прикажете делать? Ведь надо было положить конец этому безобразию? Вы, почтеннейший Валент, едва не разнесли замок по камушку...

Мы невольно шархнулись в сторону, когда из пустоты внезапно появились еще трое каттаканов во главе с Рэльгонном. Упырь невозмутимо отрапортовал:

— В замке кроме нас больше никого нет. Прислуга и стража будут еще долго гадать, где они оказались. Ничего с рассветом разберутся, не так уж и далеко мы их перебросили. В покоях месьора Астера пусто, лошадей в конюшне нет — надо думать, барон куда-то уехал.

— Наверное, он в Арелате, на празднике у протектора, — предположил я. — Рэль, мы осмотрим замок, а вы наблюдайте за окрестностями. Нежданные гости нам совершенно не нужны!

— Договорились...

Рэль и прочие каттаканы кроме Ритагонна сгнули, а я присел возле закутанного в синий плащ бессознательного мага и перевернул его на спину. Охотники дружно присвистнули.

Женщина. Довольно молодая, по крайней мере не старше тридцати лет. Привлекательная, лицо дворянское, породистое. Ничего себе! Я-то, болван, всегда полагал, что магия является исключительно мужским ремеслом!

— Нечего тут церемониться, — проворчал Витарий, увидев озадаченное выражение на моем лице. — Пока магичка не очнулась, давайте обезопасим себя от возможных неприятностей.

Охотник покопался в своей сумке и извлек оттуда серебряные кандалы необычной формы. Нечто похожее я видел раньше у нас в Латеране — каждый палец мага охватывается тяжелым серебряным кольцом, которые скованы меж собой цепочкой. Такие оковы не позволяют колдовать — творить заклинания со скованными серебром руками невозможно.

— Она еще долго не очнется, — со знанием дела сказал Гвай, осмотрев зрачки женщины. — Ритагонн, разве нельзя было бить полегче?

— Я хотел, чтобы наверняка...

— И едва не убил. Ладно, пусть пока лежит здесь, Витарий, присмотрите за ней... Лаборатория скорее всего на этом этаже. Очень прошу, будьте осторожны!

Мы сунулись в ближайшие от верхней лестничной площадки двери и сразу очутились там,

где нужно. Значит, вот откуда появляются или-тиды!

На классическую лабораторию мага этот зал походил довольно мало. Не было затянутых паутиной мрачных углов в которых шевелятся таинственные неясные тени, не наблюдалось пыхающих синим пламенем атаноров, черепов с драгоценными камушками вместо глаз или обязательного чучела крокодила повешенного под потолком. Громадная комната выглядело значительно оригинальнее.

Вне всякого сомнения, взрослых илитидов здесь не было — единственная тварь содержащаяся в замке глупо погибла от охранного заклинания своей же хозяйки. Скорее всего илитид обитал днем в большой клетке, стоявшей в дальнем углу залы — дверца оказалась распахнутой. А вот на длинных столах ровными рядами стояли округлые сосуды желтоватого стекла, в которых шевелилось нечто живое...

Валент осторожно взял в руки одну из колб, которая была размером с голову взрослого человека, и всмотрелся. В прозрачной жидкости плавал маленький илитид, еще слепой — вместо глазок белели два крошечных шарика. Клюв был длиной с мизинец, щупальца слабо подергивались.

— Гадость какая... — брезгливо скривился волшебник. — На каждую колбу наложено заклинание, развивающее способности илитидов к псионике. Эти младенчики довольно скоро вылупятся, точнее будут готовы покинуть питательную жидкость и начать жить самостоятельно. Пока

что они беспомощны, но если пройдет еще полторы седмицы, мы столкнемся с целым войском этих тварей!

— Войско-не-войско, но илитидов тут хватает, — отозвался Гвай, расхаживавший вдоль столов. — Я насчитал шестьдесят четыре сосуда. Это много или мало?

— Очень много, — грустно сказал Валент. — Десятка тварей хватит, чтобы уложить на месте три пехотных легиона! Ну а с шестьюдесятью илитидами я бы смело отправился на завоевание мира! Митра Всеблагой, зачем Черному Солнцу столько этих зверюг? Для чего?

— Пожались, — высказал здравое предположение Витарий. — А может быть, большинство малышей погибает после... э... рождения? Предлагаю сжечь здесь все к демоновой матушке! Валент, ты можешь уничтожить замок магией? Желательно, кхарийской — чтобы колдуны Черного Солнца начали подозревать в нападении на Астер своих же собратьев.

— Белое Пламя Оридата, — поразмыслив, сказал волшебник. — Одно из мощнейших заклятий боевой магии Ахерона... Правда, силы уйдет примерно, придется отсыпаться три дня. Но зато от замка даже пепла не останется!

— Тогда действуй, — бросил Витарий. — Один вопрос: что делать с магичкой? Кстати, вы заметили медальон у нее на шее? Герб барона Астера. Уверен, это сестра его милости!

— Не убивать же, — проворчал Гвайнард. — Сначала надо порасспросить, что да как...

Меня осенило. Развернувшись на каблуке, я обратился к упырю:

— Ритагонн, эта красавица наверняка состоит в конклаве Черного Солнца и должна много знать! Вы можете немедленно доставить ее в Тарантию? В любящие объятия барона Гленнора?

— Отличная мысль, это выход! — тотчас воскликнул Гвай. — Если Валент уничтожит замок, другие маги Черного Солнца подумают, что женщина погибла и не станут ее искать!

— Уговорили, — без всяких возражений согласился упырь. — Только меня придется сопровождать — в отличие от Рэльгонна я никогда не был в Тарантии.

— Хорошо, хорошо, — я поднял ладони в знак согласия. — Переместимся напрямик в поместье Латерана, это главная резиденция тайной службы. Сдадим нашу подружку куда следует, я быстро переговорю с Гленнором и сразу вернемся обратно.

— Эй вы, надо быстро сворачиваться! — вот и Рэльгонн, легок на помине — выскочил из Ничто рядом с дядюшкой. — Если не поторопимся, нам светят большие неприятности!

— А именно? — насторожился Гвай.

— Как ты и приказал, мы летали над окрестностями и Арелатой, наблюдали. Из города в нашем направлении вышел большой конный отряд, не меньше пятидесяти всадников. Идут на галопе по Бельверусскому тракту, направляются к Астеру. В самой Арелате зашевелилась городская стража. Черное Солнце каким-то образом узнало

о захвате замка, сомнений в этом нет. Вам надо немедленно возвращаться в «Горного Орла» и сделать вид, что вся компания мирно дрыхла и знать ничего не знает...

— Ясно, — я принял решение мгновенно. — Рэльгонн, пусть один из твоих родственников сейчас же переместит Витария и его Ночных Стражей на постоянный двор. Валент, сколько времени потребуется на уничтожение замка?

— Не больше квадранса.

— Отлично! Ритагонн, ты останешься с нами, а Рэль отправит магичку в Аквилонию — он бывал в Латеране и знаком с бароном Гленнором. наших лошадей придется переправить в город, к счастью они отдохнули и не выглядят взмысленными... Что застыли, начинаем работать!

Мы управились меньше, чем за четверть колокола. Рэль взял доселе не пришедшую в себя колдунью на руки и отбыл в Тарантию. Витария сотоварищи упыри отправили домой, напрямик в их комнаты расположенной на окраинах Арелаты скромной таверны. Мы с Гвайнардом и Ритагонном занялись лошадьми — переместили коней в стойло при «Горном Орле», мгновенно расседлали и каттакан сразу отправил нас в наши покои — не хотелось оказаться замеченными мучимыми бессонницей постояльцами или сторожем постоялого двора. Еще несколько мгновений спустя в комнате материализовался один из сыновей Ритагонна вместе в Валентом. Маг выглядел очень устало.

— Сделал? — бросился я к волшебнику.

— Подойди к окну, заклинание вот-вот должно сработать... — прохрипел Валент. — Отсюда будет видно.

Гвай стразу распахнул ставни и вгляделся в ночную тьму. Ничего не происходило. Луна, окруженная красноватым ореолом, спускалась к горам, мелькали редкие метеоры и холодно горело раскинувшееся на половину неба созвездие Меченосца. До рассвета оставалось не меньше трех колоколов.

— Ты ничего не перепутал... — начал было я, но Валент лишь тяжело вздохнул и сжал мое запястье.

— Боги, что же это такое? — ахнул я, глядя в окно.

— Кхарийцы были великими искусниками в области боевой магии, — прошептал волшебник. — Но как это ужасно...

Вначале я подумал, что солнце решило изменить привычный строй мироздания и взойти со стороны Заката. Неподалеку от города вспыхнуло золотисто-белое полушарие чистого огня, на несколько мгновений в Арелате стало светло, будто в ясный полдень. Даже на расстоянии четырех лиг отсвет пламени слегка обжег кожу на моем лице и заставил долго протирать глаза. Вокруг огненного купола распространилось несколько розово-оранжевых колец, тут же растворившихся в горячем воздухе. Когда свет начал меркнуть, город сотрясся от тяжелого гула, идущего словно бы из самых глубин земли.

— Ты опасный человек, Валент, — растерянно

сказал я, наблюдая за вздымавшимся к небу облаку дыма, смешанного с жидким пламенем. — Неужели все это — твоя собственная сила?

— Не моя, — мотнул головой волшебник. — Я лишь открыл проход между самым сердцем Огненной Бездны и замком Астер. На один-единственный миг. Бездна выбросила в наш мир ничтожную частицу своей беспредельной мощи. Впервые это заклинание использовал Оридат, самый знаменитый маг Ахерона... Как я устал! Кертис, даже если сегодня начнется великая Битва Богов и наступит конец мира — меня не будить!

Валент проковылял к своей кровати, с трудом сбросил верхнюю одежду и сразу рухнул на чистые льняные простыни. Заботливый Гвайнарда укрыл мага шерстяным пледом.

— И что теперь? — поинтересовался охотник.

— Ложимся спать. Я уверен, что скоро прибежит городская стража. Мы должны выглядеть заспанными. Лошадей Халька и Джигга я на конюшне не заметил, значит они еще не вернулись из замка протектора. Тем лучше, будет меньше подозрений. Кажется, мы работали чисто, не подкопаешься.

— Хотелось бы в это верить!

— ...А вы и не верьте, дражайший месьор Гвайнарда!

Едва лишь я услышал этот голос, мое сердце незамедлительно кануло куда-то в область левой пятки.

За моей спиной стояли довольно лыбящийся Рэльтонн, чья клыкастая пасть сейчас показалась

мне особенно отвратительной, и... И барон Данкварт Гленнор, обожаемый начальник и бессменный глава тайной службы Трона Льва. Ему-то что здесь понадобилось?

— Кертис, тебя следовало удавить еще в колыбели! — не соизволив поздороваться безапелляционно высказался господин барон. — Я знаю, что ты способен на самые безумные выходки, но то, что вы устроили нынешней ночью переходит все мыслимые границы! Месьюр Рэльгонн мне все рассказал. В подробностях. После этого я решил слетать в Арелату и лично высказать свое неудовольствие.

— Ваша милость распорядились действовать в соответствии с обстоятельствами, — я попробовал напустить на себя самый безмятежный вид. — Таковые обстоятельства требовали незамедлительного вмешательства.

— ...А маги Черного Солнца теперь станут втройне осторожны, — проворчал Гленнор. — Ты поставил под угрозу тщательно разработанную операцию, балда! Но за пленение магички — спасибо. Это тебя отчасти извиняет. С ней сейчас сидит лекарь, как только она станет вменяемой, начнем работать... И вот еще что. Будьте крайне осмотрительны. Началась война. В Аквилонии.

— Что? — поперхнулся я. — Уже? Когда?

— В ваше захолустье новости приходят с опозданием. Король и гвардия короны направились в Полуденный Пуантен. Мятеж подняли сразу четыре графства, пожар скоро перекинется на Немедию и Коринфию — Черное Солнце будет

вынуждено действовать. Вот такие у нас дела, любезный граф... Впрочем, мне надо возвращаться. Берегите себя.

Гленнор повернулся к Рэльгонну и упырь молча коснулся вытянутых ладоней господина барона. Мгновение спустя они были уже в Тарантии, за сотни лиг от столицы Коринфского протектората.

— Кертис, боюсь поспать нам не удастся, — сказал Гвай, прислушиваясь к донесшемуся со двора грохоту. В окнах мелькали факельные отсветы. — Кажется, в ворота колотятся? Руку даю на отсечение — это стража Арелаты!..

9. Второй рассказ Зенобии

Сумрачный полдень

4 день третьей осенней луны 1296 г.
Окрестности Толозы.

Вкружающий меня пейзаж в точности напоминает миниатюры из трактатов по военному искусству, раздел повествующий о штурмах и осадах крепостей. Если посмотреть с небольшой возвышенности, на которой установлены шатры короля и его легатов, то справа мы увидим восемь здоровенных требюштов — метательных машин, способных швырнуть круглое каменное ядро диаметром в три локтя на расстояние двухсот шагов.

Слева от холма трудятся гвардейские механики, распоряжающиеся согнанными из ближайших деревень простецами, которые возводят осадные башни. В близлежащем лесу непрестанно стучат топоры — армии необходимо много дерева. Поодаль пасутся коровьи стада — Конан рас-

порядился забрать с каждого вилланского двора по корове или быку, их сырыми шкурами будут обиты осадные башни, а мясо пойдет на пропитание войска.

Если же смотреть прямо, то взгляд упрется в стены мятежной Толозы.

Сейчас утро. Несмотря на то, что началась последняя луна осени, в Полуденном Пуантене стоит ясная и теплая погода, заморозки случаются только ночами, но иней исчезает сразу после рассвета. Огромный лагерь гвардии короны просыпается — позавчера подошел пеший легион, разместившийся к полудню и полуденному восходу от города, общая численность нашего войска вплотную подошла к четырем тысячам клинков.

Паллантид утверждает, что этой армии будет вполне достаточно, чтобы усмирить бунтовщиков и без серьезных потерь взять город, но Конан только хмурится и качает головой — муж признался мне, что у него появились нехорошие предчувствия. Обычно, врожденное чутье киммерийца на опасность его не подводило, но я тешу себя надеждой, что у Конана сейчас просто скверное настроение и нам не о чем беспокоиться. В конце концов, скоро должны подойти подкрепления — соколиная почта подтвердила, что два из четырех легионов с немедийских границ уже выдвинулись на Полдень.

И тем не менее гвардия начала возводить «правильный» полевой лагерь — нечто наподобие временной крепости, способной задержать противника в случае нападения. Вокруг выстроен-

ных квадратом палаток насыпается вал, который укрепляется бревнами и отточенными кольями, по углам ставятся башенки, за валом по периметру ставятся катапульты. Взять подобное укрепление с налету силами конницы или пехоты невозможно.

Толоза насуплено молчит и огрызаться вылазками пока не собирается — горожане и запершаяся в городе часть воинства графа Раймона понимают, что связываться с лучшим гвардейским легионом Аквилонии бесполезно. Даже если у мятежников будет двойной численный перевес, они не смогут выиграть ни мелкие стычки, ни сражение. Силенки не те. Установленные на башнях катапульты и баллисты до лагеря Драконов не достают, а потому обе стороны потерь еще не понесли.

Раймон доселе отсиживается в своем замке на полуночном берегу реки. Нарбонет пока находится в безопасности — Конан и Паллантид решили, что распылять наши силы и одновременно начинать осаду города и замка бессмысленно, особенно если учесть, что Нарбонет очень велик и замечательно укреплен. В любом случае замок окажется в кольце — стоит лишь дожидаться появления дополнительных войск. Излишней суеты вокруг Нарбонета не замечается, только изредка проскальзывают в ворота всадники, приезжающие со стороны Заката. Раймон скорее всего пытается собрать армию из своих ленников, но пока наши дальние дозоры не замечали ничего подозрительного — в округе спокойно.

Конана очень беспокоит положение в цитадели Толозы — вчера, рядом с королевским знаменем Аквилонии, на главной башне появился черный флаг, означающий, что графу Люксэ и его людям приходится туго и они просят о немедленной помощи. Договориться с горожанами мы не сможем, особенно после того, как магистрат и военные не выполнили ультиматум короля и не сдали город без боя. Следствием стала показательная казнь девятнадцати старшин и вигуэров явившихся к королю для переговоров. Их смерть, несомненно, произвела на горожан самое дурное впечатление — они поняли, что пощады не будет и решили обороняться или ждать помощи от графа Раймона.

Я доселе жалею, что не убедила Конана отменить казнь заложников. Он тогда упрямо заявил, что никаких разговоров с бунтовщиками, убийцами и лицемерами вести не намерен, а потому, если поставленные королем условия (открыть ворота, впустить в город гвардию короны, выдать главарей мятежа и жрецов-фатаренов) не будут немедленно выполнены, то Толоза на своей шкуре узнает, что такое пресловутый «монарший гнев».

Времени на раздумья было дано предостаточно — полный вечер, ночь и утро. Но по каким-то причинам город решил пожертвовать почти двумя десятками самых уважаемых граждан и сдаваться отказался. Не исключено, что большую роль в этом сыграли предводители еретиков — Аньес рассказала, что фатаренов в Толозе более

чем достаточно и они имеют сильное влияние на умы людей.

Митрианские монахи ордена Вечного Солнца под предводительством брата Бернарта Монеда из Зингары тоже не сидели сложа руки. В деревнях около Толозы было выловлено несколько проповедников учения пророка Мэниха, причем четверо оказались «Совершенными», то есть жрецами высшего посвящения. Всех еретиков гвардейцы немедленно отправляли в наш военный лагерь, предварительно заковывая в кандалы. Монахам же предстояло разобраться, что представляют из себя «Совершенные» и можно ли обвинить их в запрещенном законами Аквилонии поклонении Тьме. Если это обвинение будет доказано, то кара будет неизбежной...

Не далее как вчера вечером в королевском шатре состоялся весьма примечательный разговор, при котором мне довелось присутствовать. Перед самым закатом брат Бернарт попросил аудиенции у Конана и был немедленно препровожден к королю.

— ...Когда фатарены появились в Зингаре, мы быстро вытравили эту заразу, ересь не успела распространиться так широко, как в Пуантене, — гворил монах, усевшись напротив киммерийца. Я тем временем налила гостю вина, но Бернарт отказался, сославшись на аскетические правила своего ордена. — Мы предполагали, что у смутьянов есть четкая иерархия, что они пользуются некоей магией, но... То, что мы выяснили за минувшие дни, приводит меня в ужас.

— А подробнее можно? — мрачно спросил Конан.

— Фатарены неспроста завоевали симпатии простого народа. В отличие от многих не самых благочестивых жрецов-митрианцев они не ищут богатства и никогда не принимают приношений в виде денег...

— А как же дворянские земли и поместья переданные секте? — удивилась я.

— Этим занимаются не «Совершенные», а так называемые «Верные». Расскажу чуть позже. Так вот, высшие жрецы не берут денег, ведут самый непорочный и чистый образ жизни, дают обет не убивать животных и не есть их мяса — верования фатаренов гласят, будто в теле зверя может быть заключена человеческая душа, на сумевшая уйти в бесплотное царство Истинного Света. Ходят всегда пешком и в паре — чтобы один из жрецов никогда не оставался наедине со своими помыслами, которые благодаря велению греховной плоти могут стать нечистыми... Все они девственны и отрицают плотскую любовь, поскольку она порождает новую плоть, в которую будет заключен не оскверненный материей дух. «Совершенные» искренне верят в учение Мэниха и следуют его заветам, они готовы простить каждому человеку его прегрешения, потому, что в них виновна не душа, а плоть.

— Тебя послушать, так получается, что они истинные святые, — усмехнулся киммериец. — Но то, что происходит здесь, указывает на прямо противоположное. Не думаю, что монахам твоего

ордена захотелось бы оказаться в одном из монастырей Толозы три седмицы назад!

— Все верно, — склонил голову Бернарт. — Проповеди «Совершенных» — это только первая часть поистине демонического плана главарей секты! Самое неприятное состоит в том, что высшие жрецы провозглашают свои верования *единственно истинными*! Митра, Иштар и прочие боги недостойны поклонения, ибо они сотворили тварный мир, наполненный страданием и смертью. Следовательно, надо отречься от злых божеств и обращаться единственно к Свету. Статуи богов фатарены считают идолами, храмы являются капищами, в которых возносятся хвалы торжеству тленной плоти, всякая власть для них — очевидное зло, ибо обладание ею противоречит основной идее учения: отречению от материи в пользу духа. А это означает прямой призыв к безвластию, безначалию, к неповиновению. Другими словами — к хаосу.

— Добавим сюда запрещение рожать детей и создавать что-либо своими руками... — Конан шепнул под нос такое словечко, что я покраснела. По счастью брат Бернарт ничего не расслышал. — Это учение полностью противоречит всей природе человека! Если все начнут думать так, как эти самые «Совершенные», род людской за одно поколение придет в упадок и вымрет!

— Именно, — кивнул монах. — Но «Совершенных» немного и в их обязанности входит уваживать почву для «Верных», которые приходят им на смену. Это уже не просветленные пропо-

ведники, а дельцы, которые начинают нашептывать: «ради возвращения к Свету откажись от семьи, земли, золота...» И ведь отказываются! Некоторые особо ярые приверженцы учения Мэниха заканчивают жизнь самоубийством — избавляются от плотской тюрьмы, в которой заключена душа. Имущество передается «Верным» — якобы для обустройства храмов или школ для последователей учения, дабы они принимали жреческое посвящение и далее несли людям благую весть о Вечном Свете.

— «Совершенных» можно обвинить напрямую? — подался вперед Конан. — В поклонении Тьме? Так, чтобы уж ни один стряпчий не подкопался?

— Вполне можно, — согласился ученый монах. — Они признают Тьму и верят в ее силу. Остальное — дело казуистики. Можно еще добавить обвинения в оскорблении величества — я уже сказал, что государственную власть фатарены не признают и призывают не подчиняться ей.

— Так что же вы медлите? — хищно бросил король.

— Смертный приговор должны выносить светские власти, — пожал плечами Бернарт. — В нашу задачу входит лишь установить виновность преступника. Доказать не сложно, опыт есть.

— Когда будут готовы бумаги — принеси, я подпишу, — тяжело сказал Конан. — Удалось выяснить, где находятся те, кто руководит «Совершенными»? Верховные жрецы?

— Пока нет, однако мы близки к разгадке...

Где-то в горах Пуантена существует их гнездо, нечто вроде главного храма. Но пойманные жрецы запираются, не хотят говорить.

— Отлично, — буркнул Конан. — Я пришлю к вам нескольких ребят из «Черного Беркута». Будь уверен, они сумеют разговорить фатаренов за половину колокола.

Бернарт насупился и поджал губы. Сказал:

— Если ваше величество позволит, я хотел бы продолжить воздействовать на «Совершенных» убеждением и словом.

— И что, удастся переубедить?

— Увы, пока нет. Они тверды в своих заблуждениях.

— Даю тебе два дня. Если не будет результатов, придется убеждать еретиков другими методами.

Жрец Митры молча поклонился и вышел из шатра. Конан уставился на меня.

— Дженна, что ты обо всем этом думаешь?

— Предпочла бы вообще не думать, — абсолютно искренне ответила я. — Лишней жестокостью делу не поможешь. Вспомни слова святого Эпимитриуса из его «Поучений»: «Наставляй на путь Света с мудростью и добрым увещанием». А мы встали на путь, который приведет к паршивым последствиям. Насилие — это не выход.

— Фатарены разрушают государство, — жестко сказал Конан. — Я был бы помягче, не окажись эта секта лишь послушным орудием в руках тех, кто хочет получить с помощью нового вероучения власть и золото. Отмечу: самую

обычную власть и самое обычное золото. Сотворенное злыми богами. А потому все «Совершенные» вкупе со своим Черным Солнцем и пророком Мэнихом отправятся в самый глубокий круг Черной Бездны. Это я обещаю твердо... Ладно, хватит о грустном. Завтра начинаем пробовать на прочность Толозу, надо выручать графа Люксэ и его людей. Давай спать...

* * *

Раньше я никогда не видела как действуют требюшеты. Зрелище весьма впечатляющее.

В высоту эта метательная машина составляет примерно двенадцать-пятнадцать локтей. Тяжеленный противовес, которым заканчивается длинная деревянная штанга с сетью-петлей на конце, сложное переплетение канатов, механизм, приводящий требюшет в боевое положение... Обслуживает это сооружение двадцать человек, причем при поднятии противовеса здоровенные гвардейцы скрипят зубами от натуги. Ядро следует положить в сеть, затем мастер-механик выбивает клин, противовес падает и огромный камень со свистом взлетает в небеса. Одновременный залп сразу из восьми требюшетов способен причинить невероятные разрушения.

Целью была выбрана расположенная справа от главных ворот Толозы башня, которую давненько не ремонтировали — камень начал осыпаться и Паллантида счел, что долго она не продержится.

На расстояние выстрела к башне подошло три сотни вооруженных арбалетами гвардейцев — их прикрывали большие, в рост человека, щиты сколоченные из толстых досок. В каждом щите сделаны прорезы для стрельбы. Черные Драконы должны были снимать со стен вражеских лучников и прислугу баллист.

Горожане заметили наши приготовления и засуетились. Над стенами поднялись голубоватые дымки — готовили чаны с маслом и смолой. Однако, пока в стенах не появятся серьезные бреши, штурм не начнется — гвардейские легаты берегут людей.

План Паллантида был незамысловат: начать обстрел, попутно уничтожая из арбалетов защитников крепости на стенах и башнях, когда часть укреплений будет разрушена, направить в пролому тяжелую пехоту, чтобы она расчистила вход в город и захватила прилегающий к стене квартал. Затем в бой пойдут кавалерия и вспомогательные отряды. Если все пойдет как надо, к сегодняшнему вечеру Толоза окажется в наших руках. «Классический» штурм с использованием осадных башен и лестниц в планы Конана и Паллантида пока не входил.

Первый же залп точно накрыл башню и сбил почти все зубцы. По камню пошла большая трещина, толпившиеся на башне люди куда-то исчезли, видимо были сметены тяжелыми снарядами. Над лагерем гвардии пронеслось слитное восторженное «У-у-у!», а Конан, стоявший рядом с метательными машинами, улыбался как ребенок.

Полностью вооруженная и одоспешенная пехота начала строиться в боевой порядок — по сотням.

Требюшеты работали с рассвета до самого полудня и я только диву давалась, насколько действенны оказались эти механизмы, на первый взгляд кажущиеся нескладными и грубыми.

Круглая башня оказалась снесена почти до половины своей высоты — камень крошился, после каждого залпа над стенами поднимались столбы пыли. Похоже, что Паллантид и сам не ожидал таких блестящих результатов, но оправдывал их тем, что укрепления города не подновляли много лет — Полуденный Пуантен всерьез не воевал со времен короля Вилера.

Едва миновал полдень, толпы начали понимать, что положение сложилось крайне серьезное и решились на вылазку. Требюшеты стояли в стороне от основного лагеря и противник мог успеть сжечь или серьезно повредить машины до того, как подойдет пехота. Но и Конан с Паллантидом отнюдь не были круглыми дураками — такой вариант развития боя тоже предусматривался и потому три конные сотни стояли наготове, под прикрытием леса.

— Дженна, быстро на-конь! — рявкнул Конан, и телохранители сразу подвели оседланную зингарскую кобылу. Мой муж уже был в седле. — Отходи к пехотному лагерю и жди меня там!

Из распахнувшихся главных ворот Толозы изливалась пестрая струя всадников, сразу переходивших на галоп и направлявшихся прямо к нам. Расстояние было небольшое, от силы во-

семьсот шагов! Противник преодолет его очень быстро!

Прислуга требюшетов вооружилась и начала отходить.

— Ваше величество, королева, не стоит медлить! — проорал капитан, возглавлявший мою охрану. — За мной!

Тревожно загудели рога — знак нашей конницы, укрытой в лесу. Я поддала шпор своей кобылке и направилась вслед за оберегавшими меня Драконами. Краем глаза я замечала, что Кōнан в сопровождении тридцати гвардейцев пытается отвлечь внимание вражеских всадников на себя — развернулся королевский штандарт. Но те упрямо рвались к требюшетам.

Я натянула поводья, задерживая лошадь и, не обращая внимания на яростное рычание капитана Драконов, развернулась. Мы успели отъехать достаточно далеко, опасности никакой. А посмотреть, что произойдет — интересно.

Интересно, сколько их? Пересчитать противника по головам, ясное дело, невозможно — слишком быстро движутся, но на мой взгляд вылазку сделали чуть больше полутора сотен конных. Отчаянный шаг, ничего не скажешь! Впрочем, если удача им улыбнется, наши метательные машины будут уничтожены — уверена, что почти у каждого всадника при себе горшок с зингарским огнем.

Наша кавалерия явно не успевала — стояли слишком далеко, тут Паллантид просчитался. Черные Драконы шли наперерез под острым уг-

лом, отставая от толозцев не меньше, чем на триста шагов. Им будет достаточно швырнуть сосуды с горючей жидкостью на требюшеты, повернуть вправо и быстро уйти к воротам. Это понимал и командир наших всадников: отряд гвардейцев разделился, примерно половина конников начала забирать в сторону города, рискуя попасть под стрелы или залпы катапульта — следовало перехватить врага на обратном пути к городским воротам.

Дальнейшее стало для меня, да и для всех прочих, полной и непонятной неожиданностью. Сначала мне почудилось, что под копытами лошадей противника загорелась земля — появились яркие (даже под солнечным светом!) огни, взлетали фонтанчики песка и камни, кони передних всадников рухнули на задымившуюся траву, второй ряд поднял скакунов на дыбы, на них налетели последующие — началась свалка.

У рыцарей Толозы был хороший командир. Он уяснил, что произошло нечто необычное — пламя нарастало, охватывая требюшеты плотным кольцом — и приказал поворачивать. Наверное посчитал, что машины в любом случае сгорят.

Но едва мятежники восстановили строй, с тыла на них налетел авангард нашей конницы. Завязалось несколько единичных схваток, но толозцы не приняли боя и начали отходить, безжалостно жалея лошадей шпорами. Понимали, что их тотчас сомнут числом.

Странный пожар возле требюшетов погас столь

же внезапно, как и появился. Да что там происходит, Сет вас всех зажри?!

Послышался новый сигнал боевых буцин и я обернулась, расслышав за спиной тяжелый гул. Один из телохранителей молча отобрал у меня поводья и увлек лошадь вслед за капитаном, приказавшим как можно быстрее отходить в сторону — прямо на нас неся клин закованной в сталь отборной конной гвардии, стоявшей возле лагеря пехоты.

Мятежники все-таки успели проскочить между сжимавшими тиски двумя отрядами Черных Драконов и как ошпаренные припустили к воротам города. Гвардия не отставала.

И тут я поняла. Паллантид решил ворваться в Толозу силами кавалерии, наседающей на пятки врагу — трем сотням засадного полка шла в помощь почти вся наша конница, за ней двигалась пехота.

Неужели получится? Неужели толозцы не успеют закрыть ворота и поднять мост, после того, как впустят своих?

Не успели!

Теперь катапульты с башен били в упор, не разбирая, где свои, где чужие. Гвардейские арбалетчики успели получить надлежащий приказ и передвинулись к барбикену крепости, пытаясь градом железных болтов рассеять врага и нанести максимальный урон расчетам катапульт. На мосту вскипела отчаянная рубка — Черные Драконы яростно прорывались к воротам. Гвардейцев короля было значительно больше, поэтому

всадники Толозы оказались сметены меньше, чем за третью часть квадранса. Первые десятки гвардии ворвались в город.

Боги, почему пехота двигается так медленно? Она должна захватить надвратную башню и не дать противнику возможности провести контратаку, которая сможет выбить конницу обратно на мост...

Новый тактический ход: большая часть подошедших к воротам арбалетчиков взялась за мечи и бегом бросилась к башне — неплохая подмога, почти двести человек! Тут же подоспел главный кавалерийский клин.

Вскоре на барбикене появился штандарт с золотым львом Аквилонии...

* * *

Я ждала еще не менее полутора колоколов и начала думать, что о королеве забыли вообще все, кроме верных телохранителей.

Ничего подобного! Стукнули копыта и вестовой осадил повизгивающего от злости солового жеребца прямо передо мной.

— Ваше величество... — выдохнул гонец. — Государь Конан приказал сообщить, что город взят! Бои идут на улицах и по периметру стен, но сопротивление будет подавлено к вечеру! Если вашему величеству угодно, вы можете проехать к надвратной башне, сейчас там безопасно. Барбикен находится под охраной гвардии и королевского мага!

— Мага? — переспросила я и тут же опомнилась. Ну конечно, Тотлант! Странный огонь появившийся вокруг метательных машин наверняка его рук дело! — Едем!

Мне пришлось наблюдать за битвой при Демсварте, являвшейся одним из самых страшных сражений войны Алого Камня в Немедии, так что вида крови я не боюсь. Однако, проезжая через мост, под копыта лошади я старалась не смотреть — противно. Не нахожу никакого удовольствия в созерцании разъятой человеческой плоти, а этого добра здесь было более чем достаточно.

Внезапный прорыв в Толозу обошелся слишком дорого как защитникам крепости, так и передовому отряду нападавших.

— Невроятный успех! — на втором этаже надвратной башни меня встретил сияющий Тотлант. — Дженна, ты все видела? Только подумай, мы ведь взяли город только благодаря собственной наглости и удаче! Какая блестящая импровизация!

Из бойниц все еще доносился шум сражения. Гвардия теснила последних защитников Толозы к центру города.

— Куда подевался Конан? — осведомилась я, хотя за мужа не особо беспокоилась. Знала, что с ним ничего не случится.

— Воюет, — отмахнулся волшебник. — Если быть совсем точным, взял сотню конных и отправился освобождать цитадель. Веллан увязался с ними — погеройствовать хочет... Извини, уго-

стить тебя ничем не могу — запасов вина в башне нет. Подумать только, меня впервые в жизни назначили военным комендантом настоящей крепости! Просто больше никого под рукой не оказалось...

Тотлант радовался, как ребенок — еще бы, во многом благодаря ему мы одержали быструю победу сравнительно малой кровью. Хотя, пролитой крови никогда не бывает мало, это я вам как женщина говорю.

— Срочное донесение! О, простите ваше величество... — совсем молодой сервент из вестовых ужасно смутился, увидев меня рядом с Тотлантом. Замер на пороге.

— Что? — спросила я. Особой радости на лице гвардейца я не заметила. Под сердцем нехорошо кольнуло.

— Донесение от дальнего дозора, только что сообщили... Графы Бигор и Коменж с войском числом до девяти тысяч мечей направляются к Толозе по полуденному берегу Арье. Шли скрытно, по горным перевалам, поэтому раньше их не заметили...

Мы с Тотлантом обменялись ошеломленными взглядами.

Итак, наша первая победа очень и очень скоро может обернуться поражением.

— Найди Конана! — рявкнула я на сервента. Тот от неожиданности попятился, споткнулся каблуком о порог и едва не упал. — Король в городе, скорее всего возле цитадели! Расскажи все! Живо, бестолочь!

Гвардеец исчез быстрее любого каттакана, словно через Ничто прыгнул.

— Девять тысяч, — медленно сказала я, пробуя эти слова на вкус. — А у нас и четырех не наберется. Тотлант, что ты говорил насчет невероятного успеха и блестящей импровизации?

Маг угрюмо промолчал.

Я посмотрела в бойницу, из которой был отлично виден замок Нарбонет, логово графа Раймона, и неожиданно отметила, что трехцветный вымпел Рокода был спущен с флагштока...

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Тайна замка Амрок

Дбе задних ноги надо бы перековать, — сказал кузнец, почесывая черным пальцем лоб под широким ремешком. — И, конечно, правую переднюю. Иначе ты погубишь лошадь, не добравшись до замка Амрок. Камни здесь злые. Превращают в лохмотья даже самые крепкие сапоги, да и подковы не жалуют. К тому же, погляди сам — дождь не уймется еще много дней. Дорога скользкая.

Конан слушал вполуха. Он уже смирился с тем, что кузнец сдерет с него по возможности больше. Кузнецы в этом весьма похожи на лекарей. Стоит невзначай попасться на глаза практикующему шарлатану с какой-нибудь пустяковой царапиной, как он найдет у тебя по меньшей мере пять смертельных хворей и примется их лечить самыми новейшими (и дорогими) снадобьями, толку от которых не больше, чем от старых и

дешевых. Наиболее зловредны в этом отношении зубодеры. По счастью, Конан научился обходиться без услуг медиков всех мастей и пород. Но лошадь, потерявшая подкову на каменистой дороге, обречена. Губить без толку живую тварь, к тому же умную и послушную, — непозволительная роскошь. Раз уж она служит, как умеет, хозяин должен о ней позаботиться. Поэтому варвар обратился к помощи кузнеца, чья хижина, кстати сказать, была первым жильем, обнаруженным за два дня пути.

Она стояла на перекрестке большака и узкой дороги, поднимающейся в горы. Дорога эта и вела в замок Амрок, о котором Конан только что услышал.

— Почему ты решил, что я еду в замок? — спросил он у кузнеца.

— Да вид у тебя чудной, — отвечал кузнец, раздувая горн тяжелыми мехами.

В горне загудело, и красноватые отблески забегали по потолку и стенам кухни. Сам кузнец, и без того чумазый и страшный, сделался похож на подземного демона, выпрыгнувшего из жерла вулкана.

— Ты находишь, что я чудно выгляжу! — расхохотался варвар. — Посмотри сначала на себя!

По счастью, он был в хорошем настроении.

— Конечно, — молвил кузнец невозмутимо. — Ты — форменный чудака, и при этом — чужак.

— А кого ты считаешь своим? — начал сердиться Конан. — Твоя мазанка торчит здесь в одиночестве, будто прыщ на носу!

— Любой, приехавший сюда, — чужак, — рассудительно произнес кузнец.

Возразить на это было нечего. Варвар поворчал себе под нос и решил не продолжать беседу.

Ухватив щипцами раскаленную железную полосу, кузнец бросил ее на наковальню и принялся колотить молотом, рассыпая окрест длинные искры. Ему-то как раз хотелось поговорить, и видно было, что случай к этому выпадает не часто.

— Вчера! Тоже! Проехали! К замку! — начал он, вставляя слова между ударами молота. — Как есть! Чудаки! Книжники!

Конан пожал плечами. Увидев, что его сообщение не произвело никакого эффекта, кузнец добавил:

— Из города! Ясное! Дело!

С этим он снова подцепил щипцами уже готовую подкову и бросил ее в ведро, полное грязноватой воды. В ведре страшно зашипело.

— Ну и что? — пренебрежительно пожал плечами варвар. — Если хозяин замка пригласил к себе ученых людей, так это его дело.

— Хозяин помер лет десять тому, — хмыкнул кузнец, закладывая в горнило новую заготовку. — Нет, эти господа приехали не по приглашению. А сегодня еще трое — но уже не ученые. Больше похожи на прощелыг, искателей наживы. Наглые, пустоголовые и все при мечях. Что им понадобилось, как не деньги?

— Замок пуст? — спросил Конан, постепенно заинтересовываясь.

— Там живут слуги покойного графа. Джокс —

мажордом, Грателло — лакей, кухарка, два конюха, псарь и шут Баркатрас, самый большой олух на триста лиг вокруг.

— Целая армия, — заметил варвар. — Им нечего опасаться грабителей.

— При чем тут грабеж? — покачал головой кузнец. — Дело совсем в другом. Замок битком набит чудесами. О них ходят легенды. Еще пяток лет назад, пока кабачок старого Уитера был открыт, там только и говорили, что о тайнах замка Амрок.

— Так уж водится у вас в Бритунии. Был бы замок, а уж всяких небылиц про него мужланы навывдумывают сами, — сказал варвар.

Кузнец сделал вид, что оскорбился, и вторую подкову ковал молча, ударяя молотом с яростью. Иногда он делал паузу и присматривался к пышущему жаром железу. Подкова, наверное, казалась ему живым существом, из которого следовало вышибить дух. Всякий раз она вела себя подозрительно, и кузнец с наскока атаковал ее, бранясь сквозь зубы. Наконец он решил, что одолел подкову, и спровадил ее в ведро к остывающей товарке.

— Я знаю, что говорю, — произнес он сердито. — Замок Амрок — чудное место, чудным был его хозяин, и ездят туда одни только чудаки. Вроде тебя.

— Похоже, разговор зашел в тупик, — решил варвар и широко зевнул. В кузнице было душно, но тепло, а главное — сухо. От этого ощущения Конан успел отвыкнуть, скитаясь под бес-

прерывным дождем. Теперь его слегка даже разморило.

— И что же чудного было в хозяине замка? — спросил он лениво.

Кузнец будто того и ждал.

— Это будет целая сага. Если ты готов слушать, то я, в придачу к ней, угощу тебя капелькой спиртного. Что скажешь?

Капелька оказалась объемом в пузатый стакан и была такой суровой крепости, что луковица, поданная в качестве закуски, показалась слаще груши. Но дорожная усталость испарилась, словно ее и не бывало. Конан расположился на изрубленном чурбачке, а кузнец выволок из груды хлама увечный табурет и, балансируя на нем, повел рассказ.

— Сколько лет мне — я точно не скажу, но всяко больше полувека. Это я к тому, что последний граф Амрок прибыл в наши края, когда я был совсем ребенок, то есть очень давно. Я хорошо помню тот день — дождь, как и сейчас, лил и лил, а вершины скал все были затянуты тучами. Там, в этих тучах, и стоит замок. Иногда его видно и отсюда — когда грозовая молния попадает в шпиль главной башни, все строение начинает светиться мертвенным зеленоватым светом, наподобие гнилушки.

Какая судьба постигла предыдущего графа, отца последнего, доподлинно неизвестно. В замке он почти никогда не жил, предпочитая пышный дворец своего сюзерена, герцога этих земель. С одной стороны — арендаторам было как-то спо-

койнее, с другой же — неуютно. Всегда приятно знать, что хозяин и покровитель где-нибудь по близости.

Сказывали, что предпоследний граф упал на охоте с лошади, да так неудачно, что тут же и умер. Стряпчие долго разыскивали наследника, который проживал в городах уйму денег, нигде и никому не служил, ничему не учился — словом, жил, как и подобает богатому наследнику. Местные жители все ждали — кому и почему он продаст родовое поместье, а он возьми да и объявись!

Мой папаша как раз сидел за кружкой пива в заведении Уитера, а с ним — несколько почтенных арендаторов, считавших за благо иметь в приятелях единственного кузнеца в округе. Папаша редко выпивал на свои. Никем не признанный, граф Амрок вошел в кабачок, оглядел всех весело, спросил самого крепкого пунша, закурил трубку и как бы невзначай распахнул свой мокрый плащ. На груди его висела тяжелая золотая цепь с фамильным гербом. Посетители вскочили, как ошпаренные.

— Да, я ваш хозяин, и я вернулся, — сказал им граф. — Жить я буду в замке. Завтра можете там же поздравить меня с приездом. А теперь — брысь отсюда! Я хочу отдохнуть.

Папаша с приятелями оказались под дождем, сами не понимая как.

— Оно, конечно, как бы и хорошо, — глубоко-мысленно заявил арендатор Гвилл. — Но все же как будто и не совсем.

— Гм, — сказал мой папаша. — Его милость дал понять, что завтра он уже будет в замке. А это странно — ведь туда больше дня пути, да еще по такой погоде. Как же его милость успеет добраться за жалкий остаток ночи?

— Воистину, странно! — подтвердили все арендаторы.

— Может, у его милости — хороший конь? — предположил Гвилл, человек в высшей степени трезвомыслящий даже в подпитии.

Но папаша с большим сомнением покачал головой.

Через пару дней делегация арендаторов с традиционными дарами достигла замка. Джокс, в ту пору — зеленый юнец — встретил их в своей манере, напыщенной и чванной.

— Граф ожидал вас вчера, — сказал он. — Не знаю даже, примет ли он гостей теперь.

— Но ведь мы вышли рано поутру после того, как его милость объявили о своем возвращении, — возразил папаша. — Неужто он так сильно нас обогнал?

Джокс насупил брови.

— Граф прибыл третьего дня, — изрек он. — Это так же бесспорно, как и плата на твоих штанах.

Спорить с ним было бесполезно, и папаша погрузился в молчаливые расчеты, из которых следовало, что граф Амрок умел летать по воздуху со скоростью почтовой голубки.

— А верно лошадь его милости очень хороша, — встрял арендатор Гвилл.

Джокс на это повел бровями и отвечивал:
— Граф прибыл пешком.

Все очень удивились такому обстоятельству. Особенно странно было, что его милость шел пешком, как последний батрак, хотя даже у самых бедных крестьян водился в хозяйстве какой-нибудь пони или, на худой конец, мул. Джокс сурово отказался обсуждать это. Ему ясно было, что хозяин волен ездить верхом, ходить пешком или даже скакать на метле — это его господское дело.

Граф однако ж принял делегатов, усадил их по обычаю на почетные места и выслушал с должным вниманием все заверения в верности, преданности и прочая. Папаша впоследствии рассказывал, что сразу отметил насмешливый и недобрый огонек в глазах его милости. Но товарищи его, сердясь, говорили, что он врет. Каждый в отдельности приписывал открытие этого недоброго огонька лично себе, но все вместе соглашались — толку от этого было немного.

— Кое-что изменится в нашей земле, — произнес граф. — И вам лучше бы принять это как есть. Жизнь ваша была скучна и однообразна — дождь с утра до вечера, сплетни да пиво — вот и все радости. Я же намерен забавляться. Знаю, о чем вы подумали! Выбросьте это из ваших голов. Я не буду портить девок и устраивать глупые попойки. Это скучно, непроходимо скучно! Нет, я буду забавляться по-другому. Ха, ха, ха! — Он рассмеялся очень ненатурально. Но не это было странным. К ужасу моего папаша, огромная ка-

банья голова, лежавшая на серебряном блюде, обложенная яблоками, вдруг распахнула свою клыкастую пасть и тоже сказала: «Ха-ха-ха!» При чем из пасти выпал пучок редиса.

Больше никто этой странности не заметил.

«Да не пьян ли ты, старина?» — спросил папаша сам у себя, но отрицательного ответа дать не мог, не покривив душою, ибо перед этим выпил шесть или семь кружек.

Изрядно угостились арендаторы в замке и всех полегоньку разобрало. А дело шло к ночи, и очень не хотелось им выбираться под дождь и спускаться вниз, в темноте и слякоти. Тешила их надежда, что добрый господин уложит спать гостей где-нибудь в замке, чтобы поутру со свежими силами... Надобно сказать, что в наших краях в гости хаживали дня на три запросто, а бывало, что и неделями застревали. Арендатор Гвилл набрался нахальства и довольно прозрачно намекнул графу, что время позднее, что его милость, вероятно, устал, и что хорошо бы его отпустить на покой.

— Ах, окажите такую любезность! — сказал граф. — Пора и вам по домам, чай, жены заждались.

— Так-то оно так, но ведь путь-то не близок, — растерялся Гвилл.

— Что? Вздор. Чихнуть не успеете, как окажетесь внизу, в кабачке, — рассмеялся граф. — Ну-ка, садитесь все рядом вон на ту длинную скамью и держитесь за нее крепче.

Арендаторы — народ сговорчивый. «Хочет гос-

подин подшутить, — решили они, — что ж, пусть его шутит, лишь бы оброка не поднимал». Подумав так, садятся гости на скамью, и папаша мой со всеми вместе. «Никогда не чувствовал себя глупее», — говаривал он впоследствии.

Граф Амрок посмотрел на эту честную компанию, хмыкнул, щелкнул пальцами... В тот же миг скамейка взлетает в воздух, опрокидывая огромный подсвечник, и летит к окну, которое в самое последнее мгновение успевает раскрыться!

Арендаторы кричали от ужаса. Один только мой папаша сохранил лицо, хоть хмель и выскочил из его головы. Скамья летела с ужасной скоростью — только ветер свистел в ушах загулявших гостей. Скалы, тучи, хлещущие струи дождя — все перемешалось и мелькало перед глазами. Спуск происходил не по прямой линии, а по спирали вокруг горы, при этом на поворотах дух захватывало и в головах устрашающе шумело. Но, как и обещал граф Амрок, скоро показался кабачок Уитера. Скамейка плюхнулась в центре огромной лужи, подняв тучи брызг. Арендаторы еще какое-то время судорожно держались за нее, а потом разжали хватку и один за другим повалились в грязь.

— Что вы скажете на это, почтенные? — спросил папаша.

— Сдается мне, чудные дела творятся в замке Амрок, — ответил арендатор Гвилл.

— Воистину так, — согласились остальные.

Некоторое время в кабачке обсуждалось это происшествие, но никто толком не сумел его

разъяснить. Скамейка несколько дней простояла в луже, не двигаясь с места. В конце концов старина Уитер не выдержал и забрал ее себе.

— Хорошая вещь, — сказал он. — Теперь не делают таких скамеек.

Ее поставили в залу и показывали проезжающим, как большое диво. Немногие отваживались на ней сидеть. Но однажды один чудака из города, воображавший себя очень ученым человеком, до тошноты осмотрел скамейку, попрыгал на ней задом, огладил руками и молвил:

— Все ваши рассказы — пустые басни. От этой трухлявой лавки ничуть не пахнет колдовством. Уж я бы почуял! Неужели вы хотели надуть меня при помощи этой рухляди, траченной червями?

Только он так сказал, как скамейка взвилась кверху, толкнула в грудь степенного мастера-бочара, отчего тот упал, и вылетела в открытую дверь. Больше ни ее, ни ученого путника в наших краях не видели.

Много произошло странного. Так, однажды коза сиротки Джилл заглянула в окно общинного старосты и человеческим голосом поздравила его с добрым утречком. А на огороде нашей тетушки Эммы вырос мальчик, из головы которого торчал пучок ботвы. Он давно уже взрослый и служит в городе, в управе. Бывали и неприятные случаи, даже прискорбные. Арендатору Бибоди явился однажды скелет в одежде жреца, и бедолага Бибоди до самой смерти заикался и тряс головой.

Граф жил затворником, никуда не ездил и ни-

кого из местных не принимал, да и мало нашлось бы желающих провести его. Джокс аккуратно собирал подати, и сейчас собирает в пользу графской казны. Надобно сказать, что на днях исходит срок — наследник, если таковой имеется, обязан объявиться, иначе все добро переписишут в пользу герцога.

— С кого же собирают подати? — удивился Конан. — Разве в округе, кроме тебя, остался кто-нибудь?

— Это верно, почти все разбрелись кто куда. Четыре семьи не захотели покидать этих краев, а прочие решили, что страшная гибель графа — предостережение, и хорошего ждать не приходится, — отвечивал кузнец.

— А что случилось с графом?

— Однажды Джокс спустился вниз... Я очень хорошо помню этот день. Лил дождь, прямо как сегодня...

— И все было затянуто тучами, — догадался Конан. — Давай дальше без подробностей!

— Без подробностей неинтересно, — надулся кузнец, помолчал немного, разлил по стаканам остатки спиртного и все-таки продолжил: — Джокс сразу прибежал в заведение Уитера. Там, в компании соседей и приятелей, отдыхал после дня трудов некто Лерон, коновал, способный врачевать и двуногую скотину, то есть людей. Лечил он их все больше перцовой настойкой и кровопусканиями. Джокс обратился к нему:

— Господину нашему срочно требуется твоя помощь! — сказал он. — Мешкать нельзя.

Лерон высказался, что неплохо бы перед дальней дорогой пропустить еще стаканчик-другой, но Джокс и слушать его не стал — ухватил за ворот и вытащил из кабачка.

Утром Лерон появился в поселке — совершенно седой, оборванный и без одного башмака. Арендаторы окружили несчастного и стали расспрашивать: что ввергло его в такое горестное положение? Лерон жестами показал, что ему непременно надо выпить. Принесли бутылочку, и поседевший коновал высосал ее одним махом, словно в ней было молоко.

— Нынче ночью я был в замке Амрок! — проговорил он, когда отдышался.

— Но как же ты, почтенный, успел туда и обратно? — спросили присутствовавшие. — Никак, лежал на скамейке?

— То не скамейка была, о нет! — возразил Лерон. — Увы, я — пожилой, всеми уважаемый человек — летел верхом на управляющем, а тот, в свою очередь, оседлал бронзовую кочергу. Пока мы летели, из меня вытряхнуло все мои познания в сложном искусстве врачевания, и перед скорбным ложем больного я предстал совершенным профаном. Но не это ужасно, почтеннейшие! То, что я увидел, заставило меня застонать от ужаса. На кровати лежала... половина графа Амрок, словно его рассекли надвое вдоль острым мечом. При всем этом граф оставался вполне жив, двигал рукой, ногой, ухмылялся половиною рта и щурил глаз. Ни крови, ни торчащих внутренностей — срез на вид был гладким, черным, и

когда я захотел потрогать его рукой, она провалилась почти по локоть в пустоту.

— Полегче! — прикрикнул граф. — О, небеса! В этой распроклятой дыре нет даже врача, один только пьяный живодер!

— Но как это случилось с вами, ваша милость? — спросил я.

— Я ставил один очень интересный опыт, — ответил мой половинчатый пациент. — И сделался жертвой собственной неосторожности.

— Расскажите подробнее, — настаивал я. — Как же я смогу оказать помощь, если мне неясна причина болезни? Будьте откровенны — от лекарей не держат секретов.

Граф рассмеялся:

— Я могу быть с тобой откровенным только наполовину, — сострил он. — Я, видишь ли, занимаюсь наукой. Не глупой, напыщенной магией, а серьезным изучением сути вещей и их трансформацией, то есть — изменением. Понятно ли тебе это, простофиля?

Я отвечал, что понятно. Когда сахар и хлебные дрожжи превращаются в напиток, украшающий жизнь, это тоже выходит трансформация. Уж не знаю, почему мне захотелось пошутить... Я тут же пожалел об этом, глядя, как половина графа Амрок извивается в конвульсивном смехе.

— Хорошая шутка — половина исцеления! — выдал он сквозь хохот. — Половина... Ха-ха-ха!

Неожиданно вторая его часть проступила рядом с первой там, где ей и положено быть. Сначала она оставалась какой-то рассеянной, нечет-

кой, но довольно скоро сгустилась и сделалась вполне реальной. Зато первая половина расплылась, подернулась дымкой и... исчезла!

— О! О-о! — простонал граф. — Как это мучительно!

На открытых моему взору частях его лба и носа проступила испарина.

— Пусть ваша милость простит бедного профана, — заговорил я. — Но все же непонятно...

— Чего тут непонятного! — воскликнул несчастный. — Совершенно случайно я открыл существование другого мира. И находится этот мир не где-то там, за тридевять земель, а здесь, рядом. Мы живем сквозь него и даже не замечаем этого! Иногда, правда, отдельные картины или образы попадают оттуда к нам и исчезают, никем не понятые, не разгаданные... Таинственные и прекрасные существа обитают там, неслыханные сокровища хранятся, недоступные людской алчности. Я дерзнул отодвинуть завесу, но мне показалось мало — и, никем не званный, я вторгся туда. И жестоко наказан. О-о! Мне не выбраться целиком!

— Чем же я могу помочь вашей милости? — совсем растерялся я.

— Я велел позвать тебя, потому что мне страшно... — признался граф Амрок. — Я не доверяю никому из своих домочадцев, кроме Джокса. Он — образцовый слуга, но глуп... Очень глуп. Я долго не протяну, это ясно. Хотелось перед смертью поговорить с кем-нибудь... Какая жалость, но я не смогу расплатиться с тобой за беспокой-

ство — кошелек остался в другом кармане халата. Ха-ха-ха!

Так он пошутил в последний раз. Вскоре после этого оставшаяся половина тела подернулась облаком, и граф исчез целиком. Не успел я отойти от скорбного ложа, как с легким хлопком тело вернулось, все целиком. Большого прока от этого не было, потому что тело было мертвым.

Беглый осмотр привел к удивительным результатам — я заключил, что граф скончался не от естественных причин. На его шее имелись явные следы удушения, как будто чья-то сильная, не ведающая жалости рука сдавила горло бедняги. Труп был еще теплым.

Я позвонил в колокольчик у изголовья. Явились Джокс и Грателло. Странно, но мне показалось, что развязка была известна заранее. Джокс деловито осмотрел тело своего господина, а Грателло показал мне лезвие кинжала, прижал меня к стене и спросил:

— О чем он рассказал тебе? Говори, и не вздумай ничего скрывать, иначе тебе не выйти живым отсюда!

— Мне скрывать нечего, — оторопело пробормотал я и пересказал содержание нашей с графом беседы. Меня разобрал страх, на этот раз — настоящий, страх за свою жизнь.

— И что ты думаешь обо всем этом? — осведомился Грателло.

— Ничего.

— Болван! Олух! Ладно, я напишу за тебя, перескажу твои слова, а ты распишешься. Это на-

зывается «свидетельские показания». Мы не хотим, чтобы нас обвинили в убийстве графа.

— Конечно, вы его не убивали, и я могу это подтвердить, — сказал я. — Вам нечего бояться.

Тут оба переглянулись и хмыкнули похожим образом, а я подумал, что касательно своего слуги граф здорово просчитался. Джокс совсем не глуп. Почему-то это открытие испугало меня еще сильнее.

В соседней комнате мажордом долго и сердито корябал пером пергамент. Конечно, он мог написать туда все что угодно. Но читаю я лучше, чем пишу. Перед тем, как поставить свою подпись, я прочел написанное — там все соответствовало истине. Это меня успокоило, и я расписался.

— А теперь — убирайся! — рявкнул Грателло.

Я направился к выходу, но Джокс остановил меня.

— Жаль тебя, старик, — сказал он. — Промокнешь, замерзнешь, умрешь, чего доброго. А нам нужен живой свидетель. Садись-ка на кочергу.

— Нет уж, я спущусь пешком, как и подобает людям, — возразил я с достоинством, но проклятый мажордом хлопнул в ладони, и кочерга сама протиснулась мне между колен. Не успел я даже вскрикнуть, как уже летел стремглав, иногда разворачиваясь в воздухе, словно перепуганная ворона.

Однако мерзкая кочерга явила гнусный нрав — она все время взбрыкивала, угрожая обрушить меня в ущелье.

Наконец кочерга выскользнула из-под меня,

да еще и наподдала прямо в воздухе. Я полетел кувыркком и оказался здесь...

Выслушав этот удивления достойный рассказ, все пожали плечами и разошлись по своим домам, — продолжал кузнец. — Мы решили, что Лерон перебрал на ночь глядя и ему все померещилось. Однако стряпчий, оформлявший завешание, подтвердил весть о кончине графа. Тогда-то все и призадумались.

Никто в этих краях не верил в науку. Старая, привычная магия как-то ближе нам, неотесанным мужланам.

— Это действительно очень похоже на магию, — с презрением в голосе прервал его Конан. — От таких историй смердит колдовством.

— Так или иначе, почти все разъехались, о чем я уже говорил, — закончил кузнец свой рассказ. Огонь в его горне давно погас, заготовка остыла, некованный конь стоял в загончике под навесом, с хрустом пережевывая лежалое сено.

— Но я в толк не возьму, — проговорил варвар. — Ты же сказал, что в замок редко кто захаживал, а потом заявил, что туда ездят одни чудаки. Чудаков-то много было?

— Порядком, — усмехнулся кузнец. — После смерти графа они зачастили туда, никому не объясняя — зачем. Понятно, что в замке Амрок хранится такое, чем хотелось бы поживиться. Но мы, здешние, — народ не слишком любопытный.

— И ленивый, — заметил Конан. — Хватит прохлаждаться. Я не хочу осесть здесь на веки вечные. Пошевеливайся!

Кузнецу не слишком понравился такой конец беседы, но делать ему больше ничего не оставалось, кроме как вернуться к работе. Пока он, поругиваясь, разжигал и раздувал горн, наполняя воздух кузни запахом горячего металла, Конан вышел под дождь.

Дорога, уводящая прямо к тайне замка Амрок, лежала перед ним. А опыт подсказывал: чего-чего, а приключений там будет предостаточно. Но добровольно связываться с магией варвару вовсе не хотелось, в науку он верил еще меньше, чем местные жители.

«Что там может быть? Какой-нибудь колдовской талисман или свиток с могущественным заклинанием. Мне это неинтересно, — размышлял он. — Вот если бы драгоценный камень или гора золота... Или хотя бы женщина, достойная внимания... Тогда бы я еще подумал, стоит ли лезть туда.»

В тот самый момент, когда он подумал о женщине, на большаке появилась всадница. Вороной жеребец под ней заметно прихрамывал на обе передние ноги — злой камень здешних дорог не пощадил его подков.

Даже издали она показалась Конану прекрасной — из-под капюшона выбивались мокрые пряди золотистых волос, осанка женщины была горделивой и говорила о хорошей фигуре. Когда она приблизилась, варвар не удержался и причмокнул. Глаза незнакомки оказались темно-синими, с янтарными искрами. Пунцовые губы обиженно припухли, а румянец на щеках свидетельствовал

об отменном здоровье. Незнакомка грациозно спешилась, вручила поводья остолбеневшему Конану и спросила:

— Ты — кузнец?

— Кузнец в хижине, — ответил варвар, глупо ухмыляясь. — Я — путник.

Женщина оглядела черноволосого великана и в ее удивительных глазах загорелся интерес. Она произнесла что-то негромко, и Конан не смог расслышать, что именно, потому что в этот момент кузнец загромыхал своим молотом по наковальне.

— Если тебе нужен попутчик, то я готов, — заявил Конан, широко улыбаясь. — Поверь, лучшего компаньона еще поискать.

— О, да! — улыбнулась в ответ неизвестная. — Это мы обсудим. Ты — наемник?

— Иногда.

— Свободный меч?

— Более-менее.

— И с деньгами у тебя сейчас не густо?

— Бывало и гуще.

— Дорого берешь за услуги?

— Не всегда деньгами.

— Нахал, — сказала женщина, и осталось неясным: ругнулась она или выразила восхищение. Впрочем, она любила мужчин.

Ее звали Альвенель.

Мужчинам, которые понравились ей больше других, она рассказывала, что родителей своих не знает, что была воспитана другими людьми, что замуж ей пока не хочется, а хочется повидать

мир и узнать побольше о себе самой. Все это было чистой правдой.

— Я еду в замок Амрок, — сказала она Конану, когда кузнец, выразительно бормоча, подковывал ее коня. — У меня там важное и серьезное дело. Возможно, потребуется крепкое мужское плечо. Об оплате поговорим особо.

— А что тебе нужно в замке? — поинтересовался Конан. — На колдунью ты совсем не похожа.

— С чего ты решил, что я колдунья? Я скажу тебе, в чем мое дело. Вполне возможно, что мне принадлежит и замок, и деньги, и земли графства. Если получится доказать это, я здорово поправлю свои обстоятельства.

— У тебя есть конкуренты, — отметил варвар. — Наверное, доказать будет непросто.

— Это уж как водится, — произнесла Альвенель. — Претендентов набьется полный замок. И некоторые из них очень самоуверенны. Мое появление они запросто сочтут серьезной угрозой для своих собственных планов. Что ж, они окажутся правы. Смекаешь, что тогда от тебя требуется?

Конан кивнул.

— Мне случалось быть телохранителем, хотя такого красивого тела я еще не охранял.

— Можно подумать, ты умеешь видеть сквозь одежду!

— Если нужно, я могу видеть даже сквозь стены, — заявил варвар.

Кузнец с недовольной миной принял плату, одну монету попробовал на зуб, сплюнул и уда-

лился, думая про себя: «Кого этот верзила хотел надуть? Я же сразу понял, что он едет именно в замок! Нет, надо было спорить. Дело тут нечисто. И женщина эта... Очень подозрительна!»

С одной стороны, ему было любопытно — да так любопытно, что все чесалось внутри. А с другой стороны, кузнец точно знал: что бы ни случилось, большак останется большаком, кузня — кузней, молот — молотом, а подкова — подковой. Поэтому он вытащил из-под вороха прелой соломы очередную бутылку, присел на чурбан и быстро очистил луковицу.

* * *

Дорога, ведущая к замку, петляла, подчиняясь капризам рельефа. Сначала она сама лежала на дне ущелья, но постепенно выбралась из него, изогнувшись и прошла по самой скальной кромке. Трое или даже четверо могли проехать по ней плечо к плечу без большого риска свалиться в пропасть, но все равно было жутковато. Туча, плотная, словно комок мокрой ваты, все приближалась и приближалась. Дождь то сеял, как из мелкого решета, то вдруг принимался хлестать тяжелыми струями. Ветер, стихая на краткий миг, набирал дыхание и, передохнув, начинал выть и рычать. Спутники успели подняться достаточно высоко — у Конана дважды закладывало уши. Это не причиняло ему неудобства, только свидетельствовало о подъеме на высоту приблизительно в полторы лиги над уровнем моря.

Была глубокая ночь, и Альвенель выразила желание сделать привал до утра. Вдвоем они отыскивали углубление в скале — там было сухо и почти не чувствовался ветер. К сожалению, развести костер не представлялось возможным — не было никакого топлива. Ничего не росло в этих горах за исключением скального мха и редких, жестких травинок. Даже лошадей привязать было не к чему. Оставалось только крепко стреножить их и оставить подальше от обрыва.

Расстелив сырые одеяла прямо на камнях, компаньоны расположились на отдых.

— Не подумай, что я жалуюсь, — сказала Альвенель, — но все же дорога не из приятных.

— Лучше ползти по скале, как муравьи, чем лететь верхом на скамейке. Кром великий! — прорычал Конан. — Если бы кто-нибудь сыграл со мною этакую шутку, я заставил бы его пожалеть!

— Летающие скамейки? А, это один из фокусов покойного графа, — догадалась его спутница. — Ты даже не подозреваешь, сколько еще интересного в том же роде осталось в замке.

— Зато, похоже, ты недурно осведомлена. Расскажи, мне ведь полезно знать, что нас ожидает, — предложил варвар, потягиваясь.

— Хорошо, — откликнулась Альвенель. — Только подвинься ко мне поближе. От тебя так и пышет жаром, словно от печки. Раз ты — мой телохранитель, так и охраняй меня, хотя бы от простуды.

Ей не пришлось просить дважды.

— Раз ты знаешь о летающих скамейках, можно тебе и не говорить, что граф был большим оригиналом при жизни, — заговорила она, уставляя голову на широкой груди Конана. — Однако же самую забавную свою выходку он прибег, что называется, под занавес. «Я оставил после себя некоторое количество потомков, и ни одного законного, — написал он в своем завещании. — Однако в течение ближайших десяти лет любой человек в возрасте от двадцати семи до сорока годов вполне может сделаться моим преемником. Для этого ему потребуется прочитать надпись, оставленную в моем замке таинственным существом из сопредельного мира. Надпись эта находится на дубовой обшивке стены в замке графской короны. Истина, которая откроется прочитавшему, сама по себе равноценна огромному достоянию. А к ней в придачу смекалец получит мой титул и все, что к оному прилагается. Я верю — талант и острота ума передаются по наследству. В свое время мне удалось понять значение этой надписи. Значит, и мой истинный потомок сможет то же самое. Если же повезет какому-нибудь искателю чужих сокровищ — что ж, пусть будет так. Передаю все дальнейшее в мудрые руки Провидения».

Конан фыркнул:

— Вот уж на что не следует полагаться во всем! Верный способ не дожить до старости! Кстати, откуда тебе стало известно завещание старого шутника?

— Стряпчий графа Амрок — старинный при-

ятель моего опекуна, — отвечала Альвенель. — Так что текст завещания я услышала через три месяца после кончины графа.

— А почему сразу не попытала счастья?

После недолгой паузы она произнесла:

— Я, как и ты, не доверяю Провидению и предпочитаю действовать наверняка. Мне потребовалось время, чтобы кое-что разузнать.

— Играешь подпиленными костями? — прищурился Конан.

Альвенель не видела его лица, но догадалась, что губы варвара искривлены усмешкой.

— А ты никогда так не поступал?

— В том, что касается игры в кости, — нет. Но мне случалось жульничать и даже воровать. Читать нравоучения я тебе не стану.

— То-то же, — молвила Альвенель и осторожно просунула руку под рубашку на груди варвара. Грудь была горячей, бугрилась налитыми мышцами. Пальцами она ощутила биение мощного, здорового сердца.

— Граф воображал, будто бы он первый открыл существование сопредельного мира, — продолжала женщина. — Но он здорово заблуждался. В глубокой древности некоторые избранные хорошо знали пути в неведомое. Однажды в сопредельный мир ушел целый народ, спасаясь от орд кочевников. И напротив, племя существ оттуда перебралось к нам, в свою очередь спасаясь от преследования, а может — из-за того, что равновесие между мирами не должно нарушаться. Обо всем этом есть упоминания — в ученых кни-

гах, бесстрастные и сухие, в людских преданиях — приукрашенные до неузнаваемости. Истина где-то между. Теперь мне кажется, что я обнаружила ее.

— Понятно, — солгал Конан. Он не понял почти ничего, но это его не сильно заботило. Главное он ухватил — роскошная куколка напарила где-то в пыльных книжных хранилищах верный способ обскакать конкурентов и оставить их с носом. Отлично! Большого ему знать не требуется.

Конан приобнял свою спутницу и вдохнул запах ее мокрых волос. Кром победительный! Вот что достойно его внимания. Почувствовав ласки его сильных рук, Альвенель не удивилась.

«Пусть! — сказала она себе, поддаваясь их страстному жару. — Пусть! Каждый должен получить то, на что надеется...»

Когда утомленные, оба они застыли, переводя дыхание, сон утяжелил их веки. Шум дождя, убаюкивающий и монотонный, заполнил собою весь мир.

Альвенель проснулась, ощутив, как неожиданно напряглось тело варвара.

— Что ты? — спросила она, но он мгновенно зажал ее рот ладонью и прошептал:

— Тихо... Не шевелись...

Плащ, которым она была укрыта, сполз, и обнаженной спиной Альвенель вдруг почувствовала чье-то присутствие — там, в непроглядном и мокром мраке. Ей стало страшно.

Испуганно всхрапывали лошади, и еще слы-

шалось свистящее тяжелое дыхание. Донесся явственный запах гниющих водорослей.

— Осторожно переползи через меня и прижмись к стене, — велел варвар, нащупывая в темноте рукоять меча. Потом он неслышно скользнул к самому выходу из маленькой пещеры и замер, вглядываясь во что-то.

— Не поверил, если бы не увидел сам! — пробормотал он, и в этот же миг оглушительный, визгливый крик неизвестного чудовища оглушил Альвенель.

Издав ответный боевой вопль, Конан выскочил наружу. Крик повторился, сопровождаемый на этот раз отвратительным звуком, будто стальными крючьями скребли по мокрому камню. Послышались также звуки ударов.

Не утерпев, Альвенель выглянула на дорогу. Там было светлее, чем в пещере, и она без труда разглядела варвара и его противника.

Толстое змеиное тело, свитое в тугую спираль, заканчивалось огромной рыбьей мордой с вытаращенными глазами. По бокам головы топорщились перепончатые крылья, слишком маленькие для такой крупной твари. По спине до кончика хвоста тянулся гребень, массивные плавники, украшенные когтями, скрежетали по камню. Чудовище источало запах моря.

Оно атаковало — выбросив голову с ощеренной пастью навстречу Конану, неожиданно остановило движение и коварным маневром ударило его хвостом сбоку, откуда варвар не подозревал опасности. Удар сбил его с ног. Метнувшись к

упавшему, монстр изготовился уже вонзить кривые, острые зубы в поверженного врага. Но варвар только притворился оглушенным. В последнее мгновение он вскочил и вонзил меч прямо в оскаленный хищный рыбий рот. Пасть захлопнулась с лязгом, а из ноздрей чудовища хлынула черная холодная кровь.

Альвенель подбежала к Конану, который переводил дыхание. Несмотря на свою победу, он выглядел озадаченно.

— Ты спас нас обоих! — сказала она. — Я вижу, что не ошиблась в выборе спутника.

— Конечно, ты не ошиблась, — произнес Конан. — И я понимаю, что другого такого, как я, ты не нашла бы никогда. С этим все ясно. Неясно другое — ты знаешь, как называется это пугало? Это герпедонт. Он живет в море. Понимаешь, в море. В горах ему нечего делать. Сам бы он ни за что не забрался бы сюда. Без соленой воды герпедонт протянет не больше одного дня. Как он сюда попал? Ты не знаешь?

Альвенель ничего не ответила. Она, как зачарованная, смотрела на змеевидное чудовище, чей хвост бился в последней судороге.

— Что-то подсказывает мне, что неожиданностей будет еще много, — заключил варвар. — Хорошо, что лошади с перепугу не бросились в пропасть. Идем, до рассвета есть время. Нужно отдохнуть.

Расположив свое тело на одеялах, Конан скоро уснул, словно ничего существенного не произошло. Альвенель слушала его храп с завистью. Сон

оставил ее. Шорох дождевых капель больше не убаюкивал. От мертвого герпедонта воняло тухлой рыбой.

— Ты прав, — проговорила она шепотом. — Неожиданностей будет еще много. По крайней мере, для тебя...

* * *

Ченси допил вино, капнув два раза на скатерть, оглядел Фаэрти и Тью, своих кузенов, подмигнул им и произнес:

— Это большое паскудство, что дядя так с нами поступил, не правда ли, друзья?

Они сидели, развалившись на дорожных стульях с высокими резными спинками, за длинным столом, уставленным по преимуществу винными кувшинами. Час для усердного винопития был еще ранний. — едва только перевалило за полдень. Фаэрти и Тью, к тому же, неважно выглядели после ужина — их вытянутые физиономии украшались всеми оттенками бледности. Стряпчий Фаррель, шестидесятилетний старик, стоявший перед ними навтыжку, поглядывал на кузенов с осуждением.

— Конечно, вы — родственники покойного графа, но столь отдаленные, что ваше наличие не может отменить его завещания, — кашлянув, проговорил стряпчий. — Как я уже сказывал вам вчера — никто не помешает вам изучить надпись и попытаться разгадать ее.

Кузен Фаэрти весь искривился при звуке его

голоса, а Тью мучительно икнул и в замешательстве заглянул в свой бокал. Ченси, старший среди них, пил вчера наравне с обоими, но наутро оказался свеж, бодр и насмешлив.

— Как насчет одной десятой части наследства, старичок? — спросил он у Фаррела, постукивая ногтями по столешнице.

— Простите? — стряпчий выразительно поднял брови.

— Уверен, никто не предлагал тебе столько. — Ченси снова подмигнул. — Что делать, все стали жадными, все гребут под себя — нет чтобы поделиться с ближним... Одну десятую часть от общей суммы наследства, включая земли, — и ты сообщаемь нам содержание этих демонских каракуль. Идет?

Стряпчий снисходительно улыбнулся.

— Господа не вполне верно понимают ситуацию, — проговорил он. — Ни я, ни кто другой не знает, что написано на стене!

— Вот так бессмыслица! — Ченси удивленно округлил глаза. — Как же тогда определить, верно ли разгадана надпись? Этак можно с умным видом сказать все, что в голову взбредет, — поди докажи, что написано что-то другое!

— Если надпись будет прочтена верно, немедленно произойдет нечто. И прочитавший первым заметит это, — возразил Фаррел. — Есть еще одно условие, о котором претендентам следует знать. А именно: изучать надпись, производить расчеты и прочее каждый волен, когда и как ему вздумается. Но оглашать результаты своих попыток

нужно в присутствии свидетелей, в зале графской короны, не раньше вечерних сумерек и не позже первой ночной стражи.

— Здесь есть ночная стража? — поразился Тью.

— Стражи нет, зато есть колокол. Особый механизм, сконструированный графом, заставляет его звонить через равные промежутки времени. Вы разве не слышали?

— Да... — припомнил Фазрти, оживляясь. — Действительно... А я думал — что за идиот трезвонит посреди ночи?

— Конечно, ты не знаешь, к чему это условие? — прищурился Ченси.

Фаррел важно кивнул.

— Мне это неизвестно. Должен сказать, что стряпчему и не обязательно интересоваться причудами своих клиентов. Моя должность предусматривает только скрупулезное их выполнение.

— Очень удобно, — хмыкнул Ченси.

— Но не слишком умно, — встрял Тью. — Защищать интересы старого дурака, к тому же еще и мертвого!

— Если повезет вам, то я с тем же тщанием буду защищать и ваши интересы, — сказал стряпчий. — Вы вряд ли обратитесь к другому. Не забывайте, я служу этому дому уже много лет. Мне знакомы обстоятельства многих дел, в том числе и финансовых. Два поколения владельцев графства вполне были довольны моими услугами. Будет довольно и третье. А теперь я оставляю вас — мне нужно переговорить с другими претендентами.

И Фаррел вышел из столовой.

— Какой же ты, братец, осел, — сказал Ченси, адресуясь к Тью. — Нужно тебе было грубить старику? Нам необходимы союзники!

Тот поморщился и отвечал:

— Если ты такой канальский дипломат, дорогой кузен, то почему тебя с позором выставили с должности посланника?

— Потому что мне даром не нужна эта должность! — отрезал Ченси. — Я люблю, когда у меня много свободного в ремени.

— А может, потому, что ты на пиру попал персиком в глаз ванахеймскому гонцу? Умничаешь много, дорогой кузен.

— Да, попал. С десяти шагов. А ты и с трех промахнулся бы. Ты носом в собственный бокал не попадешь, братец!

Кузен Фаэрти, не принимавший участия в перепалке, неожиданно закатил глаза и, медленно поднявшись, бочком устремился прочь. Он неестественно прямо держался, хотя ноги слушались его скверно.

— Ты куда? — спросил Тью. Фаэрти в ответ замычал, мотнул головой, как лошадь, и выбежал. Тью икнул и задержал дыхание.

— Что за родственничков послали мне боги! — вздохнул Ченси.

* * *

Гаспар и Тянь-по пили травяной отвар в библиотеке. Они поглядывали друг на друга ирони-

чески и держались оба с преувеличенной вежливостью, какая заменяет обычно хамство в ученых кругах.

— Все же сомнительно, чтобы ты, любезный Тянь-по, мог быть наследником графа, — говорил Гаспар. — Судя по своему портрету, граф являлся явным представителем северной расы. Строение черепа указывает на ярко выраженное бритунское происхождение, а разрез глаз исключает возможность присутствия юго-восточной крови.

— Я подошел к данной проблеме с точки зрения языкознания, — учтиво перебил его кхитаец. — В завещании сказано: «Любой». Сколько значений в бритунском диалекте имеет слово «любой»? Нет среди этих значений, например, такого: «любой, кроме бедного кхитайского каллиграфа Тянь-по»? Сдается мне, что такого значения нет.

— Не обижайся, дружище, — лицемерно улыбнулся Гаспар. — Я просто дурно спал, вот мне и нездоровится. Проклятые молокососы, прибывшие ночью, страшно шумели.

— Мудрец должен быть снисходительным к шалостям юности, — сказал кхитаец. — Ибо истинному мудрецу известна природа этих шалостей. Пусть молодежь развлекается. Чем больше они выпьют, тем меньше способны будут оставить нам конкуренцию.

— О чем ты говоришь? — Гаспар даже поперхнулся отваром. — Какую конкуренцию? Эти олухи, я уверен, на родном-то языке читают с трудом. Типичные современные аристократы-выро-

жденцы, ослабленные внутриродовыми браками и семейным алкоголизмом. Они способны только на глупую спесь и на бесчинства всякого рода. Даже когда их кошельки пусты, они держатся так, словно весь мир принадлежит им. Посмотрите только на эти скопленные лбы, на эти глубоко посаженные глаза, на лошадиные челюсти!

— Однако женщины, особенно — молодые находят в них определенную прелесть, — заметил Тянь-по. — Не так ли? Довольно часто они предпочитают именно таких вот спесивых юнцов мудрым и степенным мужчинам. Это истинная загадка природы.

Гаспар покраснел. Это был полный, очень солидной внешности мужчина, старательно ухаживавший за своей окладистой бородой и обширной лысиной на макушке. Лысина отражала блеск свечей, горевших несмотря на дневное время, а борода, завитая кольцами, лоснилась и переливалась. Мантия, сшитая из добротного сукна и подбитая мехом енота, сидела на нем очень хорошо. В довершение образа Гаспар носил на шее тяжелую серебряную цепь с символикой своего университета. Он очень ее любил и начищал каждое утро бархатной тряпочкой.

Тянь-по, напротив, выглядел вовсе не солидно — его сухопарая фигура напоминала кхитайский иероглиф. Одежда из хлопковой ткани не отличалась изяществом, а бородка росла чахлая и не производила никакого хорошего впечатления. Тянь-по совсем не походил на ученого, а смахивал, скорее, на бродячего фокусника из не

очень искусных. Только живой и умный взгляд делал этого человека приемлемым в обществе образованных людей, где, как и везде в подлунном мире, прежде всего смотрят на внешность.

Встретились они несколько дней назад на большаке и остаток пути совершили вместе. Уважая друг в друге достойных соперников, ученые мужи сблизились и подолгу общались на разные темы — все равно ведь в дороге больше нечем заняться.

Конечно, они редко соглашались между собой — слишком различными были у них взгляды. Гаспар, занимавшийся различными отклонениями в человеческой природе, любую беседу сводил к процессу вырождения, весьма волновавшему его воображение. Еще он очень нападал на смешанные браки, уверяя, что боги, создавшие людские расы, не одобряют нарушения их замысла.

Тянь-по, в свою очередь, был склонен к обобщениям в отвлеченном, философском духе и обожал рассказывать притчи. Вот и теперь, посмотрев на Гаспара из-под пушистых, седоватых бровей, кхитаец поведал историю о черепахе, которая бранила зайца за его излишнюю торопливость, и о змее, упрекавшей аиста за то, что он летает и вьет гнезда на высоких крышах. Гаспар покраснел еще больше. Ему очень хотелось тоже рассказать какую-нибудь басню, уместную в данном случае, но на ум ничего не приходило.

Но тут появился стряпчий и поведал им то, что уже стало известно трем непутевым кузенам. Ученые мужи выслушали и призадумались.

— А что произойдет, если пренебречь указанием о времени? — поинтересовался осторожный Гаспар.

Фаррел пожал плечами.

— Ничего хорошего, — сказал он. — Три года назад некий жрец из Аквилонии поступил весьма неосторожно. Он заперся в зале графской короны и провел там около трех дней. Слуги оставляли ему еду у дверей и слышали, как он бродил и бормотал себе под нос. Он не выходил даже по надобности, осмелюсь заметить. Очень упорный был человек.

— Был? — переспросил Гаспар.

— Увы. Однажды завтрак остался нетронутым, обед — тоже. Никаких звуков из залы не доносилось. На следующий день, обеспокоенный, я велел взломать дверь. От жреца остались одни только уши. Они лежали на полу возле стены, вырванные, что называется, с мясом. Подозреваю, что ему удалось прочесть надпись... не вовремя.

— У одной женщины был злой муж и знатный любовник, — начал Тянь-по скрипучим голосом. — Однажды муж решил узнать, кто ходит к его жене. Он притворился, что уехал в город, а сам, выждав несколько цу, вернулся и застал супругу в объятиях вельможи. «Глупый человек! — сказал вельможа. — И уходить, и приходить нужно своевременно!»

— Очень интересно, — сказал Фаррел. — Кстати, должен напомнить. У соискателей наследства, а значит — и у вас, осталось только пять дней. Сегодня вечером мы начнем.

Джокс следил, как кухарка режет лук. Слезы текли у нее ручьем, она почти ничего не видела, и оставалось непонятным — почему она до сих пор не отхватила себе палец.

Слуги низшего разряда давно уже привыкли, что молчаливый мажордом, возникая из темного коридора, словно призрак, часами наблюдает за их работой. Это сделалось в порядке вещей. Постоянное присутствие Джокса стало как бы неизменным условием жизни. Если по какой-то причине его не было при чистке серебра или вытряхивании ковров, все шло наперекосяк. Гра-телло, формально имевший больше привилегий, — и тот не решался начинать что-либо без немного благословения Джокса.

Кухарка шептала себе под нос — жаловалась на злой лук, тупой нож и отвратительную погоду, от которой ноют ее старые кости. Джокс слушал все это молча. Мыслями он был где-то совсем в другом месте. Несколько лет назад та же самая кухарка, имевшая на мажордома известные виды, пыталась его разговорить, но тщетно. Обозлившись, она какое-то время бранила его вполголоса совершенно непотребными словами, а он и на это не обратил внимания — стоял у двери, сложив руки на груди, и смотрел оловянными глазами.

— Высокомерный очень, — говорил про него конюх. — Важничает, что твой лорд, только потому, что каждый день ходит в парадном камзоле,

а мы — лишь по праздникам. Да и когда здесь были праздники? Я и не упомяну. Вот при графе, хвала богам, мы веселились...

Шут, существо бесполезное, но не вредное, пользовался куда большей популярностью. Женщину он умел уцепить особым образом, после чего она целый день ходила веселая, да и с мужчинами не чинился, выпивал с ними очень охотно. В прошлом он был барабанщиком при своре каких-то наемников. В пьяной драке ему обезобразили лицо, и оно стало похоже на дурно вылепленную маску — одно ухо выше другого, нос, переломанный в трех местах, доставал до подбородка, а нижняя челюсть с левой стороны выпирала так, будто шут держал за щекой половину вареного цыпленка.

Пока внизу, в поселке у большака, кипела жизнь, шут частенько наведывался туда и числился хорошим клиентом Уитера.

Несколько пригожих девиц, бесчинно затяжелев, говорили на него, но добродушные арендаторы им не верили — кто же прельстится такой рожей? Вероятно, они все-таки ошибались, хотя — какая разница?

В последние дни шут Баркатрас был несколько уныл — предчувствия тяготили его. Он сидел на сыром чердаке и возился там со всяким хламом, читая старым совам бесконечные монологи из классических трагедий. Оживился шут только когда узнал, что в замке остановились пятеро гостей. Потихоньку присматриваясь к ним, он решил: скоро будет случай позабавиться. Пред-

чувствие беды не исчезло совсем — только приутилось, но это только раззадорило его.

— В нашем замке все помешаны, даже те, кто здесь впервые, — рассуждал он.

К тому же Баркатрас был человеком не без расчета. Очень может статься, среди гостей находится сейчас будущий граф Амрок. Нужно понравиться ему, удачно разыграв его конкурентов. Но как бедный шут определит наследника? Баркатрас слонялся по галерее и изобретал. Жаль, что никто не видел, какие уморительные гримасы он при этом выделывал!

* * *

До обеда оставалось совсем немного, когда Грателло с озабоченным лицом появился на кухне.

— Еще двое прибыли, — сообщил он Джоксу.

Мажордом неожиданно отверз уста и проговорил:

— Несет и несет нелегкая, словно замок превращен в постоялый двор!

От неожиданности кухарка подскочила, уронила шумовку и, не веря своим ушам, уставилась на мажордома с благоговейным ужасом.

— Кто они? — осведомился Джокс.

— Мужчина и женщина, — отвечал лакей. — Без посторонних ведут себя как любовники. Мужчина — варвар из Киммерии, силач и хвастун. Женщина походит на знатную горожанку.

— Значит, обед подавать на семерых, — распорядился Джокс.

* * *

Конан и Альвенель проделали остаток пути без приключений. Дорога увела их прямо в тучу, которая расплзлась в воздухе, превратилась в свинцового цвета туман, сочащийся дождем.

К воротам замка вел каменный мост через узкое, но глубокое ущелье. Опоры моста, замысловатой конструкции сооружения, словно вросли в скалы.

— Им сотни и сотни лет, — заметил варвар. — Так давно уже не строят. Секрет утерян.

— Это любопытно, — откликнулась его спутница. — Но, если ты не возражаешь, давай все-таки войдем в замок. На мне нет сухой нитки.

Когда они проезжали по мосту, колокол на башне звякнул два раза, коротко и тускло, и звук его, тоскливо-пронзительный, отразился от скал.

— Прямо мороз по коже, — сказал Конан, прислушиваясь.

Альвенель молчаливо согласилась с ним.

Грателло встретил их за воротами. Варвару никогда не нравились люди такого типа — скользкие, бесцветные, обладающие умением косить глазами в любом направлении, лишь бы только не встречаться взглядами с собеседником. Лакей был худ, сутул и длиннорук, однако с полным лицом, двумя подбородками и мясистым, круглым носом, которым он беспрестанно шмыгал, будто вынюхивал что-то.

— Нам нужна одна комната на двоих, — распорядилась Альвенель. — Однако с просторной

кроватью. Разожги камин, чтобы можно было обсохнуть и согреться. И принеси сухих полотенец.

— И кувшин красного вина, — добавил Конан, — с хорошим куском жареного мяса.

— Скоро обед, — растерянно произнес Грателло. Он не ожидал такой прыти: Трое кузенов, явившихся вчерашней ночью, тоже распоряжались и требовали, но делали это бестолково. А эти точно знают, чего хотят, и держатся слишком уж уверенно.

Думая об этом, он пошел предупредить мажордома. Конюх принял лошадей. Свою отсыревшую поклажу новоприбывшие бросили прямо в холле.

Явился мажордом — седой, как лунь, воплощение чопорности и скуки. Его кадык торчал, как зоб болотной цапли, а из носа росли пучки черных курчавых волос.

— Ты — Джокс? — спросил у него Конан. — Я слышан о тебе. Не вздумай предложить мне прокатиться на кочерге!

Джокс сухо улыбнулся и поклонился.

— Следующий удар колокола предваряет начало обеда, — объявил он. — Стол накроют в зале графской короны, там, где надпись. Это на третьем этаже. Ваша комната — на втором. Позвольте отнести ваши вещи.

— По крайней мере, здесь нет сквозняков, — сказала Альвенель, осмотрев комнату. Окно выходило на однообразный, в сером тумане, скальный пейзаж.

— У меня такое чувство, — произнесла она,

глядя в окно и улыбаясь, — что это я уже видела. У тебя не бывает так?

— Бывает, — отвечал киммериец. — Как по-твоему, скоро зазвонит колокол?

Туман за окном медленно пришел в движение, и сразу же завывало и забормотало в каминной трубе.

— Не хватало еще и бури, — пробормотала Альвенель про себя.

Они едва успели высушить одежду, когда, на радость варвару, раздался призыв колокола. На этот раз он звучал куда менее тоскливо.

* * *

За длинным обеденным столом все, кроместряпчего, постарались усесться так, чтобы видеть надпись перед глазами. Бедовые кузены несколько пришли в себя и сидели, высоко вздернув подбородки. Их камзолы отличались друг от друга только расцветкой, волосы тоже были уложены одинаковым способом, очень модным в городах, — коротко остриженные спереди торчали ежовыми иглами и длинные на затылки — курчавились, завитые щипцами. Законодателем моды у них явно был Ченси. Фазрти и Тью, незаметно подглядывая, копировали его жесты и развязно-взвинченные движения.

Ученые мужи сидели чинно. Впрочем, Тянь-по все время улыбался с лукавым видом. Гаспар созерцал надпись и бормотал себе под нос — это была привычка, выработанная в университете.

Когда он, бормоча таким образом, прохаживался по аллее, никто не смел отвлекать его от «размышлений».

На почетное место уселся Баркатрас, разодетый в лучшее свое шутовское платье и рогатую шапочку, обшитую бубенчиками. Время от времени он встряхивал головой, и по зале разносился нежный, хрустальный перезвон.

Альвенель дважды улыбнулась ему на это, и шут преувеличенно заважничал. Сложив хитрым образом полотняную жесткую салфетку, Баркатрас изготовил из нее подобие бумажной игрушки в виде куропатки, уложил ее на пустое блюдо перед собой и принялся терзать салфетку ножом.

Конану очень хотелось есть. Выходку шута он принял на свой счет и ухмыльнулся. Чинная обстановка угнетала его. Наконец подали первое блюдо. Это был бульон. От разочарования киммериец едва не замычал. К счастью, сразу за бульоном принесли сыр. Варвар отхватил себе почти половину сырной головы, распластал ее неудобным серебряным ножом и проглотил в считанные мгновения. Ему совершенно было безразлично, как поглядят на это остальные. Впрочем, когда подали наконец жаркое, все вздохнули с облегчением. Волнения способствуют хорошему аппетиту, а им было из-за чего волноваться.

— Не просто будет нам разгадать ребус графа, — заметил Гаспар сытым голосом. — Как вы полагаете, Фаррел?

Стряпчий вежливо пожал плечами.

— Уважаемый судейский чиновник останется

поверенным хозяина замка, даже если им станет герцог? — спросил Тянь-по.

Фаррел глубоким кивком подтвердил его слова.

— Мудрым человеком был граф, — сказал кхитаец. — И мудрость эта — государственного уровня. Четыреста лет назад великий Хон Пу Си сказал: «Хочешь, чтобы твой исполнитель был честен, — сделай так, чтобы он ничего не терял от своей честности».

— Разве так бывает? — усомнилась Альвенель.

— Как все мы видим — бывает, — улыбнулся Тянь-по.

— Граф действительно был умен, — глубоко-мысленно заявил Гаспар. — Я вижу в этой надписи комбинации из письменных значков по меньшей мере восьми языковых групп... Древние, так называемые «ледяные» руны соседствуют с «коралловыми завитками» островитян и «кубическим» шрифтом северо-востока. Очень любопытно...

— Мы так и не поняли, как эта мазня попала на стену! — высказался Конан. — Что за существо ее оставило? Пьяный штукатур?

— Да! — рявкнул Фэрти. — Пусть нам расскажут!

Тью хотел высказаться по этому поводу, махнул рукой, перевернул соусник и сконфузился.

— Мы можем позвать очевидца, слугу Грателло, — предложил стряпчий. — И расспросить его.

— Слушать за обедом слугу? — Ченси скривил рот. — Что ж, это в духе всего остального. Так позвоните его!

— Ты даже не поинтересовался, хотят ли этого остальные, — брезгливо проговорил Гаспар.

— А что, разве не хотят? Вот, к примеру, единственная дама среди нас. Разве она будет возражать? — Ченси посмотрел на Альвенель и изысканно сложил губы, словно смаковал пирожное.

— Я бы охотно послушала. — Альвенель решила ему подыграть. Ее происходящее сильно забавляло.

Гаспар надулся и сердито заглянул в свой кубок. Фаррел позвонил в колокольчик. Во время всей этой интерлюдии Конан не издал ни звука, только рассматривал всех ее участников, бросая на них короткие взгляды.

Ему казалось, что он наблюдает за интересным поединком на длинных мечах, в которых несколько противников сражаются все против всех. Между людьми, вроде бы мирно соседствующими за столом, происходило напряженное выяснение отношений, внешне не очевидное, но острое и жесткое.

Грателло сделал вид, что не сразу понял, чего от него хотят, хотя с его стороны было глупо так старательно извиняться за свою несообразительность. Что-то фальшивое дребезжало в этом человеке, одетом в камзол слуги с гербом на груди. Мельком заметив усмешку Тянь-по, варвар догадался, что кхитаец тоже так считает.

— Хватит ныть, Грателло! — прикрикнул шут. — Господам хочется послушать самого косяязычного рассказчика в Бритунии, а ты изображаешь вовсе немого. Валяй, начинай!

Слуга подождал, пока затихнут наконец колокольчики на шутовской шапочке, и произнес:

— История эта поучительна и печальна...

— Скверное начало! — фыркнул Тью. — Мы не хотим, чтобы нас поучали и печалили.

Ченси толкнул его локтем в бок, а Баркатрас с видом глубокого почтения снял шапочку и поклонился Тью со словами:

— Нехорошо отбирать хлеб у дурака!

Грателло продолжил:

— Его милость, как вам известно, вел жизнь уединенную, и соседи часто судачили о его воздержанности по части прекрасного пола. Он так никогда и не женился, ни за кем не ухаживал и не интересовался дамами. Одни объясняли это благочестивым образом жизни, в которой нет места слабостям. Другие приписывали его милости пороки гораздо более постыдные. И те, и другие ошибались. Им было неизвестно, что наш господин хранил в своем сердце подлинное чувство к прекрасной особе.

— Кем же была эта особа? — поинтересовался Гаспар, неприятно выделив голосом слово «особа», и оно зазвучало почти как «шлюха». Альвенель при этом нахмурилась.

— Она была знатной женщиной, но ее имени и титула не нашлось бы ни в одном гербовнике Бритунии, — проговорил Грателло. — Она жила в сопредельном мире.

• В ту ночь, когда она впервые появилась в замке, гремела гроза. Я спал у себя в комнате, на людской половине, когда в главную башню уда-

рила молния. Грохот был очень сильный, и я проснулся. Казалось, замок заходил ходуном и сейчас рассыплется на камни. Воздух гудел. Когда я прикоснулся к своему камзолу, чтобы надеть его, он вдруг затрещал, уколол мои пальцы и прилип к ним.

— Так бывает во время сильных гроз, — подтвердил кхитаец.

— В мои обязанности входит следить за механизмом, который отмеряет время в замке. Из-за гроз механизм этот иногда останавливается. Я зажег свечу и направился к винтовой лестнице, чтобы по ней взобраться на верхнюю галерею, а уже оттуда пройти в башню.

Когда я проходил мимо графских покоев, мне послышался голос его милости — он говорил с кем-то взволнованно, как мне показалось, и испуганно. Я подумал: а вдруг в замок проникли грабители и захватили его милость врасплох? Оказавшись у его дверей, я приложил ухо к замочной скважине и сразу понял, что ошибся. Граф Амрок разговаривал с женщиной. И не он был испуган, а она, причем его милость старался утешить ее и произносил всякие ласковые слова. Голос женщины был мне совершенно не знаком, да и разобрать, что она отвечала графу, я тоже не смог.

В подобных делах господину не нужна помощь слуги, даже самого преданного, и я со спокойной душой проследовал дальше. Механизм, как я и предполагал, не работал. Мне пришлось провозиться с ним довольно долго. Когда же он

наконец наладился и я брел обратно, предвкушая сон в теплой постели, навстречу мне появился его милость. Он был в приподнятом настроении и говорил со мной приветливо. Я осмелился спросить, не нужно ли чего его гостье?

— Какой гостье, дурак? — рассердился он.

— Прошу прощения, господин. Верно, я задремал, и мне приснилось, — отвечал я.

— Смотри у меня, сновидец! — Он пригрозил мне кулаком, и я поскорее убрался восвояси, решив держать язык за зубами.

Спустя несколько недель как-то поутру кухарка обнаружила пропажу сладких булочек, приготовленных на завтрак. Все подумали на Баркатраса, дурака его милости, но он заявлял, что в краже невиновен.

— И сейчас заявляю! — кивнул шут с такой важностью, что Альвенель снова не удержалась от улыбки.

— Две булочки по особому рецепту, которые выпекались только для его милости ежедневно, — продолжил слуга. — Украсть их — большая дерзость! Мы, слуги, пребывали в растерянности и страхе. Граф мог разгневаться! Из остатков теста, кое-как, кухарка состряпала что-то похожее на сдобу, а его милость все не выходил к завтраку и не требовал воды для умывания. Я не выдержал и постучался к нему.

— Что тебе нужно, болван? — спросил он из-за двери. — Я тебя не звал. Оденусь сам и выйду позже.

В этот раз я опять расслышал женский голос.

Если бы его милость обнаружил, что я подслушиваю, не сносить мне головы! Однако риск вполне оправданный. Образцовый слуга должен знать о своем хозяине больше, чем тот знает сам.

Только после полудня граф вышел из опочивальни.

— Ваши булочки на этот раз не вполне удачны, — сказал ему я.

— При чем тут булочки! — весело и удивленно воскликнул его милость. — Что ты понимаешь, тупица!

Было видно, что ему очень хорошо. Он даже подарил мне серебряную монету.

Пусть простит меня леди за такую подробность, но спальня, особенно — кровать его милости — хранила немало свидетельств тому, что граф проводил время не один. Во-первых, блюдо со злосчастными украденными булочками стояло на прикроватном столике, рядом с кувшином из-под вина. Одна булочка была недоедена и сохранила на себе следы маленьких, аккуратных зубов.

— Кром великий! — не выдержал Конан. — Хватит о булочках!

— Во-вторых, на подушке мною был найден женский волос — длинный, золотистого цвета. В-третьих...

— Достаточно! — перебил слугу Ченси. — Мы верим тебе. Была женщина. Не стоит перетрачивать при всех дядиной постели!

— Я никогда бы не решился рассказывать об этом, — дрогнувшим голосом сказал Грателло. —

Если бы это не имело значения в настоящий момент! Замку нужен хозяин, а мой рассказ, возможно, поможет разгадать тайну надписи.

— А возможно, и нет, — спокойно произнесла Альвенель. — Говори дальше.

Выдержав приличную паузу, слуга возобновил рассказ. Конана не оставляла мысль о том, что Грателло только изображает обиду, так же, как недавно изображал непонятливость. Кроме того, было очевидно, что он получает большое удовольствие от рассказа.

— Прошел еще месяц. Настала пора снегов. Вершины гор занесло, и даже дорога, вырубленная в скале, была малопригодна для подъема и спуска.

Живущих в замке это мало беспокоило — припасов в леднике было достаточно даже для самой долгой зимы, в дровах и угле мы тоже не испытывали нужды. К тому же, если бы его милости вздумалось развлекаться, он воспользовался бы одним из своих изобретений, способных переносить его по воздуху.

Но граф не покидал замка. Вставать он начал поздно, вечера проводил в своей мастерской или в библиотеке. А по ночам довольно часто общался с таинственной незнакомкой, которая — я готов был поклясться, замка не покидала и обычным путем в него не проникала. Я сделал единственно возможный для меня вывод: она просто прячется в одной из потайных комнат. Их в замке множество.

За несколько дней до зимнего солнцеворота,

по времени — ближе к полудню, ко мне явился наш конюх.

— Хорошо бы тебе взглянуть на эти следы! — сказал он. — Я никогда такого не видел, чтоб мне лопнуть.

Со внешней стороны крепостной стены, у самого моста действительно были следы, оставленные на снегу... Я решил, что это проделки шута, который от безделья из дурака сделался недоумком. Видели ли вы, господа, когда-нибудь следы курицы?

— Чутю за чутю? — удивился Тью.

— Ты увидел на снегу следы курицы? — расхохотался Фаэрти.

— Да, господин. Следы курицы величиной с хороший сельский дом. Они были глубокими, что не удивительно при таких размерах.

— Гм... А откуда вели эти следы и где они заканчивались? — спросил кхитаец, прищурившись.

— Начинались они сразу перед мостом со стороны ворот, но на самом мосту их не было и за мостом — тоже. Казалось, будто бы исполинская курица спорхнула с неба. Кто бы ни был это... оно обошло замок дважды и исчезло у края пропасти.

Я взял на себя смелость доложить об этом его милости.

— Это удивительно, — сказал он рассеянным голосом. — Удивительно.

— Ваша милость не желает взглянуть? — спросил я.

— Не теперь... после... — проговорил граф, и кое-что новое вдруг увидел я в лице своего господина. Не страх, не волнение перед неизвестным — то была тоска, глубокая внутренняя боль.

— Может, вашим слугам лучше устроить засаду на это чудовище? — предложил я. — Тогда мы смогли бы понять хотя бы, с чем имеем дело.

— Не думаю, — отвечал он. — Понять это вам не удастся.

На свой страх и риск две ночи кряду я, конюх и мажордом Джокс дежурили на крепостных стенах в надежде подкараулить чудовище. Но оно не появлялось. Не было его и на третью ночь, когда мы бросили нашу вахту — уж больно холодно было на стене! А следующей ночью произошло нечто неслыханное.

Грохот и ужасный вой разбудили меня и прочих слуг в замке. Доносились эти звуки со стороны ворот. Мигом мы вооружились и, прихватив пылающие факелы, бросились на стену. То, что мы увидели оттуда, испугало даже безмозглого шута!

— Воистину так, — вставил Баркатрас.

— Чудовище, огромное, на птичьих лапах, с длинным хвостом, усеянным роговыми шипами, стояло у ворот. Зверь был покрыт крупной зеленоватой чешуей, голова его напоминала голову жабы, если бы у жаб бывали клыки. Из ноздрей валил пар, глаза горели злобой. Конюх закричал, как ребенок, и повалился без чувств.

Чудовище пыталось ударами своего хвоста высадить ворота, и они уже начали поддаваться.

Хочу заметить, ворота эти не сломать самым крепким тараном!

Как ни велика была ярость этого зверя, не она им управляла, о, нет. На спине его, в особом седле сидел человек — очень большого роста, выше господина из Киммерии. С головы до ног всадник был закован в молочно-белые доспехи. На плече его висел щит с изображением падающей звезды, а в руках он держал боевое рыцарское копьё.

Всадник, приподнимаясь на стременах, кричал злые слова, а наш господин — он стоял прямо над воротами, на смотровой площадке, — отвечал ему.

— Ты не уйдешь от моего гнева, вероломный похититель чужих невест! — раздавался громовой голос неизвестного рыцаря.

— Откуда ты знаешь язык этих мест? — насмехался его милость? — Выучил, пока шлялся по пустошам?

— Я научился твоему языку, чтобы ты понял смысл проклятий, которые я обрушу на твою голову! — отвечал припелец. — Принимай мой вызов, иначе я похороню тебя под обломками твоих стен!

— Убирайся восвояси! — воскликнул граф Амрок. — Ты сам виноват в том, что случилось. Она больше не принадлежит тебе.

— Трус! Ночной вор!

— Глупец! Проваливай, пока цел!

Мы не стали мешкать и принялись обстреливать чудовище и всадника из луков и арбалетов.

Стрелы не причиняли вреда обоим, отскакивая, как от камня. Но зверь хотя бы перестал ломать ворота. Он рычал и выл, размахивая передними лапами, — несообразно маленькими для такой большой туши.

Его милость жестом подозвал меня к себе. От моего факела от поджег фитиль, торчавший из небольшого туго набитого мешочка.

— Получай! — вскричал он и метнул мешочек под ноги чудовищу. Раздался взрыв, и зверь, испугавшись, метнулся прочь. Его вой, потрясавший стены, донесся издали и вдруг стих.

— Может, он упал в пропасть? — предположил я.

Его милость с сожалением покачал головой. Он был бледен, и руки его тряслись, хоть он и держался с великим достоинством.

— Он еще вернется, — сказал граф. — Но, надеюсь, не сегодня. А сейчас отправимся в тепло и отпразднуем нашу победу.

Его светлость весь переполнялся лихорадочным возбуждением. В холле он приказал Джоксу, чтобы тот немедленно подал лучшего вина на всех.

— Граф не пьет со слугами, но полководец может выпить со своими солдатами! — заявил он.

Мы были в смущении и растерянности. Еще бы — пробуждение посреди ночи, встреча с чудовищем, а теперь еще и пир! Кроме того, мы постепенно осознали, что оказались в осажденном положении. Одно дело, когда стихия не пускает вас из дома, совсем другое — когда чья-то неве-

домая агрессивная мощь пытается ворваться извне. Должно быть, уныние при этих мыслях отразилось на моем лице.

— Не хмурься, старина! — воскликнул хозяин. — У меня еще много чудесного порошка, произведенного по старому кхитайскому рецепту. Его действие ты только что видел. Он отпугнет от замка любую нечисть!

— Да, это замечательный порошок, — молвил Тьян-по. — У меня на родине его используют для праздничных огней, фейерверков. Очень красиво!

— Интересно, — полюбопытствовал Ченси, — а в военных целях его можно применять? Должно быть, порошок обладает большой разрушительной силой.

— Весьма большой! — подтвердил кхитаец. — Однажды, во время праздника риса, целое селенье взлетело на воздух из-за неосторожного обращения с порошком. Хорошо, что его не используют в сражениях.

— Согласен, — буркнул варвар. — В битве главное — не победа любой ценой, а доблесть. Однако граф молодчина. Может, он и испугался чудовища, но сообразил взорвать свою детскую хлопушку!

— Не думаю, господин, что граф боялся чудовища, — мягко возразил Грателло. — Скорее, его милость испытывал чувство неловкости перед его хозяином...

— Что ты болтаешь? — ухмыльнулся Ченси. — Мы уже смекнули, что дядя увел женщину из-под носа какого-то чудака, разъезжавшего на

драконе или гиппопотаме. При чем тут неловкость? Обычное дело.

Фаэрти и Тью расхохотались, покачнувшись на стульях.

— Если господа все время будут перебивать и без того медлительного рассказчика, — вставил шут, — то мы все, исключая даму, обзаведемся седыми бородами до полу, пока он закончит.

Грателло стоял, подобный неудачно сработанной статуе. Годы, проведенные без хозяина, сказывались: бывая выдержка начинала изменять ему. Он испугался, что случайно выдаст присутствующим то, что на самом деле о них думает. Чтобы этого не произошло, лакей торопливо подбежал к столу, распечатал два полных кувшина с вином и наполнил кубки гостей.

— Рассказывай дальше, — велел Тью, взмахнув полуобъединенной индюшачьей ногой, причем брызги жира пролетели в опасной близости от лица стряпчего.

Тот и бровью не повел.

— Мы вошли в залу. Вот в эту самую залу, — продолжал Грателло, вернувшись на место. — И в объятия его милости кинулась прелестная молодая леди. Я видел ее в неровном свете нескольких свечей — их было слишком мало, и тут царил полумрак. Но и он не мог скрыть красоты незнакомки. Ее полупрозрачные одежды переливались — они тоже источали свет, призрачный и чарующий, похожий на мерцание светлячка. Она быстро говорила на неведомом мне языке и покрывала лицо его милости поцелуями.

— Можете идти, — сказал граф нам, — пейте за мое здоровье.

И лично затворил двери за нами.

До утра никто из нас не сомкнул глаз. Все гадали — откуда взялась в замке эта женщина?

С того дня она перестала таиться. Ее часто можно было видеть рядом с его милостью. По-немногу она освоила бритунское наречие и распоряжалась нами, как госпожа. Нам оставалось только принять все как есть.

Долго ревнивый рыцарь, хозяин чудовища, не беспокоил нас. Но мы помнили о его угрозах. Починили ворота, установили на стенах котлы со смолой и навалили туда тяжелых камней. Каждую ночь один из нас дежурил, готовый поднять тревогу в случае нападения.

Но беда выбрала другой путь в замок Амрок.

Я прислуживал хозяину и загадочной госпоже за ужином. Ничто не предвещало несчастья, напротив — его милость был доброжелателен, и дама его сердца весело переговаривалась с ним. Но внезапно все горевшие свечи погасли, и зала погрузилась в темноту. Женщина вскрикнула от неожиданности, граф привстал, и тут в стене осветился прямоугольник, словно распахнулась дверь, которой там на самом деле никогда не было. В светящемся проеме стоял уже виденный мною великан в латах, а за ним — десяток отвратительных человекоподобных существ, полуголых, поросших шерстью. Они сжимали в своих лапах кривые сабли и щерились в зверских гримасах. Латник отдал им короткий приказ, и дикари ок-

ружили господина. Один из них приложил острую кромку сабли к его горлу, готовый отрезать голову его милости. Великан закричал на чужом языке — он обращался к женщине. Она поднялась, бессильно заломив руки и опустив голову, и направилась в эту, невесть откуда взявшуюся дверь.

— Не ожидал! — сказал латник хозяину. — Пусть это будет тебе уроком. Не буду убивать тебя в твоём же доме. Я не разбойник и не вор, вроде тебя.

— Почему ты называешь меня вором? — хладнокровно спросил его милость. — Я ничего не крад у тебя. Она сама пришла ко мне, потому что ты ей омерзителен.

Великан сжал кулаки, так что латные рукавицы закрипели.

— Хочешь вывести меня из себя, чтобы я оборвал твою жалкую жизнь? — спросил он.

— Вовсе нет, — отвечал граф. — Я только говорю правду, ничего кроме. Но не лги — ты оставляешь меня в живых только потому, что обещал ей. Если я умру, тебе нечем будет ее запугивать, и она захочет отомстить. Знай, лорд Неизвестность, я найду ее во что бы то ни стало, отыщу даже в сопредельном мире. Нигде не будет тебе покоя!

— Ты прав! — захохотал пришелец. — Я поклялся не убивать тебя. Но не злоупотребляй этим, жалкий воришка. Следующая наша встреча закончится по-другому. Я приму меры, чтобы ты не попадался мне на глаза!

Отвратительные слуги великана один за другим вернулись обратно, в светящуюся пустоту. Латник взмахнул рукой, и его не стало. Провал исчез.

Когда свечи вновь зажгли, на том месте, откуда явился грозный великан, снова была стена — ровная, крепкая какой и была прежде. Но теперь на ней проступили письмена, те самые, которые вы видите.

— Он запечатал вход! — воскликнул его милость. — Глупец! Дешевой магией он пытается встать на пути науки!

Граф рассмеялся, но нервное напряжение оказалось сильнее его на этот раз. Он слег в горячке и два долгих дня не приходил в себя. Поправившись, его милость заказал через господина Фаррела много ученых книг, бумажных, пергаментных и даже папирусных из Стигии. Это стоило больших денег, но хозяин не поскупился. Больше года он корпел над ними, ставил опыты, один из которых, в конечном итоге, послужил причиной его безвременной гибели... На этом, с позволения господ, я умолкаю.

— Все это чистая правда, — подтвердил шут, и в его голосе не было насмешки. — По крайней мере, я знаю столько же.

— Лорд Неизвестность, — произнес Тянь-по после недолгой паузы. — Любопытное прозвище. Как жаль, что я не слышал его на языке сопредельного мира... В имени этом и поэзия, и неумолимость судьбы, и вызов.

— Все это демонщина какая-то, — сказал Чен-

си. — Не понимаю, как подобные истории вообще могут происходить здесь, в Бритунии, в стране здравого смысла и простого подхода к жизни!

— Не вполне согласен с этим, — молвил Гаспар. — Наши предки оказались подпорчены общением с пиктами, гаэльцами и прочими темными народами, вся культура которых сводится к разнузданным пляскам и страшным сказкам, лишенным морали. Вот с нами теперь и происходит, как вы выразились, демонщина.

— Разве народные предания лишены морали? — удивился кхитаец. — Я знаю многие из них и уверяю, морали в них хоть отбавляй.

— О чем они говорят? — неожиданно разозлился Фаэрти. — При чем здесь мораль? Уж не собираются ли они читать нам нравоучения? Они мне надоели. Эй, Тью, Ченси, давайте перебьем их всех, красотку только оставим, и заживем здесь господами!

— Осел! — коротко отозвался Ченси.

— Крайне неразумно, — сказал стряпчий. — Мое исчезновение повлечет за собой расследование. Герцог не поощряет убийств судебных чиновников.

— Еще одно слово про леди Альвенель, и я выброшу тебя в окошко, — заявил варвар.

— А я не буду ему препятствовать, — добавил Ченси.

Фаэрти, заклеванный со всех сторон, злобно сверкнул глазами.

— Он пошутит! — сказал Тью. — Он всегда так шутит.

— Мы все так и подумали, — заверил его Фаррел. — Однако не угодно ли вам приступить к разгадке надписи? Время настало. Если у кого-нибудь есть соображения на этот счет, пусть он произнесет их вслух.

— У меня нет соображений, — с легким вздохом признался кхитаец. — Но сегодня, слава небесам, не последний вечер. Я подумаю еще.

— А мне так и вовсе не по себе, — задумчиво произнес Гаспар. — Возможно, я догадался. Но вот произнесу я это заклинание, дверь в сопредельный мир откроется, а оттуда на нас набросится какая-нибудь тварь... Мы ведь даже безоружны! Лучше завтрашним вечером, когда мы примем меры предосторожности.

— Вы напрасно опасаетесь, — голос Альвенель прозвучал с легкой насмешкой. — Никто не набросится, и дверь не откроется. Ни о чем вы не могли догадаться, и надписи этой не прочтете никогда!

— Откуда такая уверенность? — оскорбленно надулся Гаспар. — Это возмутительно! Какая-то авантюристка осмеливается сомневаться в учености магистра наук, преподавателя, автора трудов...

Тьянь-по при этом язвительно хихикнул и загородил лицо салфеткой.

— Ученые труды не помогут, — сказала Альвенель. — Эту надпись нельзя прочесть.

— Почему? — В глазах Ченси вспыхнули огоньки острого интереса.

— В самом деле, почему? — осведомился

стряпчий и, обернувшись, взглянул на письма, покрывавшие стену.

— Потому что это подделка. Ничего не значащая галиматья. Фальшивка. Надувательство.

Все вскочили и заговорили разом в сильнейшем возбуждении. Тью, который ничего в надписях не понимал и совершенно ими не интересовался, был ужасно рад случаю погорланить. Он разразился потоком ругани и остановился только тогда, когда Ченси дал ему подзатыльник.

— Смелое заявление, — сказала Фаррел, перекрикивая общий шум. Странно, но в его голосе, спокойном и холодном, оказались вдруг такие железные нотки, от которых многим стало не по себе: Гул затих как по волшебству.

— Смелое заявление, — повторил стряпчий. — Не угодно ли госпоже подтвердить свою версию?

— Еще как угодно, — Альвенель улыбнулась, и весьма уверенно. Ченси глядел на нее во все глаза. — В рассказе слуги я заметила одну неувязку. Судите сами. Граф Амрок, как подобает хозяину, наверняка сидел на почетном месте, там, где теперь восседает его шут. Оно удобно еще и тем, что возле него находятся два настенных подсвечника, то есть там светлее. Теперь прикиньте, какое значительное расстояние отделяло графа от открывшейся двери в сопредельный мир. Пока страшные уроды с саблями добрались бы до хозяина замка, он успел бы вскочить, принять бой — кстати, на стене рядом висит меч, настоящее оружие хорошего качества. На худой конец граф убежал бы из залы, входная

дверь буквально в двух шагах. «Нет, — сказала я себе, — это подозрительно». Но где же истинная надпись? Где появлялся светящийся портал? Там, за спиной графа. Вот почему он ничего не предпринял. Просто не успел. Пусть слуга снимет этот гобелен, который, кстати, совершенно здесь неуместен. Ну?!

Грателло, белый, как мрамор, стоял неподвижно. Одним ловким движением Ченси вскочил со своего места, подошел к указанному гобелену на стене, схватился за его края и рванул. Пыльная ткань упала к его ногам.

— Поразительно! — воскликнул стряпчий. — Еще одна надпись!

— На этот раз подлинная, — утвердительно произнесла Альвенель.

— Вынужден взять свои слова обратно, — процедил Гаспар. — Вы неглупы, это ясно.

— Любопытное письмо, — произнес Тьян-по. — Больше похоже на орнамент из цветов и выющихся побегов. В Хоарезме находили подобные. Интересна также и манера письма — сильная, твердая рука, штрихи устремлены вверх — так пишут на выдохе... Это целая наука.

Конан наблюдал за происходящим очень внимательно. Он не привык разгадывать загадки усилиями ума, но обожал всякие головоломки, требующие решений, действий и хитрости.

— Пусть слуга сознается, почему он скрыл настоящую надпись, — предложил он.

Сидящие за столом посмотрели на Грателло, а тот уставился себе под ноги.

— Милейший, отвечай! — «железным» тоном велел стряпчий и нахмурился. Слуга молчал.

Конан бегло оглядел присутствующих: Шут пропал, отметил он про себя.

— Ты вынуждаешь меня принять меры, — сказал Фаррел. — Последний раз советую тебе...

Тяжелый, долгий грохот, донесшийся снаружи, прервал его. Шум перекрыл голос бури.

— Что это? — испуганно спросил Гаспар.

— Похоже на обвал, — ответил Конан, прислушиваясь. — Большой обвал.

Ченси подошел к окну, отодвинул гардину и выглянул.

— Ничего не разобрать, одна чернота, — молвил он.

— А вдруг это чудовище на куриных лапах штурмует замок? — Гаспар заметно побледнел. Он сильно жалел, что ввязался в это предприятие. Мысль о наследстве перестала возбуждать его.

— Чего гадать? Всего и делов — пойти да посмотреть, — заверещал Тью. — Если пришел этот гад, мы его подвзорвем. Дядин порошок, небось, остался цел. Лежит где-нибудь в кладовой. А?

Очевидно было, что ему хотелось что-либо «подвзорвать».

На пороге залы появился Джокс. Он ступал торжественно, словно собираясь объявить о прибытии важной персоны, никак не ниже герцога по достоинству.

— Господа! — провозгласил он. — Спешу сообщить, что мост обрушился. Мы заперты в замке.

* * *

— Казался таким надежным, крепким, просто-ял сотни лет — и бесславно развалился, чтобы упасть на дно ущелья, — сказал Тьянь-по. Ветер раздувал его одежды и уже унес в неизвестность смешную коническую шапочку из рисовой соломки. — Как это верно и символично напоминает мне историю о вековом дубе, который...

— Вы бы подумали, как отсюда выбраться, — мрачно произнес Гаспар.

— Тут и думать нечего, — кхитаец пожал плечами. — В замке оставались летающие механизмы, созданные покойным хозяином. Они и перенесут нас через пропасть.

— Вы готовы лететь верхом на табуретке? Вы, почтенный человек, ученый с мировым именем?

— Вряд ли полет на табуретке причинит ущерб моему имени, — отвечал Тьянь-по. — Да и вы, когда вам надоест тут торчать, тоже полетите, как миленький.

Конан, цепляясь за страховочную веревку, которую держали Ченси и Тью, выбрался из пропасти.

— Не похоже, чтобы мост упал сам, — произнес он. — Ему помогли. Раствор, которым были скреплены камни, держит прочно.

— Очень возможно, — сказал Гаспар, ежась на ветру. — Слуга скрыл подлинную надпись, другой — свалил мост, оставив нас в западне... Может, они людоеды? Может, они питаются теми, кого им удастся заманить в этот проклятый замок?

— И каждый раз при этом они ломают мост, — улыбнулся кхитаец. — Думаю, мокнуть здесь дальше бессмысленно.

— Но в замке опасно находиться! — не унимался Гаспар. Похоже было, что у него сейчас начнется истерика.

— Зато там сухо и много вина! — возразил Тью. — Лучше промочить горло, а не одежду!

— Образчик бритунского остроумия, — пробормотал варвар.

У самого входа они услышали звон колокола.

— Ночная стража! — объявил Тянь-по. — Первый вечер прошел.

— Нельзя сказать, чтобы впустую! — хмыкнул Ченси. — По сравнению с нашими предшественниками мы хотя бы не бьемся над разгадкой полной чепухи!

Фаррел встретил их у порога.

— Негодный слуга исчез! — воскликнул он. — Воспользовался суматохой и скрылся.

— Думаете, он покинул замок по воздуху? — осведомился Тянь-по.

— Джокс клянется, что летательный механизм остался только один, и тот неисправен, — отвечал стряпчий. — Положение наше неутешительно.

— Прохвост прячется где-то здесь, — оскалился варвар. — Он сам говорил, что тут полно потайных комнат.

Тью поддержал его:

— Надо все обыскать, найти мерзавца и развязать ему язык!

— В самом деле, — сказал Гаспар. — Должен же кто-то объяснить нам, наконец, что все это значит?

— Лично я никого искать не собираюсь, — произнес Ченси и зевнул. — Ночь. Темно, как у черномазого за шиворотом. Надо дожидаться утра и заодно отдохнуть.

— Это разумно, — кивнул кхитаец. — Давайте разойдемся по спальням. Пусть каждый из нас как следует присмотрит за собой.

— Но ведь мы так и не узнали толком, что случилось! — Гаспар снова заговорил истерическим голосом.

Тянь-по, усмехнувшись тонкими губами, ответил:

— Дорогой мой! У нас будет еще много времени, чтобы разобраться.

И кхитаец легкой походкой удалился по коридору. Гаспар, втянув голову в плечи, устремился следом за ним. Их комнаты располагались рядом.

— Ты идешь? И где этот осел Фаэрти? — спросил Ченси у Тью.

Тот неожиданно взорвался:

— Я не знаю, где Фаэрти! Я не помню, чтобы меня нанимали в няньки человеку, который старше меня! Да, старше, и на целый год! Я спать не собираюсь. И пусть эта кхитайская гусеница мне не указывает!

— Нас с тобой, к несчастью, поселили в одной комнате, — напомнил Ченси. — И если ты среди ночи припрешься и помешаешь мне спать, произойдет нечто ужасное. Имей это в виду и делай,

что хочешь. А вы, господин варвар, передайте вашей приятельнице пожелания доброй ночи. Я хотел бы поутру потолковать с ней по делу.

Ченси отобрал у Тью подсвечник и ушел вверх по лестнице.

— Сильно волноваться не стоит, — мягко произнес Фаррел. — Если через неделю я не объявлюсь при дворе у герцога, меня начнут искать и первым делом направятся сюда. Увидят, что стало с мостом, и приведут все в порядок. Спокойной ночи, господа.

— Ну так что? — Тью с надеждой посмотрел на киммерийца. — Начнем поиски?

— Пожалуй, только позже, — отозвался Конан. — Прежде я должен поговорить с женщиной. Дождись меня в зале, где мы обедали.

— Но ведь ты ненадолго?

— Если у тебя нет терпения, займись чем-нибудь, — отрезал варвар. Уходя, он совсем не подумал, в каком положении оставил своего добровольного помощника. Сам Конан прекрасно видел в темноте и хорошо запоминал расположение комнат и направления коридоров. А Тью остался один в холле без света.

— Где же демонская зала? — бормотал он, шаря в темноте, натыкаясь на стены и бранясь. Отыскав на ощупь перила лестницы, Тью стал подниматься наверх, оступился и расквасил себе нос. Его ругань долго разносилась эхом по пустым переходам. Поднявшись неизвестно на какой этаж, Тью вышел в один из коридоров и побрел наугад. Здесь было светлее, но ненамного.

Свернув наудачу три или четыре раза, Тью понял, что безнадежно заблудился.

* * *

Альвенель, обнаженная, при свете двух свечей сидела перед большим зеркалом и расчесывала свои густые волосы.

— Мог бы и постучаться, — сказала она. — Впрочем, я по звуку шагов догадалась, что это ты.

— Ты удивительно догадлива, — ответил варвар. — И красива. Редкое сочетание.

— Почему даже очень хорошие мужчины так глупо устроены и всегда говорят скучные, пошлые вещи? — искренне удивилась она.

Конан пожал плечами.

— Я и в самом деле признаю, что ты умна, — сказал он миролюбиво. — Сегодня ты произвела на всех впечатление. Только знаешь, мне показалось, что ты сразу отнеслась к рассказу слуги без особого доверия. Тебе известно что-то еще...

— Если ты такой внимательный, признайся, что Грателло не похож на человека, которому можно доверять.

— Это верно. — Киммериец присел на край кровати и стянул с себя через голову тунику и рубаху из грубого полотна. Женщина с удовольствием рассматривала его тело, отраженное зеркалом.

— Я насторожился, — продолжал он, — когда слуга описывал происходящее в зале, после того, как погасли свечи. Может, он видит в темноте?

Тогда у него опасное преимущество перед многими из нас.

— Меня больше занимает другое, — голос Альвенель прозвучал неожиданно зло, — что он делал, когда латник-великан и его слуги угрожали графу? Почему он ничего не предпринял? Из его повествования не следует, что к его горлу был приставлен меч. Ему ничто не угрожало.

— Он попросту трус, — с презрением сказал варвар.

— Если бы он был только трусом... — Женщина отвернулась, и Конан заметил слезы у нее на глазах.

— Брось, — проговорил киммериец. — Тебе ничего не угрожает, я же с тобой. Иди ко мне. Я знаю хороший способ отдохнуть.

Альвенель поднялась со стула, подошла к нему и положила руки на плечи варвара. От запаха ее тела у Конана закружилась голова. Он крепко обнял Альвенель и уже собирался повалить ее на кровать рядом с собой, как она вдруг напряглась, вскрикнула и попыталась вырваться.

— Да что с тобой? — воскликнул Конан, но осекся.

Лицо женщины было искажено брезгливостью и страхом.

— Посмотри, что у тебя за спиной, — сказала она. — Только осторожно.

Оборачиваться варвар не стал — он бросил взгляд на зеркало, в котором отражалась вся кровать целиком.

— Лучше спать с равнодушной женщиной,

чем с таким отродьем, — усмехнулся киммериец. Сзади и левее его, на подушке, покачиваясь на лапах, стоял огромный скорпион, ярко-красный, с черным хвостом.

— Знаешь, откуда эта тварь? — спросил Конан, не двигаясь с места.

Альвенель посмотрела на него расширенными глазами и отрицательно мотнула головой.

— Из Стигии, — сказал он. — Его яд убивает мгновенно. Скорость и быстрота реакции намного больше человеческой. Он опаснее самой опасной змеи. Осторожно вынь из ножен мой меч и протяни его мне рукояткой вперед. Медленно...

Пока Альвенель выполняла приказ, Конан наблюдал за скорпионом в зеркало. Тот заподозрил угрозу, хвост его задрожал, а на загнутом, остром жале показалась капелька яда.

Не вытягивая руки, варвар раскрыл ладонь, и когда рукоять меча оказалась в ней, плавно сжал пальцы.

— У меня есть только жалкая доля мгновения, — сказал он. — До чего приятное ощущение. Только доля мгновения между жизнью и смертью...

Испугавшись еще больше, Альвенель заглянула в его синие глаза — в них проснулось какое-то удивительное веселье, словно не было для этого человека ничего приятнее, чем находиться на краю гибели.

Потом ослепительной молнией сверкнул в воздухе клинок, и целое облако перьев взметнулось кверху.

* * *

Тьянь-по пожелал Гаспару хорошо выспаться и юрко шмыгнул в свою комнату. Гаспар представил с тоской, как будет сейчас ворочаться на холодной кровати и думать над своим печальным положением, и его передернуло. Проклятый кхитаец! У всех узкоглазых, вследствие вырождения их расы, нервы устроены таким образом, что узкоглазые не испытывают никаких волнений. Они слишком примитивны для этого.

Подозрительный и недоверчивый, ученый еще вчера вытребовав у мажордома ключи от своей комнаты. Красть у него было решительно нечего, но осторожность никогда не помешает! К тому же, в дорожной сумке лежит толстый свиток пергамента — черновик трактата о слабоумии среди Зембабвийских негров. А в черновике много помарок и исправлений, а также ошибок, еще не замеченных автором, и потому неисправленных. Если проклятый кхитаец засунет в рукопись свой нос, у него будет возможность посмеяться над Гаспаром, а этого представитель передовой расы никак не может допустить.

Ключ, как это свойственно всем ключам вообще, провалился на самое дно кармана, и ученый извлек его не без труда. Потом выяснилось, что он забыл, как надлежит вставлять его в скважину. Бороздкой влево? Или вправо? Гаспар положился на удачу и прогадал — ключ застрял и теперь не желал вылезать обратно.

Пока ученый боролся с замком, на него нака-

тил страх. С ним такое бывало в детстве в похожей ситуации. Ему казалось, что за ним гонится людоед, он приближается, он все ближе и ближе, а дверь все не открывается, и счет уже ведется даже не на мгновения, а еще меньше... Гаспар застонал от ужаса и весь вспотел.

— Как глупо, — сказал он себе. — Надо взять себя в руки.

Он отпустил ключ, торчащий из скважины, прижался спиной к стене, глубоко вздохнул и сосчитал до двадцати пяти. Стало полегче. Тогда он снова повернулся и едва не потерял сознание, даже не успев испугаться. Его напряженные нервы сократились сами по себе, и солидный ученый подпрыгнул от неожиданности, увидев перед собой бледное, перекошенное лицо.

— Господин ученый? — произнес шут (а это был он). — Вам до сих пор не спится?

— Ты чуть не убил меня, — шепотом сказала Гаспар. — Бродишь тут, точно привидение...

— Забавно, правда? — спросил Баркатрас. — Но ваша ученость так говорит, потому что никогда не видел настоящего привидения. Так вот, я на него совершенно не похож.

— А почему твои колокольчики не звенели?

— Потому что я не прокаженный и не обязан предупреждать о своем появлении, — парировал шут. — Я залепил их язычки воском. У меня дело лично к вам, и мне не хотелось, чтобы о нем знали посторонние.

— Какое еще дело? — грубо осведомился успокоившийся Гаспар.

— Я подумал, что если мы с вами разыграем вашего ученого коллегу, вам будет приятно.

— Глупости! — Гаспар начинал закипать. — Что значит — разыграть?

— Выставить дураком.

— До того ли мне, шут! — в сердцах сказал ученый. — Оставь меня в покое. Тут и без тебя хватает чепухи!

— Как скажете. — Баркатрас поклонился и исчез в темноте.

— Это неслыханно! — пробормотал Гаспар и снова взялся за ключ. На сей раз он поддался. Ученый перевернул его и снова вложил в скважину. Замок со скрипом открылся. Гаспар толкнул дверь и вошел.

В его руке горела всего одна свеча, но на прикроватном столике, в золоченом подсвечнике, их было целых три. Он торопливо зажег их все, одну за другой, а ту, что принес с собой, прилепил прямо к полированной столешнице. Бороться за наследство он не будет, значит, мебель перейдет к другому, стало быть, нечего ее жалеть.

Зола в камине еле теплилась, но ученый все равно развесил перед ним свой сырой плащ и стал спимать мантию. Он запутался головой в ее широких складках, а когда наконец освободился, взгляд его упал на подоконник. И Гаспар закричал во все горло.

На подоконнике лежала голова Тянь-по, отделенная от тела, со всклокоченными волосами и вздыбленной бородок. Раскосые глаза блестели, как кусочки мозаичного стекла.

Не помня себя, Гаспар вылетел в коридор. Он продолжал кричать. Дверь за ним захлопнулась сама по себе, и ученый оказался в полной темноте. Послышался какой-то шум и, как показалось Гаспару, прямо из стены возник кхитаец со свечой в руке, живой и здоровый. Голова его была на месте!

— Это вы? — спросил он. — Что случилось, уважаемый?

— Там, там! — орал Гаспар. — У меня на окне... Ваша голова!

— Моя голова? — переспросил Тянь-по спокойно. — Но это абсурд. Одно и то же тело или же часть его не может пребывать в двух местах одновременно. Если моя голова со мной, а я надеюсь, что это так...

— Пойдемте, посмотрим, — перебил его Гаспар. — Вы как жрец науки должны будете поверить своим глазам! Она там, говорю я.

— Может быть, вы ошиблись?

— Совершенно исключено.

— Может, это чья-то другая голова? — настаивал Тянь-по.

— Это голова ваша, уверяю вас! — восклицал Гаспар. — Те же надбровные дуги, тот же наклон лба... и борода!

Тянь-по пощупал свою бороду, пожал плечами и сказал:

— Ну, хорошо. Давайте взглянем.

Гаспар открыл свою дверь и пропустил кхитайца вперед. Сам он заходить не спешил.

— Ну как, убедились? — крикнул он.

— Друг мой, здесь нет никакой головы, — отвечал Тянь-по. — Попросту вы переутомились и съели за обедом много тяжелой пищи.

Гаспар робко вошел в комнату.

Действительно, головы не было. На том месте, где она находилась, стоял кувшин для умывания, синий, с отбитой ручкой.

* * *

В полной тишине, при погашенных свечах, Ченси лежал на кровати и размышлял: сделаться ли ему негодяем, или продолжить игру честного человека. В создавшихся условиях можно было рискнуть — вернуться к предложению Фаэрти, а убийства свалить на Грателло, тем более, что последний оказался и в самом деле нечист на руку. Для человека, который с пятнадцати до двадцати пяти лет почти ежедневно слышал в свой адрес обвинения в беспутстве, никчемности, для которого каждая подачка от богатых родственников сопровождалась унижительными сценами, это было соблазнительно. Но... Во-первых, для такого дела нужно найти хорошего союзника. Положиться на маменькиных сынков, Фаэрти и Тью, значит изгадить все дело. А где его найти, хорошего союзника? Альвенель умнее других, но уж очень бойка. Только на правах любовника с ней можно сосуществовать, а при сообразительной леди уже находится в этом качестве мрачный длинноволосый громила... Кхитаец не годится — его, похоже, не деньги интересуют, а сама загадка

как таковая. Второй ученый — трус. Предаст при любой возможности.

А во-вторых — как-то это непривычно и... скверно. Одно дело — проломить кому-нибудь голову табуреткой в кабаке или проткнуть мечом на перекрестке из-за глупой, вздорной куртизанки, а другое, совсем другое — вот так, расчетливо, одного за другим извести несколько человек из-за титула и замка, который все равно скоро будет проигран в кости.

— Проклятая слабость! — выругался Ченси.

Те, кто думают, что заниматься подобными размышлениями легче, чем действовать, — глупцы. Мысли, изнуряющие, будоражащие, выматывают не хуже каторжных работ.

Когда стена, обтянутая гобеленом, над самой кроватью Ченси внезапно вздулась пузырем и в темноте, к которой успели привыкнуть глаза, промелькнуло что-то живое, подвижное и бесшумное, молодой человек решил, что это его собственные черные мысли неожиданно облеклись плотью. Через миг Ченси ощутил на себе посторонний взгляд. Два огромных круглых глаза, оранжевых, с черными вертикальными зрачками, следили за ним из темноты.

— Кто ты? — спросил Ченси. — Демон, пришедший за моей душой? Тварь из сопредельного мира? Впрочем, все равно. Проваливай.

Ворчание, похожее на дробный рокот маленького барабана, послышалось в ответ. Глаза вдруг сделались больше. Они все росли и росли, пока Ченси не понял, что они приближаются. На са-

мом деле все произошло в одно мгновение, но для Ченси мгновение это растянулось почти до бесконечности.

Уже ощущая дыхание незваного гостя, пахнувшее загуствовавшей кровью, Ченси перекатился к краю кровати и упал на пол. На кровать сразу опустилось что-то грузное и коротко взрыкнуло. Ченси не стал терять времени — вскочил, выхватил из ножен свой меч, лежавший на сундуке, и принял оборонительную позу. Он был в одной рубашке, трутница осталась в кармане куртки — зажечь свечу было нечем, да и вряд ли обладатель страшных глаз позволил бы ему возиться с огнем. Ченси видел его плавный силуэт, почти неотделимый от темноты.

— Откуда же ты взялся? — спросил Ченси. — Прятался в комнате? Сидел под кроватью?

Визитер снова отреагировал на звук человеческого голоса — заворчал, как и в первый раз, очевидно, сгруппировался и опять прыгнул. Ченси рубанул его в воздухе и попал, но его самого хлестнуло чем-то горячим по плечу и щеке и толкнуло так сильно, что он потерял равновесие. Черное тело каталось, извивалось по полу. Ворчание сменилось рыком, в котором слышались ярость и боль.

Ченси вскочил, примерился и ударил, целясь между горящих глаз. Что-то опять толкнуло его, и горячее потекло по бедру. Но рык превратился в визг, и скоро все стихло.

Ченси бросил меч, полез в карман за трутницей — руки у него тряслись, а правая к тому же

сделалась тяжелой и плохо слушалась. Но свечу ему удалось зажечь.

— О боги! — прошептал он, оглядев комнату. Все, что возможно, было забрызгано кровью. Зверь, похожий на очень большую кошку, лежал на полу — его бока еще поднимались и опадали, а передние лапы скребли половицы когтями. Он был густо-черного цвета, красивая шерсть его лоснилась и переливалась даже в скудном освещении.

Глянув на себя, Ченси сразу почувствовал слабость — он истекал кровью. Всклипнув от накатившей дурноты, молодой человек отворил дверь и, пошатываясь, вышел в коридор.

Прямо перед его дверью стоял шут Баркатрас. — Меня нужно перевязать, иначе я сохну, как поросенок на бойне, — сказал Ченси и рухнул. Шут еле успел его подхватить.

* * *

Тью заметил свет, горевший где-то бесконечно далеко в темном коридоре.

— Уже кое-что, — сказал он себе и бросился туда. Темноты он не боялся, но ему непременно хотелось найти что-нибудь такое, что прояснило бы ситуацию. Или наткнуться на Грателло и схватить его. Тью хорошо понимал, что додуматься до разгадки ему не хватит мозгов, зато у него было много энергии и рвения. Эти ценные качества не раз выручали Тью в разных щекотливых ситуациях.

Источником света оказалась масляная лампа, висевшая на крюке, вбитом в стену. Не раздумывая, Тью снял ее и зашипел: медная дужка, служившая ручкой, раскалилась, резервуар — тоже. Нести лампу в руках было невыносимо. Поставив ее на пол, Тью поплевал на обожженные пальцы, потом снял с пояса кинжал в ножнах, поддел дужку его перекрестьем и довольно засмеялся.

— Вот что значит очень захотеть! — сказал он. — Пора пролить свет на это темное дело!

И он пошел дальше. Теперь выражение «куда глаза глядят» к нему подходило — глазам было куда глядеть. По левую руку в коридор выходило видимо-невидимо дверей, и каждая была заперта. Вероломный слуга мог хорониться за любой из них.

— Значит, будем ломать, — решил Тью и приступил к делу не откладывая. У первой двери замок оказался хлипким — он вылетел после первого же толчка. За дверью обнаружилась скучная комната без окон, в которой лежали горой поломанные стулья и старые, облезлые метлы. Со второй дверью пришлось повозиться дольше, но и она не выстояла. В этой комнате, на сей раз — большой и нарядно убранной, — стояли два окovaných сундука, совершенно не нужные здесь. Они были не заперты. В каждом лежала гора истлевшего, заплесневелого тряпья. Следующие две двери были прочными, высадить их не удалось, хоть Тью и отбил себе плечо.

— Обидно, — проговорил он. — Но дверей еще полно.

Потом нашелся склад негодного оружия и заржавленных, худых кирас и шишаков. Поразмыслив, Тью перевесил лампу на острое навершие алебарды с шерботой рубящей плоскостью, а кинжал вернул на пояс. Так было удобнее идти, правда, лампа все время раскачивалась. Алебарда пригодилась при взломе очередной комнаты — в ней было полно странной посуды из зеленоватого стекла, покрытой пылью и мышиным пометом.

Таким образом Тью прошел почти весь коридор, пока сильнейший запах тления не остановил его перед последней дверью.

— Похоже, тут фамильный склеп, — предположил Тью. — Вряд ли это правильно — держать мертвецов под крышей. Отвратительный запах.

Проникать в эту комнату он не собирался и уже было двинулся дальше, как ему послышался внятный шорох, который донесся из-за двери.

— Пожалуй, посмотреть все-таки стоит, — решил Тью. — Возможно, этот проныра специально выбрал себе укрытие, куда ни один нормальный человек не сунется добровольно!

Зажав нос свободной рукой, Тью толкнул дверь плечом — она неожиданно легко распахнулась, ибо была не заперта.

— Разрази меня гром! — вскричал он, рассмотрев то, что эта дверь скрывала.

В комнате действительно было двое мертвецов. Один совсем свежий, с разодранным животом, лежал вытянувшись на столе. В его внутренностях копался другой мертвец, сгнивший почти

до костей, однако не утративший способности двигаться. Жирные белые черви сыпались с него дождем.

Услышав восклицание Тью, он поднял безжизненное лицо, обезображенное разложением. Мертвец на столе был никто иной, как Фаэрти. Это открытие заставило Тью растеряться. Совсем еще недавно молодой и сильный, кузен Фаэрти лежал, словно какой-нибудь неодушевленный предмет. В представлении Тью смерть была уделом старых и слабых.

— Вот так штука! — только и смог сказать Тью.

Тем временем живой мертвец, все с тем же бессмысленным выражением лица, широко растопырив руки, обошел стол и двинулся на Тью. Ноги у него не сгибались, и он переставлял их, словно циркуль землемера. Тью неожиданно ясно осознал, что сейчас его — тоже молодого и сильного — постигнет печальная участь кузена. Это показалось ему дикой нелепостью, жестокой и несправедливой. И Тью решил сражаться. С воинственным криком он взмахнул алебардой, которая погрузилась в череп мертвого противника с чавканьем, будто в гнилую тыкву. При этом лампа перевернулась, ее содержимое вылилось на упыря и воспламенилось.

Выпустив алебарду, Тью побежал по коридору. Живой труп шел за ним тяжелыми, неловкими шагами и освещал коридор, подобно живому факелу. Вонь стояла чудовищная. Пройдя шагов двадцать, мертвец рухнул лицом вперед и зачадил. Тью остановился. Его вывернуло.

— Кого это вы спалили? — раздался голос у него за спиной, и Тью, словно ужаленный, подскочил на месте.

— Это ты, дурак! — сказал он, успокоившись. Перед ним стоял шут и разглядывал его бесперомно и насмешливо.

— Станный способ развлекаться, — заметил Баркатрас. — Я бы не додумался.

— Там, в комнате, лежит мой кузен Фаэрти, — сообщил Тью. — Он умер. Его убили.

— Должен сказать, что с другим вашим родственником тоже случилась беда, — проговорил шут. — Его сильно ранила пума. К счастью, он остался жив.

— Откуда Ченси взял пуму? — удивился Тью, на что Баркатрас только развел руками.

* * *

— Решительно отказываюсь спать на этой постели, — произнесла Альвенель. Перья все еще плавали в воздухе. Разрубленный вместе с подушкой скорпион залил простыню и покрывало черной липкой кровью. Конан завернул убитую тварь в испачканное белье и выбросил сверток за дверь.

— Давай-ка обшарим всю комнату, — предложил он. — Вдруг здесь есть еще что-нибудь в том же роде.

Однако тщательный и дотошный обыск ничего не дал.

— Любопытно, кто из моих конкурентов под-

бросил мне этот сюрприз? — гадала Альвенель вслух.

— Возможно, они тут и не при чем, — молвил киммериец.

Женщина, не скрывая удивления, посмотрела на него.

— Вспомни герпедонта в горах, — продолжал варвар. — Стигийский скорпион — тоже диковина в этих местах. Ему нужно жаркое солнце и растрескавшаяся, сухая земля. Тут, по-моему, не обошлось без колдовства!

— А если кто-нибудь из претендентов — тайный колдун? — предположила Альвенель, но Конан с сомнением покачал головой.

— Скрыть принадлежность к проклятому колдовскому племени очень трудно, — сказал он. — Колдун — это не только магия, это способ жить. Колдуны по-другому говорят, по-другому держат себя, смотрят на все с прищуром, везде ищут символы и кичатся своим знанием. Из-за этого они еще более отвратны!

— Но ведь маг может притвориться обычным человеком, — настаивала Альвенель. — И втайне посмеиваться над окружающими.

— На кого ты думаешь?

— На кхитайца!

— Нет, — возразил варвар. — Кхитаец — по-настоящему мудрый человек. Такой не будет возиться с колдовством.

— А как ты отличаешь мудрого от не-мудрого? — спросила женщина.

Киммериец нахмурился.

— Не знаю, — наконец признался он. — Отличаю и все.

— Хорошо, — сказала Альвенель. — А как по-твоему, я мудра или нет?

— Нет, — ответил Конан категорически. — Ты умна, но не мудра.

— Почему? Я ценю твою откровенность, но объясни, почему ты так думаешь?

Варвар увидел, что она задета.

— Если бы ты была мудра, — сказал он, как мог, мягко, — то давно вышла бы замуж и родила бы своему мужчине кучу красивых, здоровых детей. Не обижайся — я тоже не мудрец.

— Хватит об этом, — холодно произнесла Альвенель. — Я хочу спать.

Киммерицу вдруг показалось, что у этой красивой, обнаженной женщины, для которой нагота — самые крепкие латы — что-то сломано внутри. Киммериец слабо разбирался в душевных страданиях, но знал, что они бывают иногда сильнее телесных.

Женщина легла на голый тюфяк и закрыла свое лицо волосами. Варвар закутал ее высохшим плащом, задул свечи и тихо вышел из комнаты.

В зале графской короны шут Баркатрас пил вино.

— Где крикливый молокосос? — осведомился у него Конан.

Шут покачнулся на стуле, вскинув ноги на стол, и заговорил:

— При покойном графе в замке выдавались веселые ночки, но такой я не упомяну!

После чего он рассказал про пуму, убитого Фаэрти и ожившего мертвеца, сожженного в коридоре.

— А у нас в спальне был скорпион, — кивнул Конан. — И сбежавший лакей до сих пор не объявился... Кстати, где ты сам был в тот момент, когда обрушился мост?

— Я? — переспросил Баркатрас. — Ах, да! Выходил за надобностью. Все дело в белом вине. От него пучит живот. Тебе нужны доказательства?

* * *

— Что-то я не вижу в вас вчерашнего пыла! — проворчал стряпчий, усаживаясь за стол.

Завтрак и без этого замечания проходил в атмосфере невеселой. Тю покосился на Фарреля сердито, но промолчал.

Ченси взял бокал левой рукой — правая находилась на перевязи — и произнес:

— Давайте выпьем за то, чтобы не все погибли в этом распроклятом замке!

— Я бы воздержался на вашем месте от всяких тостов, — сухо хмыкнул судейский. — Наша общая задача состоит в том, чтобы выжить. Скорее всего, это будет непросто.

— Вы очень крепко держите себя в руках, — не выдержал Тю. — С чего бы это? Почему вы так спокойны? Вы — единственный, с кем ночью ничего не случилось! Это подозрительно.

— Не единственный, — молвил Тянь-по, входя в залу и церемонно кланяясь. — С бедным

кхитайским каллиграфом тоже ничего не случилось. Он спал, как младенец.

— Младенцы спят крайне беспокойно и все время кричат, — язвительно заметил Фаррел. — Вы уж поверьте. У меня трое детей и восемь внуков. А ваш многоученный сосед — с ним все в порядке?

— Ночью ему привиделось, будто бы моя голова, отделенная от тела, находилась у него на окне, — поведал Тянь-по, устраиваясь на стуле. — А потом он заснул. Во всяком случае, затих. Наверное, проваливается в постели до вечера. Он очень впечатлителен, в этом виновата его комплекция.

Варвар завтракал без аппетита, что бывало с ним нечасто. Он то и дело смотрел на надписи — на фальшивую, нанесенную поверх шлифованного камня кладки, и на подлинную, словно выжженную в толстой дубовой панели. Альвенель, в глубокой задумчивости, стояла у окна и высматривала в сером ненастном небе что-то, заметное ей одной.

— Джокс! — обратился стряпчий к мажордому, прислуживающему за столом. — Ты знал Грателло много лет. Объясни, как он мог выкинуть с нами такую шутку?

— Не могу знать, — медленным, скрипучим голосом отвечал Джокс.

— В нем не было никаких странностей?

— Странностей? — Мажордом лишь взглянул с недоумением и оставил вопрос стряпчего без ответа.

— До сих пор непонятно, как он сломал мост, — заметил Ченси.

— Ну, это просто, — ответил ему кхитаец. — Он сам рассказал нам, что у графа хранились запасы порошка для праздничных огней. Достаточно было мешка весом в пять лян и длинного фитиля, который тлел бы долгое время. А потом — бум! И моста нет.

— Действительно, просто! — рассмеялся Ченси. — Неужели глупый лакей мог додуматься до такого? А вот вы, который много знает о свойствах этого порошка...

— Понимаю, куда вы клоните, — улыбнулся Тянь-по. — Но я-то здесь, среди вас. А лакей исчез. Почему?

— Простите, госпожа, — Ченси повернулся к Альвенель. — Вы, бесспорно, самая светлая голова в этом замке. Что вы думаете по этому поводу?

— Ничего, — ответила она. — Я разгадала надпись и сегодня, в указанное время, оглашу результат.

— Много вам будет толку с этого! — фыркнул Тью. — Неужели вы не понимаете, что нас всех убьют, по одному. И вас тоже, если, конечно, не вы организовали все это.

— Мы занимаемся ерундой. — Кхитаец тактично сказал «мы» вместо «вы», и это все заметили. — Прошедшей ночью случились вещи, не объяснимые порядком вещей нашего мира. Значит, нужно понять логику мира сопредельного. Это гораздо интереснее, чем слоняться по замку в поисках коварного Грателло. Лично я устроюсь

в графской библиотеке, потребую его личные записи и тщательно изучу.

— В одиночестве? — спросил стряпчий, устремив на Тянь-по пронизательный взгляд.

— Если многоученный Гаспар не составит мне компании, то в одиночестве.

Сказав так, кхитаец доел тушеную морковь, выпил стакан воды и, торжественно поклонившись, вышел. Однако скоро он вернулся. Веселая легкая улыбка исчезла с его лица, теперь оно выражало тревогу и озабоченность.

— Я никак не могу его разбудить, — сказал он. — Господин Гаспар не подает признаков жизни.

* * *

В постели, пропитавшейся кровью, лежало обезглавленное тело Гаспара. А голова вытаращенными глазами смотрела с подоконника, одним глазом на вошедших, другим — в стену.

— Получается, что вы последний, кто видел его живым, — сказал стряпчий, адресуясь к Тянь-по.

— Последним его видел убийца, — бесстрастно ответил кхитаец.

Ченси расхохотался. Фаррел взглянул на него сурово.

— То есть, вы его не убивали?

— Дверь была заперта изнутри, — молвил Тянь-по.

— Значит, убийца, кем бы он ни был, вылез через окно, — уверенно произнес судейский.

Кхитаец покачал головой.

— Жизненно важная часть моего бедного друга стоит на подоконнике, — заметил он. — Если бы окно открывали, она бы упала на пол.

Ченси обошел тесную комнату и оскалился.

— Значит, здесь есть потайная дверь! — сказал он и принялся стучать по стенам, сначала кулаком, а потом тяжелым подсвечником, который оставлял в побелке глубокие вмятины.

Стряпчий внимательно осмотрел мертвое тело. Правая рука покойного, сжатая в кулак, сильно заинтересовала его. С усилием судейский чиновник разогнул окоченевшие пальцы.

— Ого! — сказал он. — Кажется, несчастный помог нам изобличить убийцу.

Фаррел подошел ближе к окну, чтобы лучше разглядеть неожиданную находку. На его ладони блестела золотая брошь с небольшим красивым опалом.

— Я видел похожую на вашем вчерашнем камзоле, — произнес он, глядя на Ченси.

— Да, — отвечал тот с вызовом. — А еще такая же есть у Тью и у Фазрти, убитого этой ночью. Если вы думаете, что это моя, то мне остается пойти в свою комнату и принести вам опровержение.

— Поспешите, — посоветовал Фаррел.

Скоро Ченси стоял на пороге и демонстрировал свою брошь, которая не покидала камзола. Так же поступил и взволнованный Тью.

— Странная получается картина, — проговорил кхитаец. — Ваш родственник убил Гаспара,

потеряв при этом украшение, после чего перенесся неизвестным образом на четвертый этаж, где был, в свою очередь, убит ожившим мертвецом двухмесячной свежести...

— Вы, кажется, хотели уединиться в библиотеке? — напомнил ему стряпчий. — Теперь вас никто не держит. Постарайтесь найти ответ в научных опытах графа. Но это не означает, что вы свободны от подозрений.

— Здесь никто не свободен от подозрений. — Тянь-по поклонился и ушел.

* * *

— Зачем ты объявила о том, что смогла прочесть надпись? — спросил варвар у Альвенель. — Теперь твоя жизнь в еще большей опасности. Злоумышленник попытается добраться до тебя.

— На это я и рассчитываю, — улыбнулась женщина. — Мы будем начеку. Я знаю, что это не просто, но уж точно — не скучно.

Они стояли на галерее и смотрели вниз. Тучи застилали небо, тучи клубились у подножия замка и тяжелыми, лохматыми тушами опускались в ущелье. Совершенно непонятно было, как солнечный свет проникает сюда сквозь эту пелену. Буря миновала, но шквальный ветер не утихал — он приносил откуда-то издалика маленькие ледяные крупинки.

— Должно быть, ты думаешь — зачем человек забирается в такое страшное место, строит в нем жилье, оседает на всю жизнь, когда есть зеленые

равнины, леса, морские побережья? — поинтересовалась Альявенель.

— Вовсе нет, — возразил Конан. — Мне здесь нравится. Я тут как дома. Это настоящая красота, которая может существовать сама по себе. К тому же злой ветер не собьет меня с ног, острые камни не отведает моей плоти — я сильнее. Чувствовать это очень приятно.

— Мне кажется, граф Амрок тоже так думал. Иначе он не поселился бы здесь, — произнесла она задумчиво.

— А как думаешь ты? Если у тебя получится задуманное, ты станешь хозяйкой всего этого. Тебе будет здесь хорошо? — спросил киммериец.

— Не уверена, — отвечала она. — Но замок Амрок для меня — очередная точка на линии пути. Я обязана ее пройти. Чего здесь удивительного? Разве ты, варвар, живешь иначе?

— Я просто живу, — был его ответ.

Последующее время до ужина он не отходил от нее ни на шаг. Каждый выступ скалы, каждый темный участок коридора мог таить опасность. Конан не очень-то верил в злой умысел какого-то конкретного человека. Он хорошо знал, что зло может существовать и само по себе. Часто оно селится в душе какого-нибудь слабого существа и управляет им, но бывает, что и само, во плоти, появляется в свете, в облике демона, кровожадного чудовища или стихии.

Фаррел тем временем развел кипучую деятельность. Перво-наперво он, при помощи Джокса и конюха, перенес в холл убитую пуму, дохло-

го скорпиона и полуобугленный, чудовищно пахнувший труп неизвестного. Предосторожности ради труп разрубили на несколько частей. Если однажды он ожил, чтобы совершить убийство, может, ожить и во второй раз. Каждый из уже неодушевленных предметов стряпчий снабдил акkuratным ярлыком с пометкой.

— Это на случай, если нас всех поубивают, и следствию понадобятся улики, — объяснил он.

— Вы так спокойно говорите об этом! — скрипнул губы Ченси.

— Что делать, я занимаю должность уже много лет, — молвил Фаррел. — И кому, как не мне, знать, что жертвой убийцы может стать любой. Даже судейский чиновник.

Тьянь-по ненадолго появился из библиотеки.

— В этом трактате, — сообщил он, показывая внушительный свиток, — содержится описание научного способа оживления мертвецов. Большинство людей считают, что оживление достигается только при помощи некромантии. Но оказывается, существуют особые препараты, позволяющие проделать эту штуку. Двести лет назад были открыты мельчайшие живые организмы, незаметные глазу. Они живут колониями, захватывая мертвое тело, и заставляют его передвигаться и совершать простые действия. Разума в них нет, один только инстинкт. Встречая живое существо, они при помощи своего носителя убивают его и заселяют труп. Так сказать, высаживают десант.

— О боги! — воскликнул Тью. — Это значит,

что бедняга Фаэрти скоро тоже начнет двигаться и душить всех подряд!

— Придется выкинуть его в ущелье или сжечь, — обронил Ченси.

— Как ты можешь так говорить! Он же был твоим другом, собутыльником, родственником, в конце концов! — изумился Тью, на что Ченси хмыкнул и ответил:

— Ты так переживаешь, словно бы я предложить бросить в пропасть живого Фаэрти. Но мертвому Фаэрти это все равно, как было бы все равно и мне.

— Есть какой-нибудь способ приостановить заражение? — спросил стряпчий.

— Для того чтобы мертвец сделался послушным орудием, маленьким существам нужно много времени. Их должно образоваться в достаточном количестве, а размножаются они весьма забавным образом...

— Ну и что же?

— Холод заставляет их спать, — проговорил Тянь-по, огорченный тем, что его прервали.

— Господин Фаррел, — подал голос Джокс, — в подвале замка есть ледник, в котором хранятся припасы. Мы могли бы положить усопшего господина Фаррела в пустую бочку и оставить там. Он чудесно сохранится.

— Хорошая мысль, — одобрил стряпчий. — Туда же можно спрятать и тело Гаспара. Вы найдете две пустые бочки, Джокс?

— О, у нас в хозяйстве много пустых бочек, — отвечал мажордом с достоинством.

Ченси рассмеялся так, что у него открылась рана, и ему стало дурно.

Тью вызвался проконтролировать перенос тел в подвал. Особой нужды в этом не было, но молодого человека глодала любознательность. К тому же он почему-то был уверен, что преступный лакей спрятался в подвале. Эта мысль крепко застряла у него в голове. Довольно часто убежденность в чем-либо захватывала Тью, и спустя время он сам уже не мог понять, на чем эта убежденность основывалась. Но привычки рассуждать у него не было. Вооружившись до зубов, он спустился в подвал следом за носилками, на которых покоилось тело его кузена.

Из ледника веяло стужей. дверь, обитая железными полосами, вся была покрыта инеем, мягким, как плесень. Ледник не запирался на замок — только на массивный засов. Тью отметил, что засов опущен. Потом он подумал, что вряд ли кто-либо смог долго прятаться в таком холодном помещении, и побрел по подвалу, между штабелей пустых ящиков, поломанных бочек и всякого другого хлама.

Однажды Тью довелось прятаться на чердаке постоянного двора от докучных и агрессивных кредиторов. Ему удалось переправить на чердак два бурдюка с вином, четыре окорока, шесть колбас и два огромных караваев хлеба. Он забаррикадировался так, что рассерженный лавочник, которому Тью был должен шесть серебряных монет, изорвал на себе чулки, ободрал щеку о доску с гвоздем и вынужден был отступить. Три дня

провел Тью на чердаке. Большую часть этого времени он проспал, а все остальное время пил, ел и создавал вокруг себя некоторое подобие уюта, необходимое всякому человеку.

Теперь он искал следы этого подобия здесь, в подвале, среди гниющей рухляди. Свеча в его руке чуть подрагивала, и горячий воск обжигал пальцы, капая из переполненной плошки подсвечника. Внезапно Тью вскрикнул от радости — он обнаружил огороженное ящиками пространство, ни дать ни взять — маленькую комнатку. В центре ее, накрытый старой салфеткой, бочонок играл роль круглого стола, на котором в гнущей медной миске лежало крупное яблоко, надкушенное с одного бока. Продолговатый ящик изображал скамью, а в углу лежал тяжелый и сырой тюфяк.

Тью взял в руку яблоко, подбросил его на ладони и с неожиданной злостью швырнул в темноту. Яблоко лежало тут совсем недолго, в противном случае до него добрались бы крысы, которые во множестве шныряли по подвалу. Проклятье! Подлый убийца был настороже и успел скрыться, уйти прямо из-под носа! А может, его предупредили? Джокс не вызывает большого доверия. Слишком уж рьяно он корчит из себя образцового мажордома... Он в сговоре с Грателло!

— Молодой господин! Подойдите пожалуйста сюда! — послышался голос Джокса.

Тью, стараясь ничем не выдать охватившего его подозрения, напустил на себя безразличный вид и вышел из укромного убежища.

Бочка с кузеном Фазрти, уже закрытая, стояла у входа в ледник. Рядом топтался конюх. Его туповатое, недоумевающее лицо в свете масляного фонаря выглядело зловеще. Джокс, с неподвижной, как у статуи, вежливой улыбкой стоял на вытяжку.

— Не угодно ли молодому господину посмотреть на то, что мы нашли в кладовой? — спросил он и вытянул руку в приглашающем жесте.

«Ага! — подумал Тью. — Я найду внутрь, и ты закроешь дверь, поймаешь меня, как в крысоловку. Ну уж дудки!»

Однако тут же ему сделалось стыдно при мысли, что мажордом поймет его испуг. Нужно было выкручиваться.

— Мне надоело держать это! — с напускным раздражением он сунул свечу конюху. — А ты посвети мне. Что вы там откопали?

— Грателло, молодой господин, — отвечал Джокс и слегка наклонил голову.

— Что ты болтаешь? — изумился Тью. — А ну, вперед!

Грателло точно был там. Он висел на железном крюке между говяжьими тушами, такой же холодный и твердый, как они. В голове его торчал мясницкий секач.

* * *

— Мы не продвинулись вперед ни на пядь! — сказал Фаррел. — Напротив, дело только запутывается.

— Он так злится, потому что кто-то покусил-ся на его полномочия, — заметил Баркатрас. — Обычно запутыванием дел всегда занимаются су-дейские.

Они снова, как вчера, сидели за обеденным столом, правда, теперь в другом порядке. Почет-ное место занимал стряпчий, Тью демонстратив-но уселся спиной к фальшивой надписи, слева от Альвенель находился Конан, а справа — Ченси. Тянь-по и шут расположились друг против дру-га. Кхитаец с улыбкой наблюдал, как Баркатрас вылепляет из хлебного мякиша разнообразных чудовищ, а потом сражается с ними при помощи вилки и ножа.

— Может, это и неважно, — произнес Чен-си, — но все-таки любопытно: кем был оживший мертвец и как он оказался в замке?

Джокс, стоявший у двери, выразительно каш-лянул.

— Пусть господа простят меня, но сдается мне, что это никто иной, как господин Шарлез, путешественник. Несколько месяцев назад он на-просился в замок с целью, как он уверял, осмо-треть его и зарисовать настенные барельефы в центральной башне. Я впустил его, и с тех пор от него не было никаких известий. Он исчез. Но мне показалось, что господин Шарлез просто покинул замок, никого не беспокоя. Теперь, кажется, его судьба прояснилась. Он из любопытства пробрал-ся в лабораторию его милости и, должно быть, нечаянно заразился маленькими существами, о которых говорил господин Тянь-по.

— Поучительно, — вставил шут. — Я бы посы-пал этими тварями всех любителей шататься и глазе-ть на чужие замки!

— Удалось ли вам, господин ученый, постичь тайны сопредельного мира? — с некоторой на-смешкой осведомился Фаррел у Тянь-по.

Кхитаец прищурил свои и без того узкие глаза и произнес:

— За такой короткий срок вряд ли можно что-нибудь постичь. Но кое-что я узнал.

— Что именно? — спросил стряпчий, впиваясь взором в лицо ученого.

— Например, вот такую вещь. Для человека, умеющего попадать в сопредельный мир, в на-шем мире не существует замков, стен, крепост-ных рвов и оград. Перепрыгивая из одного про-странства в другое, такой человек может обойти любое препятствие. В свете этого, заявление гос-пожи Альвенель о том, что она якобы разгадала тайну надписи, приобретает невыгодный для нее характер...

— Ах ты ведьма! — вскочил Тью. — Это ты убила Фаэрти и всех остальных тоже! Хватайте ее, пока она не просочилась сквозь стену!

Он замахал руками и подался через стол, что-бы схватить Альвенель за плечо. Конан перехва-тил его руку и слегка сдвинул, отчего юноша вскрикнул и сразу обмяк.

— К порядку! — рявкнул стряпчий. — Почему в обществе благородных людей я должен напоми-нать о приличиях? Если женщина — подозревае-мая, она не перестает быть женщиной!

— Благодарю вас, — спокойно улыбнулась Альвенель.

— Но она — убийца! — прошипел Тью, потирая кисть правой руки.

— И что с того? — Фаррел надулся и заговорил торжественно: — Даже если и так, что с того? Хвала богам, мы в Бритунии, в стране, где даже на мучительную казнь женщину ведут с уважением и вежливостью.

— Об этом говорить еще рано, — напомнил Конан.

Ченси взял со стола бокал, пригубил вина, немного поморщился и произнес:

— Кому-то выгодно сеять среди нас подозрительность и страх. Возможно даже, что сейчас он сидит за этим столом и насмехается над нами. Проклятье! Ему удалась его шутка. Он не дурак, и я первый признаю это. Но убийца совершил одну ошибку, и мне удалось разглядеть его промах. Дело в том, что... — Ченси внезапно закашлялся, расплескав вино на одежду. Он кашлял все сильнее и сильнее, его глаза выкатились из орбит и остекленели. Приподнявшись, Ченси судорожно мотнул головой и вдруг упал. Мертвый.

— Ничего нельзя сделать, — грустно произнес кхитаец, попытавшись нащупать у него пульс. — Это яд. Очень сильный.

— Как ты это объяснишь, Джокс? — строго спросил Фаррел.

Мажордом посмотрел на него оторопело.

— Я здесь ни при чем, господин Фаррел, — сказал он. — Это вино я взял из погреба...

— Я ни слова не сказал о вине, Джокс! Ты сам выдал себя! Интересно, почему ты решил, что яд был в вине?

— Но это же очевидно! — Голос Джокса зазвучал уверенно и твердо. — Несчастный молодой господин выпил вино и умер. Я сам видел, как он его пил...

— Яда в вине нет, — изрек варвар. — Иначе и мне бы не поздоровилось. Я пил из того же кувшина.

— Отравленным был сам бокал, — сказал Тьянь-по. — Посмотрите...

Он осторожно взял бокал и приблизил его к свету.

— У него острые, будто заточенные края. Ченси оцарапал губу, когда пил, и яд попал в кровь.

— Но как убийца узнал, что Ченси хочет его разоблачить? — спросил стряпчий.

На этот вопрос ответила Альвенель.

— Убийца об этом даже не догадывался. Отравка предназначалась мне. Бедный Ченси схватил по ошибке мой бокал. По счастью, я из него не пила.

— Но почему? — спросил Тью. Он был бледен и дрожал самым жалким образом. — Почему вас хотели отравить?

— Когда я объявила во всеуслышание, что могу прочитать надпись, то солгала. Намеренно, чтобы меня попытались убить. Я думала, это будет нападение, и мы с моим спутником были к этому готовы. Но убийца перехитрил меня. Знайте, господин Тью, я от всего сердца жалею, что

послужила косвенной причиной смерти вашего кузена...

— Я попросил бы вас, сударыня, да и всех остальных — тоже, впредь воздерживаться от таких выходов, — сказал Фаррел. — Это безответственно, по меньшей мере.

Шут, стоя над трупом, печально звякнул колокольчиками.

— Испортить такой монолог... — пробормотал он с явным сожалением.

— Вы, госпожа, сильно меня разочаровали, — молвил кхитаец. — А я думал, что нынче вечером мы узнаем тайну замка Амрок!

Обойдя мертвое тело, Конан выглянул в окно. Начинались вечерние сумерки.

* * *

Киммериец был в бешенстве. Еще несколько лет назад он бы с огромным удовольствием сломал бы какую-нибудь мебель или же бил бы кулаками о стену. Но теперь Конан только ходил из угла в угол по спальне и время от времени взрыкивал. Альвенель, скинув одежду, сидела на кровати, поджав ноги и, прикусив губу, следила за ним.

— В конце концов, это невежливо, — произнесла она, потянувшись за покрывалом. — Я готова расплатиться с тобой, а ты даже не смотришь в мою сторону.

— Расплатиться? За что? — сердито сказал варвар. — Я ничего не могу сделать, и это выво-

дит меня из себя. Я будто кролик, угодивший в силки, не понимаю, что происходит, и не ведаю, что будет дальше.

— Как любой в этом замке. — Женщина пожалла плечами. — Что бы ни было, оно произойдет. Тогда и посмотрим. А теперь — иди ко мне. Доверься женской мудрости и выброси из головы все неприятные мысли.

Конан послушался ее, хоть избавиться от гнетущих раздумий так до конца и не смог. К счастью, это никак не сказалось на его мужской силе. В его объятиях Альвенель трижды достигла самых высот наслаждения. Она принадлежала к тому типу женщин, что в момент экстаза затихают, будто прячутся от кого-то и утаивают свою радость, лишь изредка позволяя легкому стону вырваться из груди.

Когда киммериец сам уже был готов испытать блаженство, неожиданная яркая мысль пронзила его сознание. Все вдруг стало ясным для него, яснее белого дня. Варвар громко рассмеялся. Альвенель посмотрела на него с удивлением.

— Что-нибудь не так? — спросила она.

— Напротив, все прекрасно! — заявил Конан, улыбаясь. — Лучше не может быть...

Отдохнув, киммериец потянулся за одеждой.

— Оставляешь меня? — Женщина приоткрыла один глаз и сонно потянулась.

— Предосторожности ради, я запроу тебя на ключ, — отвечал он. — Скорпионов в комнате нет. Если ты не будешь выходить, тебе ничто не угрожает.

— А если убийца свалится с потолка или выйдет из стены?

— Если ему действительно нужно убить тебя, он сделает это даже в моем присутствии, — произнес Конан. — Я же не могу вечно обходиться без сна, например. Нет, мне кажется, нынче ночью у него другая цель, и я попробую нанести упреждающий удар. От этого выйдет больше толку, чем от пустого ожидания. Спи и ни о чем не беспокойся.

Одевшись, он вышел, затворил за собою дверь и пошел по коридору. Теперь на всех обитаемых этажах в настенных подсвечниках горели свечи — так распорядился Фаррел.

Самую опасную тайну замка Амрок Конану удалось раскрыть. Но теперь он должен был придумать, как остановить зло.

* * *

Джокс чистил столовое серебро. Давным-давно, когда он только начинал службу в замке, процедура эта была священным ритуалом, осмысленным и точным. С годами осмысленность только усугубилась. А в настоящий момент мажордом подозревал, что сей сакральный обряд — единственное, что удерживает мир от полета в тартарары.

Закончив с ножами, Джокс разложил перед собою двузубые вилки. Тут следовало выдержать паузу, а после нее внимательно пересчитать столовые приборы.

— Откуда за столом мог взяться отравленный бокал? — спросил Джокс сам у себя и замер, потрясенный звуками собственного голоса. Никогда прежде ему не доводилось беседовать с самим собой. Он был смущен, словно его поймали на краже хозяйских чулок. Но способность рассуждать, годами дремавшая в его голове, вдруг пробудилась, и утихомирить ее было непросто.

— Бокалы я подал при сервировке, — продолжал мажордом. — Их было шесть, по числу гостей. И это были те же бокалы, из которых они пили накануне. Следовательно, ни один из них не отравлен. А-га... Убийца приносит отравленный бокал с собой, ставит его на стол перед леди, а ее бокал убирает. Куда он его денет? Выбросит в камин? Спрячет в своей одежде? Нет, в одежде неудобно. Камин вернее всего... но он был растоплен, и бокал лопнул бы от жара... — Тут Джокс прервал сам себя и заговорил горячо и торопливо: — Нет, Джокс, старина, все неверно. Господин Фаррел забрал отравленный бокал в качестве улики, а грязные бокалы — вот они, на столике. И их шесть...

Мажордом торопливо снял с себя фартук, набросил на плечи куртку и торопливо, бормоча под нос, зашагал в залу. Там он зажег все свечи и встал у дверей. События последнего ужина вновь промелькнули у него перед глазами.

Слуга должен быть внимательным, очень внимательным... Кто-то из господ только подумал о вине, а слуга уже обязан знать, белое или красное нужно налить... По движению руки слуге

приходится судить, хочет ли господин жаркого или подать ему сыр...

Джокс вспомнил, перед кем стояло два бокала. Этот человек пил из обоих, не делая слуге замечания, не выясняя, кому не досталось бокала. Он держал перед собою оба бокала, у всех на виду, так нахально, так дерзко, что никто не обращал на это внимания.

Никто, кроме слуги.

— Не может быть... — прошептал мажордом. — Не может быть! Но зачем? О боги, зачем?

— Это же очевидно, глупец! — раздался голос у него за спиной.

Джокс поднял голову и истошно закричал.

Того, кто стоял перед ним, нельзя было назвать человеком, о нет. Человеческой, хоть и уродливой, была фигура, но голова напоминала собачью. Черный, влажный нос со свистом втягивал воздух, желтоватые клыки врезались в верхнюю губу. На загривке торчком стояла жесткая шерсть, похожая на пучки игл.

Коротким прыжком чудовище преодолело расстояние, разделяющее их. Густой звериный запах обдал мажордома, он снова закричал и кинулся прочь, налетев при этом на угол стола. Удар получился сильный, и Джокс рухнул на пол, визжа от ужаса. Клыкастая пасть склонялась над ним. Джоксу показалось, что она ухмыляется.

Неожиданный громкий оклик, раздавшийся от входных дверей, заставил человекообразное существо подскочить на месте и клацнуть зубами. На пороге стоял Конан с мечом наизготовку.

— Теперь тебе не уйти, лорд Неизвестность, — произнес он. — Ты был слишком самонадеян.

— Ты думаешь? — ухмыльнулся собакоголовый и облизал клыки. — Попробуй, возьми меня!

— Стой! — закричал киммериец и замахнулся мечом, но было поздно. Чудовище крутанулось на месте и... растаяло.

— В чем дело? Что случилось? — слышалось из дверей.

Тью и Тянь-по, наспех одетые, стояли в коридоре. Тью был вооружен. Скоро появился и Фаррел с недовольным лицом. Джокс лежал в глубоком обмороке.

— Его надо перенести в людскую, — сказал страпчий.

— Тогда утром мы найдем его мертвым, — ухмыльнулся варвар. — Ну уж нет. Я посторожу его тут. Бедняга здорово напуган. Еще бы! Его пытались сожрать. Только почему? Он не является претендентом на наследство. Он всего лишь мажордом.

— Должно быть, он увидел кого-то или что-то при любопытных обстоятельствах, — проговорил кхитаец. — И догадался, в чем дело.

— Я тоже, — произнес Конан весело. — Присяживайтесь и слушайте, если вам интересно.

Последней в залу вошла Альвенель.

— Крики разбудили меня, — сказала она. — Вижу, что не меня одну.

Варвар нахмурился, вынул из поясного кармана ключ от спальни и подбросил его на ладони. Альвенель при этом слегка покраснела.

— Если вы хотите что-то объяснить нам, то теперь — самое время, — хмуро сказал судейский.

— Рассказчик из меня плохой, но лучше не расскажет никто, — ответил Конан. — Я начну. Когда мы вдвоем с госпожой поднимались в замок, она поведала мне о завещании и о надписи, начертанной на дубовой панели. А надпись, которую нам показали сначала, сделана по голому камню. Та, что под гобеленом, подлинная, — действительно на доске. Я удивился.

Фаррел бросил на Альвенель быстрый взгляд и многозначительно хмыкнул.

Конан продолжал. Действительно, говорить он был не великий мастер, и некоторые фразы давались ему с трудом, от чего он, и так сердитый, злился еще больше.

— Тянь-по вычитал в манускрипте, что пришелец из сопредельного мира может перемещаться сквозь стены и тому подобное. Мы были свидетелями некоторых странных вещей, которые иначе не объяснишь. Но почему лорд Неизвестность штурмовал замок, о чем нам поведал убитый Грателло? Почему он просто не возник, всем на удивление, из стены, как во второй раз?

— Это в самом деле странно, — согласился стряпчий.

— Графа Амрок предали, — пояснил киммериец. — Надпись на стене вовсе не запечатывает вход в сопредельный мир. Напротив — она и есть этот вход. Грателло нанес узор на стену и получил за предательство достойную плату, в конечном итоге — смерть.

— И кто же его убил? — глухо спросила Альвенель.

— Ты, — отвечал Конан.

Воцарилось молчание.

Потом Тью поднял голову.

— Значит, это все-таки она извела Ченси и натравила на Фазрти оживший труп?

— Нет, — покачал головой варвар. — Не она. Кое-кто другой.

— Как ты узнал? — Альвенель смотрела ему в глаза так, словно никого не было в зале, кроме них двоих. — Из-за того, что я оговорила про дубовую панель?

— Просто я догадался, кто ты такая. Ты — возлюбленная графа, существо из сопредельного мира. В тот вечер лорд Неизвестность не захватил тебя, ты успела уйти. Граф, изучив рисунок на стене и догадавшись о его назначении, стал разыскивать свою возлюбленную. Эти поиски привели его к гибели.

— Ты совершенно прав. — Женщина улыбалась, но глаза ее помертвели от тоски и давнего горя. — Я могу рассказать, как все случилось, если вам интересно.

— Да уж сделайте милость, — кивнул стряпчий. — А я подумаю, предъявлять ли вам официальное обвинение.

— Чур без меня не начинать! — вскричал шут, появляясь в дверях. Он быстро уселся за стол, звякнул бубенцами и скривил лицо, изображая внимательное ожидание. Увидев, однако, что дурачества его никого не развеселили, он ухмыль-

нулся и откинулся на спинку стула, уподобясь при этом кукле-марионетке с порванными веревочками.

— Раз я не на суде, вставать не буду, — произнесла Альвенель. — Но скажу сразу: я готова отвечать перед законом вашего мира. Своей цели я не достигла и уже, наверное, не достигну. Подлого предателя мне удалось покарать, но убийца моего избранника по-прежнему недостижим. Если мне не случится уничтожить его, господин Фаррел обвинит в случившемся меня одну. Я могла бы улизнуть в любой момент, но не стану этого делать.

— По всей видимости, держать ответ придется по всей строгости, — угрожающе промолвил стряпчий. — Вам угрожает колесование в лучшем случае.

Женщина нетерпеливо повела плечом.

— Не будем пока возвращаться к этому. Итак, Грателло предал своего господина. Тайно сговорившись с его врагом, он нанес на стену письма, открывающие коридор между мирами. Лорд Неизвестность — так его имя переводится на ваш язык — вероломно напал на графа, но я, из страха перед этим жестоким ревнивцем, сбежала. Много лет я проклинала себя за это! Лучше было бы погибнуть. Но в тот момент мое бегство спасло графу жизнь. Лорд Неизвестность кинулся за мной в погоню и оставил его в покое. Я тогда еще не знала, кто был предателем. Это выяснилось здесь, третьего дня. Грателло переврал подлинные события и этим выдал себя.

— Как случилось, что он не узнал вас? — спросил Тянь-по.

— В каждом мире есть свои обязательные условия, — ответила Альвенель. — В вашем такой условностью является внешность...

— То есть, вы не та, за кого себя выдаете? — насторожился Фаррел.

— А вам бы хотелось увидеть меня такой, какая я есть от рождения? Подумайте, может быть, не стоит?

Стряпчий задумался и кивнул.

— Возможно, вы правы, — сказал он. — Ладно, оставим это. Скажите лучше, при каких обстоятельствах вы познакомились с покойным графом Амрок?

— Согласно закону своего народа, я была со-сватана еще до рождения, — поведала Альвенель. — Согласно другому закону, мой супруг имел право убить меня после первой брачной ночи, если его не удовлетворит состояние моей целомудренности. Так вышло, что до свадьбы я увлеклась другим. Лорд Неизвестность узнал об этом и угрожал мне. «Брачное ложе станет ложем твоей смерти», — заявил он. Отказаться от брака со мною он, однако, не желал. Ему нравится убивать. Он пьянеет от безнаказанности. В нашем мире за ним известны такие преступления, рядом с которыми убийство — детская шалость.

Я решила убежать от него. Мне посчастливилось обнаружить один из коридоров — он ведет в укромную пещеру недалеко отсюда. Там граф и нашел меня, после чего тайно привел в замок.

Этим же коридором воспользовался лорд Неизвестность, когда пытался взять замок штурмом. По счастью, он находится слишком далеко от замка и не имеет над ним силы. Поэтому ревнивому убийце и понадобилась помощь Грателло. Итак, я скрылась, уводя за собой погоню.

Граф пытался разыскать меня. Он решил, что я вернулась в сопредельный мир, и однажды отправился туда. Но вероломный слуга предупредил жестокого лорда, и произошла катастрофа. Человек, которого я любила, попался в ловушку и был хладнокровно убит. Я же в это время находилась далеко от него... Спасаясь, я попала в большую переделку и чуть не погибла, но судьба помогла мне выжить. Скажу только, что перенесенная мною болезнь и душевное расстройство отняли у меня память.

Один добрый человек вывез меня из зачумленного города и взял под свою опеку. Несколько лет кряду я всерьез считала себя его дочерью. Однако воспоминания постепенно вернулись ко мне. Я решила отомстить и воспользовалась завещанием графа как предлогом. На самом деле оно меня не интересует.

Мой враг оказался хитрее. Он освоился в вашем мире и считал замок своим пограничным поместьем. Его устраивало отсутствие законного хозяина. Я уверена, что придумывая жестокости, которые он обрушил на вас, лорд Неизвестность получал удовольствие.

— Получается, что любой из нас на самом деле может оказаться им? — кхитаец поморщил-

ся. — Ведь он не может оставаться невидимым, не так ли? Для того, чтобы действовать среди нас, ему нужно принять чей-то облик.

— Совершенно верно, — подтвердила Альвенель. — Теперь он точно знает, что я — это я. А мне до сих пор неизвестно, под чьей личиной он скрывается.

— Зато мне известно, — сказал Конан. — То есть, разгуливая по замку, он представлялся каждым из нас, по очереди. Уличить его было невозможно. Но я знаю, под чьим обликом он прячется сейчас. Пора и вам узнать.

С этими словами киммериец трижды хлопнул в ладоши, и по этому сигналу из-за занавеса выпрыгнул... шут Баркатрас.

— Гоп-ля! — вскричал он. — Два дурака в одной комнате — это слишком!

— Полегче, куманек! — воскликнул его двойник, сидевший за столом. — Количество дураков можно сократить, никто и не заметит!

— Хватит! — рявкнул Конан, поднимаясь. — Ты попался в мою западню. Я подговорил настоящего Баркатраса затаиться, предположив, что ты заметишь его отсутствие и выберешь именно его обличье.

— Тебе — конец! — закричал Тью, обращаясь к мнимому шуту. Он вскочил, схватил свой стул и, замахнувшись, обрушил страшный удар на шутовского двойника, который ломался и приплясывал в жуткой пантомиме.

Однако в самый последний момент лже-шут увернулся. Ловкость и быстрота его движений

превосходили возможное. В следующий миг двойник стал выше ростом, а уродливая его голова у всех на глазах стала вытягиваться, преобразаться. Загрибок взъерошился колючей шерстью, желтый огонек заплясал в глазах. Собакоголовый ощерился и одним ударом когтистой лапы повалил Тью навзничь.

— Вам все равно не поймать меня, — прорычал он. — А я по очереди убью вас всех, и это меня позабавит. А тебя, распутная дрянь, я убью с особым удовольствием.

— Нет-нет-нет, — проговорил кхитаец, качая головой, словно фарфоровая игрушка. — Удрать у вас не получится. Попробуйте, если хотите.

Собакоголовый клацнул зубами, развернулся, заворчал и на короткую долю мгновения сделался прозрачным, но неожиданно, с сильным хлопком, отлетел к противоположной стене.

— Понимаете, — пояснил Тьянь-по, — мне удалось прочесть эти письма.

— Почему же вы раньше не сказали? — поразился стряпчий.

— Мне не улыбалось владеть таким наследством, — вздохнул кхитаец. — Бедному каллиграфу ни к чему соседство с сопредельным миром. Слишком много суеты. Ну так вот — если прочесть значки в обратном порядке, что я только что и сделал про себя, коридор между мирами закроется. Чтобы открыть его, вам придется разгадать шифр. Это несложно, однако потребует времени...

— А его у тебя нет! — с этими словами варвар

выхватил свой меч. — Поднимайся и дерись, гадина.

Собакоголовый не заставил повторять вызов дважды. Он встал на ноги, встряхнулся, сделался еще больше ростом, причем обрывки шутовской одежды на нем пропали, словно втянулись в плоть, а вместо них заблестели белые латы с шипами на наручах и поножах.

— Мелкие гнусные твари! — изрыгнул он. — Сначала я уничтожу вас, а потом пойду войной на ваш гнусный мирок!

И белый латник бросился на Конана, с убийственной силой молотя закованными в броню руками. От соприкосновения доспехов с клинком Конана посыпались в стороны яркие искры. Меч не мог причинить собакоголовому никакого вреда — на латах не оставалось даже царапины.

Альвенель закричала, когда лорд Неизвестность нанес киммерийцу удар по голове. Конан пошатнулся, но устоял на ногах. Кровь из рассеченного лба заливала ему глаза.

— Крепкая голова, — оскалился белый латник. — Интересно, с какого по счету удара она лопнет?

Варвар сделал вид, будто с трудом переводит дыхание. На самом деле он в уме рассчитывал свои дальнейшие действия. Когда собакоголовый кинулся на него, киммериец чуть подался в сторону, одним прыжком вскочил на пиршественный стол и оттуда рубящим ударом дотянулся до незащищенной головы противника.

Лорд Неизвестность яростно зарычал, но рык

его перешел в визг и поскуливание. Он зашатался и рухнул в агонии.

* * *

К завтраку Джокс настолько пришел в себя, что мог прислуживать за столом. Тью тоже чувствовал себя недурно, но, глядя на него, Конан подумал: «Нескоро этот юнец вернется к своей беззаботности».

— Нет, ну подумать только, — разглагольствовал Фаррел, — этот мерзавец вчера так хорошо исполнял свою роль, что никто из вас не догадался, в чем дело. Я мирно спал в своей комнате, а он сидел за столом и вещал о законе от моего имени!

— И даже вел следствие, — хмуро подтвердил Тью.

— Как же ему это удалось? Должно быть, вместе с моей внешностью он позаимствовал и мой здравый смысл.

— Очень возможно. — Тянь-по улыбнулся. — Есть такая притча. На старости лет почтенный Ю повредился в уме. Ему казалось, что он — журавль. Старика поместили в дом призрения, но однажды его увидели гуляющим по улице. Тогда у него спросили: «Почтенный Ю, как вы выбрались оттуда? Там ведь стража у ворот и очень высокий забор. Неужели вы перелезли через него?» Ю отвечал: «Я перелетел. Для журавля это совсем не сложно».

— Хорошо бы и нам так повредиться в уме, —

хмыкнул стряпчий. — Впереди — несколько недель плена. Помощь раньше не подоспеет.

— Может быть, я смогу починить один из летающих механизмов, — молвил кхитаец. — Но мне бы не хотелось, честно говоря. Изобретения графа, возможно, и хороши, но человечество до них еще не доросло. Если всякий начнет летать по воздуху, нарушая законы природы, такая поднимется суеда, что страшно и подумать.

— А зачем Грателло взорвал мост? — вдруг спросил Тью.

— По приказу белого латника, я полагаю. Тому хотелось вдоволь поиграть с нами, прежде чем убить. Для этого нужно было отрезать нас от мира. Следующему владельцу придется вводить голубиную почту, — сказал Фаррел.

— А почему граф так четко указал время, в которое можно расшифровывать надпись? — Тью мрачно оживился, в нем неожиданно проснулось любопытство.

На этот вопрос ответила Альвенель.

— В указанное время коридор между мирами размывается, — сказала она. — Графу не хотелось, чтобы кто-нибудь случайно пострадал. Вот и все. Если бы он знал...

— Я потороплю помощь, — неожиданно произнес киммериец. — Мне надоел этот замок и его тайны. Жаль, что науку и магию нельзя запретить. Все эти летающие скамейки и прочее не сделают жизнь лучше. Я ухожу.

— Как вы преодолеете пропасть? — удивился Фаррел.

— Спущусь на дно, а потом поднимусь на другую сторону. Это займет пару дней. Жаль только, коня придется оставить. Ничего, добуду нового.

— Ты ведь мог уйти раньше, — молвила Альвенель, заглядывая в его глаза.

— Не мог. Я иногда нарушаю обещания, но это был не тот случай.

— Я с тобой. — Альвенель решительно поднялась из-за стола. — Мне тоже нечего здесь делать. Месть свершилась. Законный наследник — Чан Тянь-по. А господин Фаррел не предъявил мне обвинения. Значит, ничто меня тут не держит.

Их действительно никто не удерживал. Собрав в дорогу свои нехитрые пожитки, оба без сожаления покинули замок Амрок. Пройдя в пути через множество опасных приключений, они расстались у границ Бритунии. Никто из них не знал, доведет ли судьба свидеться еще раз, и они попрощались навсегда.

* * *

Замок Амрок стоит и поныне. В найденных документах значится, что Тянь-по уступил его Тью, а тот, в свою очередь, продал замок герцогу. Слуги дожили свой век, и теперь в голых мрачных стенах обитают только сумерки, дождевая сырость и воспоминания.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

Олаф Бьорн Локнит, Керк Монро

Предисловие авторов.....	7
1. Первый рассказ Халька.....	15
2. Первый рассказ Гвайнарда.....	50
3. Второй рассказ Халька.....	83
4. Первый рассказ графа Кертиса.....	119
5. Второй рассказ Гвайнарда.....	151
6. Первый рассказ Ламбера.....	183
7. Первый рассказ Зенобии.....	219
8. Второй рассказ графа Кертиса.....	255
9. Второй рассказ Зенобии.....	288
Дуглас Брайан. Тайна замка Амрок.....	307

Издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

*представляет
знаменитый цикл романов фэнтези*

ДЖОН МЭДДОКС РОБЕРТС
«ЗЕМЛЯ БУРЬ»

ОСТРОВИТАНИН
ЧЕРНЫЕ ЩИТЫ
ОТРАВЛЕННЫЕ ЗЕМЛИ
СТАЛЬНЫЕ КОРОЛИ
ВЛАДЫЧИЦЫ ЗЕМЛИ И МОРЯ

Издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

*представляет
знаменитый цикл романов фэнтези*

КАТАРИНА КЕРР
«ДЭВЕРРИ»

ЧАРЫ КИНЖАЛА
ЧАРЫ ТЬМЫ
ЧАРЫ ЗАРИ
ЧАРЫ ДРАКОНА
ДНИ ИЗГНАНИЯ
ДНИ ЗНАМЕНИЙ
ДНИ ВОЙНЫ
ДНИ ПРАВОСУДИЯ
КРАСНЫЙ ВИВЕРН
ЧЕРНЫЙ ВОРОН
ОГНЕННЫЙ ДРАКОН

Издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
 представляет
 знаменитый цикл исторической фэнтези

«Боярская готня»

Земля мертвых
 Череп епископа
 Донос мертвеца
 Царская дыба
 Дикое поле
 Люди меча
 Слово шамана
 Камни Юсуфа
 Черный легион

Корсары Балтики
 Старая крепость
 Русский булат
 Наследники Борджиа
 Пленники вечности
 Хрустальный крест
 Власть чародея
 Скитальцы

издательство
СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС
 представляет:

БАРБАРА ХЭМБЛИ "ХРОНИКИ ДАРВЕТА"

ВРЕМЯ ТЬМЫ
 ВОЗДУШНЫЕ СТЕНЫ
 БОИШТВО РАССВЕТА
 МАТЬ ЗИМЫ
 ЛЕДЯНОЙ СОКОЛ

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас
Локнит Олаф
Монро Керк

КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

Руководитель проекта *Дмитрий Нвахтов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Обложка: *Владимир Савватеев*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентина Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наша электронная почта: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кап. Грибоедова, 148-150, пом. 51Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И САГА ТУМАНА 64	КОНАН И АМЬ ЗЕМЛИ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68	КОНАН И АЛМА ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ГОЛОС МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕМЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПЕРЫЦ ЗВЕРЯ 74	КОНАН И ЖЕЛТЫЙ ПУСТЫНЬ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СКОРПИОН ТАРАНТИ 77	КОНАН И НЕЖЕЛОВАН КУБОК 78	КОНАН И УНИЦЫ ЧУДОТВОР 79	КОНАН И СТРАШНОЕ МОРЕ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81
КОНАН И ВЛАДЫКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАГРАДА НАМНИКА 83	КОНАН И ЛЕГНИИ ЗАРИ 84	КОНАН И ПАМЬ ВОСРЕЗАН 85	КОНАН И ТРОН ВЕДЬМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88	КОНАН И ДАНДИ ЖЕЛАНИИ 89	КОНАН И ВОАЧЕЛ БАШНИ 90
КОНАН И КАВКА ВАРВАРА 91	КОНАН И СМЕТЬ МАГА 92	КОНАН И ЗОЛОТЫЙ ПАНТЕРА 93	КОНАН И АЛЕВИЛА ЛЕМУРИИ 94	КОНАН И ЛЮСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН И ТАИНЫ ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАБ ТАЛАНТА 97	КОНАН И ПОХОД ОБРЕЩЕННИК 98	КОНАН И ЧАРЫ КОМАДУНИ 99
КОНАН И ГЕРОИ ДЛЯБОРИИ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ 101							

ISBN 5-17-029022-5

9 785170 290222